

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Горбатовский Александр Сергеевич

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. КЕЛЬМАНА «TYLL»)**

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Олейник Марина Алексеевна

Краснодар – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	15
1.1 Аспекты взаимодействия языка и культуры в системе современного гуманитарного знания.....	15
1.2 Культурное пространство как предмет лингвокультурологического исследования.....	28
1.3 Культурное пространство и художественный текст.....	39
1.4 Взаимосвязь лексики и культурного пространства художественного текста в рамках лингвокультурологического подхода.....	56
1.4.1 Лингвокультурологический аспект исследования лексических единиц в художественном тексте.....	56
1.4.2 Языковые средства моделирования культурного пространства в аспекте лингвокультурологического анализа.....	71
Выводы к главе 1.....	85
ГЛАВА 2. СИСТЕМА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ МОДЕЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	87
2.1 Особенности систематизации лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте.....	87
2.2 Денотативный аспект значения лексических единиц выявления элементов культурного пространства в художественном тексте.....	97
2.3 Семантические категории и компоненты как средства моделирования культурного пространства.....	113
2.4 Особенности взаимосвязи культурно значимых языковых единиц в процессе моделирования культурного пространства.....	130
2.5 Лексико-семантические средства как элементы культурного пространства.....	140

2.6 Лингвокультурологические характеристики лексико-семантических средств моделирования культурного пространства.....	147
Выводы к главе 2.....	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	168
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XX в. ознаменовалась интенсивным изменением направления исследований в области языка. Если ранее лингвисты руководствовались системоцентричным подходом к изучению речевой деятельности, то в современном языкознании на передний план вышел антропоцентричный подход. Это изменение существенно затронуло интересы исследователей, поставив в центр лингвистического знания взаимодействие языка с процессами человеческого мышления, сознания и бытия. Антропоцентризм в рамках лингвистики послужил импульсом для появления новых направлений в исследовании языка, утвердившихся в XXI в. в качестве самостоятельных наук: когнитивной лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, этнопсихолингвистики, лингвокультурологии. Принципиально новым в исследовании языковых явлений в рамках появившихся направлений стал анализ дихотомий, например, «язык – мышление», «язык – общество», «язык – культура». Язык в данном контексте рассматривается как важнейший элемент изучения познавательных и мыслительных механизмов сознания человека, как средство накопления и передачи социальных, культурных и других знаний.

Особенности мышления, культуры, мировосприятия, характерные для определенной нации, отображаются в языке посредством формирования языковой картины мира как «субъективно-объективного образа реального мира» [Апресян 1973, с. 42]. Благодаря языковой картине мира как научной категории исследователям удалось не только обозначить характерные черты национального мировоззрения внутри определенной лингвокультурной общности, но и раскрыть аккумуляцию культурного наследия данного сообщества при помощи языковых средств.

Одной из форм существования культуры в сознании человека является культурное пространство. Культурное пространство представляет собой информационно-эмоциональное поле, одновременно абстрактное и реальное

пространство, в котором существует и функционирует человек [Красных 2003]. Обладая всеми существующими и потенциальными представлениями о феноменах культуры среди членов культурного сообщества, культурное пространство выступает в качестве совокупности всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств носителей национальных лингвокультур. Выявление и изучение культурного пространства становится возможным только благодаря исследованию его структурных единиц, которые отражаются в языке.

Наиболее иллюстративным с точки зрения употребления разнообразных языковых средств, передающих культурно значимую информацию, является художественный текст. Как один из способов репрезентации культурного пространства художественный текст служит экспликатором ментальных ценностей представителей того или иного социума, воссозданных автором в произведении посредством определенных языковых средств. Наиболее существенными для моделирования культурного пространства текста являются лексические единицы и их семантические составляющие, реализующие кумулятивную функцию языка.

Многочисленные особенности лексических единиц и их сочетаемость с различными языковыми средствами обуславливают моделирование культурного пространства в художественном тексте: они разделяют культурное пространство, создают в нем иерархически выстроенную систему, элементы которой обладают разнообразными лингвокультурологическими характеристиками. Эти характеристики детерминированы культурной спецификой описываемой исторической эпохи.

Актуальность исследования определяется его антропоцентрическим характером. Экспликация знаний о культуре в результате исследования художественного текста дает возможность воссоздать языковую, культурную и концептуальную картины мира, которые непосредственно связаны с формами самореализации человека. Изучение взаимосвязи языка и культуры, проявляющейся во всем многообразии составляющих текст языковых единиц,

с опорой на нелингвистическое понятие «культурное пространство» позволяет комплексно описать процесс передачи культурно значимой информации в художественном тексте.

Объектом исследования в диссертации выступают лексико-семантические средства моделирования культурного пространства в художественном тексте.

Предметом исследования является лингвокультурологическая специфика лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте.

Материалом для исследования послужил роман Д. Кельмана «Tyll», написанный на немецком языке и опубликованный в 2017 г. Авторский стиль Д. Кельмана отличается языковым богатством. Роман посвящен историческим событиям Тридцатилетней войны (XVII в.). Характерным для данного произведения является наличие объемного культурного подтекста и свойственная современным художественным текстам интерпретация авторами знаменитых исторических событий. Важным в выборе материала представляется и время написания текста, которое не соответствует времени, описанному в романе. Передача культурно значимой информации связана с изображением исторического периода, предшествующего времени написания текста, что требует от автора особого подхода к подбору языковых средств, описывающих культурно обусловленные особенности быта, технические достижения, духовные ценности и пр.

На выбор художественного текста повлияло и многообразие имплицитных и эксплицитных языковых средств передачи экстралингвистической информации, что не является характерным для текстов, принадлежащих к другим функциональным стилям и обладающих меньшей степенью образности. Специфика языковых средств, функционирующих на семантическом, лексическом, стилистическом и других уровнях, позволяет определить особенности и степень их участия в моделировании культурного пространства в романе.

Комплексное исследование особенностей функционирования лексико-семантических средств в романе «Тулл» дает возможность выявить особенности моделирования культурного пространства в анализируемом художественном тексте. В ходе исследования методом сплошной выборки были отобраны 1466 фрагментов текста. С опорой на терминологический аппарат лингвокультурологии они рассматриваются нами как лингвокультуремы, состоящие из одного и более предложений, которые иллюстрируют функционирование лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в тексте.

В основе исследования лежит следующая **гипотеза**: культурное пространство, моделируемое в художественном тексте, представляет собой иерархически выстроенную систему. Языковые единицы, обладающие специфическими лингвокультурологическими особенностями, воссоздают и упорядочивают в тексте элементы культурного пространства. При этом построение модели культурного пространства художественного текста зависит от семантических характеристик лексических единиц.

Цель работы состоит в выявлении специфики моделирования культурного пространства в художественном тексте различными лексико-семантическими средствами.

Для достижения данной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) определить соотношение понятий «язык», «культура», «культурное пространство» и «текст»;
- 2) описать подходы к изучению культурной маркированности языковых единиц в современной лингвистике;
- 3) провести анализ лексико-семантических средств, участвующих в моделировании культурного пространства в художественном тексте, и разработать их классификацию;
- 4) установить особенности взаимосвязи лексико-семантических средств и элементов культурного пространства в художественном тексте;

5) определить лингвокультурологические характеристики лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте.

Теоретическую базу исследования составляют основополагающие труды отечественных и зарубежных ученых в области:

– лингвокультурологии (А. Вежбицкая (1997), Е.М. Верещагин (2005), С.Г. Воркачев (2013), В.В. Воробьев (1997), А.В. Зиньковская (2018), В.И. Карасик (2001), В.В. Катермина (2018), М.Л. Ковшова (2012), В.Г. Костомаров (2000), Н.А. Красавский (2008), В.В. Красных (2016), В.А. Маслова (2010), Ю.С. Степанов (1997), В.Н. Телия (1996), В.И. Тхорик (2016), Н.Ю. Фанян (2016), В.М. Шаклеин (1997), Н. Куфе (2012), А. Linke (2008), М. Mast (2020), F. Royatos (1976) и др.);

– исследования культурного пространства (А.Г. Букин (2006), А.Н. Быстрова (2004), А.Ю. Ивлева (2009), А.С. Кармин (2010), Е.А. Ключева (2015), В.В. Красных (2004), М.Я. Сараф (2017), О.А. Темникова (2016) и др.);

– лингвистического моделирования (А.Н. Баранов (2001), К.Н. Белоусов (2010), В.В. Богуславская (2008), И.В. Дорофеева (2017), О.Л. Каменская (1990), М.Н. Лату (2013), А.Ф. Лосев (2010) и др.);

– теории текста (Н.Д. Арутюнова (1999), М.М. Бахтин (1975), Н.С. Болотнова (2009), М.П. Брандес (1983), И.Р. Гальперин (2007), Е.И. Диброва (2008), Л.А. Исаева (1996), Е.С. Кубрякова (1987), А.В. Кузнецова (2021), М.Н. Левченко (2021), Ю.М. Лотман (1999), Е.Н. Лучинская (2019), Г.Н. Манаенко (2017), О.И. Москальская (1981), В.Е. Чернявская (2018), К. Adamzik (2004), К. Brinker (1993), К. Bühler (1999) и др.);

– семиотики (Л.Ю. Буянова (2013), С.Г. Воркачев (2013), Ю.М. Лотман (2001), Е.А. Подтихова (2013), В.М. Розин (2008), Ф. де Соссюр (1977), Ю.С. Степанов (1997), F. Royatos (1976) и др.);

– лингвистической семантики (О.А. Алимуратов (2011), И.В. Арнольд (2016), О.С. Ахманова (2018), Н.Н. Болдырев (2000), Е.В. Гулыга (1977),

Р. Карнап (1959), И.М. Кобозева (2000), Н.Г. Комлев (2017), Е.В. Падучева (1996), В.Н. Телия (1986), В.Н. Ярцева (1990) и др.);

– стилистики (И.Е. Аверьянова (1981), И.В. Арнольд (2002), Н.С. Болотнова (2009), М.П. Брандес (1983), И.Р. Гальперин (2007), А.И. Горшков (2000), В.Д. Девкин (1979), Е.И. Диброва (1997), Ярцева (1990) и др.);

– модальности (А.А. Балакина (2011), О.И. Москальская (1980), С.Т. Нефедов (2008), Ю.П. Нечай (1993), В.З. Панфилов (1977), J. Buscha (1991), G. Helbig (1991), M. Hug (2016), K. Kessel (2005), H. Weinrich (1993) и др.) и т.д.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

– в качестве основы лингвокультурологического анализа лексико-семантических средств, воссоздающих культурное пространство в художественном тексте, рассмотрен метод лингвистического моделирования, позволяющий установить взаимосвязи между реальными объектами культуры и способами их вербализации в тексте;

– разработана классификация лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте и описана специфика их функционирования в исследуемом романе с учетом анализа семантических компонентов лексических единиц и их сочетаемости;

– в процессе моделирования культурного пространства художественного текста выделены следующие этапы: 1) выявление элементов культурного пространства в тексте; 2) установление взаимосвязи между элементами культурного пространства в тексте; 3) описание культурно значимых особенностей данных элементов;

– определены следующие лингвокультурологические особенности лексико-семантических средств моделирования культурного пространства: 1) способность к привлечению внекультурных смыслов в процессе воссоздания культурного пространства; 2) способность к упорядочиванию элементов культурного пространства; 3) способность к выявлению

приоритетности элементов культурного пространства для раскрытия авторского замысла; 4) способность к имплицитной или эксплицитной вербализации элементов культурного пространства; 5) способность к отображению внутритекстовой динамики моделирования культурного пространства; 6) предельность лингвокультурем, образуемых лексико-семантическими средствами.

Теоретическая значимость исследования заключается в междисциплинарном подходе к изучению культурно значимой экстралингвистической информации в художественном тексте с опорой на анализ лингвокультурной, лексико-семантической и стилистической специфики языковых единиц. Рассмотрение лексико-семантических средств, передающих культурно значимую информацию в тексте, позволяет исследовать особенности и этапы моделирования культурного пространства как единого целого, вербализованные элементы которого обладают семантически обусловленными характеристиками и взаимосвязями.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения её результатов в курсах лекций и на практических семинарах по общему языкознанию, лингвокультурологии, лингвострановедению, этнолингвистике, лексикологии, межкультурной коммуникации, стилистике немецкого языка, теории текста, вопросам анализа художественного текста и др.

На защиту выносятся следующие положения диссертационного исследования:

1. Моделирование культурного пространства художественного текста обусловлено характеристиками лексико-семантических средств, образующих лингвокультуремы – единицы, обладающие лингвистическим и экстралингвистическим (культурным) содержанием. Исследование культурного пространства романа Д. Кельмана «Tyll» при помощи метода моделирования с опорой на анализ лексико-семантических средств позволяет выявить модель культурного пространства. Эта модель отражает

совокупность знаний о фрагменте реального культурного пространства, вербализованного в тексте и необходимого для реализации авторского замысла.

2. Денотативное значение лексемы как единицы, выявляющей и группирующей культурно значимые элементы, способствует моделированию культурного пространства художественного текста на эксплицитном уровне. Денотативное значение лексем, определяющее степень их культурной маркированности, задает вектор раскрытия культурно значимой информации в художественном тексте. Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства контекстуально связаны с культурно-маркированной лексической единицей как актуализатором, раскрывающим их лингвокультурный потенциал. Денотативный аспект значения лексических единиц образует в художественном тексте ядро культурного пространства, т.е. совокупность культурно значимых денотатов. Ядро культурного пространства художественного текста дополняется различными чертами, характеристиками и особенностями элементов культурного пространства при помощи примыкающих к данному ядру лексико-семантических средств.

3. Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства подразделяются на внутрилексемные и межлексемные. К внутрилексемным средствам относятся семантические компоненты лексической единицы, обуславливающие культурную референцию. Межлексемные средства моделирования культурного пространства выделяются с опорой на взаимосвязи между лексемами. Межлексемные и внутрилексемные средства образуют имплицитный уровень моделирования культурного пространства.

4. Лингвокультурема, образованная лексико-семантическими средствами, формируется в результате вербализации в тексте внеязыковых культурно значимых элементов при помощи внутриязыковых элементов культурного пространства. Следовательно, взаимосвязь лексико-семантических средств и элементов культурного пространства

характеризуется многоаспектностью: благодаря семантическим компонентам лексико-семантические средства, образующие лингвокультуремы, вербализуют в художественном тексте внеязыковые элементы культурного пространства. При этом лексико-семантические средства как единицы языка представляют собой внутриязыковые элементы культурного пространства, поскольку язык является частью культуры.

5. Лексико-семантические средства, образующие лингвокультуремы, упорядочивают элементы культурного пространства в художественном тексте. Совокупность лингвокультурем характеризуется предельностью смыслового значения, что способствует формированию как внутренних, так и внешних границ моделируемого культурного пространства. Лексико-семантические средства моделирования предопределяют позиционирование составляющих элементов культурного пространства, обуславливая их равноправные или иерархически выстроенные взаимоотношения.

В основу исследования положены такие общенаучные методы, как описательный и сопоставительный, а также метод анализа от частного к общему и от общего к частному. Среди использованных частнонаучных методов наиболее важными являются методы лингвокультурологического, семантического и контекстуального анализа. В рамках исследования также использованы элементы метода количественного подсчета и метод моделирования.

Апробация результатов исследования проводилась на международных научно-практических конференциях «Германистика в современном научном пространстве» (Краснодар, 2017, 2020, 2021), «Проблемы исследования и преподавания иностранных языков в поликультурном пространстве» (Краснодар, 2019), «Жизнь языка в социуме и культуре 8» (Москва, 2021), «Этнокультурные феномены в образовательном процессе» (Чебоксары, 2021), «Диалог языков и культур: опыт, инновации, перспективы» (Краснодар, 2021), на Международном филологическом конгрессе «Филология в контексте коммуникации и современной культуры» (Краснодар, 2020), на научном

семинаре кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета (Краснодар, 2020, 2021), Международном научном онлайн-семинаре аспирантов в Польше (Варшава, Краков, Краснодар 2021, 2022).

Основные положения исследования отражены в 11 научных публикациях, четыре из которых представлены в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Общий объем диссертации составляет 197 страниц. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего труды отечественных и зарубежных авторов.

В первой главе «Культурное пространство в научной парадигме лингвистических исследований» осуществляется обзор научных трудов отечественных и зарубежных лингвистов по теме исследования и обосновывается предлагаемый лингвокультурологический подход к исследованию культурного пространства, моделируемого исследователем в художественном тексте при помощи анализа лексико-семантических единиц. В данной главе также проводится сопоставление единиц лингвокультурологического анализа, выявляются характеристики, необходимые для исследования культурно значимой информации языковых единиц, определяется место лексико-семантических средств моделирования культурного пространства художественного текста в системе лингвокультурологических терминов.

Во второй главе «Система лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте» дается лингвокультурологический анализ функционирования лексико-семантических средств в процессе моделирования культурного пространства в художественном тексте. В ходе исследования выявляются особенности функционирования лексико-семантических средств, определяющие этапы моделирования культурного пространства художественного текста, а также

методообразующие принципы его анализа. Кроме того, нами рассматривается многоуровневая взаимосвязь между лингвокультуремой и культурным пространством, обуславливающая лингвокультурологические особенности средств моделирования культурного пространства в художественном тексте.

В заключении представлены результаты проведенного исследования, отражены основные результаты анализа эмпирического материала, а также обозначаются перспективы дальнейшего исследования языковых средств моделирования культурного пространства.

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1 Аспекты взаимодействия языка и культуры в системе современного гуманитарного знания

Язык, являясь многоуровневым феноменом, тесно связан с множеством аспектов человеческой жизни и исследуется рядом научных дисциплин. Для теории языка важную роль играют исключительные свойства, которые характерны только для него и выделяют его как уникальное явление. Однако именно данные, вычленяемые в языке наукой, помогают наиболее точно и емко отобразить отдельные функции и свойства языка.

Различные подходы к исследованию языка не упрощают задачу создания его четкого и лаконичного определения, которое могло бы удовлетворить запросы представителей многообразных научных направлений. Поэтому на данном этапе развития науки существует множество дефиниций языка как междисциплинарного термина. В.М. Солнцев, например, представляет несколько возможностей определения понятия «язык», исходя из выделяемых сторон языка, к которым он отнес:

- существование языка (язык исследуется как результат социального навыка создания составляющих элементов из звуковой материи при помощи объединения звуков с определенным денотативным значением);
- функции языка (язык как средство коммуникации рассматривается в качестве важного элемента формирования, выражения и сообщения мысли);
- устройство языка (язык рассматривается в качестве совокупности единиц, при этом важную роль играют правила их использования и возможные комбинации);
- информативность (язык исследуется как код, передающий семантическую информацию);

– семиотика (язык изучается не просто как совокупность единиц, а как система знаков, представляющих собой «материальные предметы (звуки), наделенные свойством обозначать что-то, существующее вне их самих») [Солнцев 1977, с. 11].

Учитывая различные стороны языка, И.А. Бодуэн де Куртенэ предложил следующее определение понятия «язык»: «Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа (как комплекса (собрания) чувствующих и бессознательно обобщающих единиц) и подходящих под ту же категорию, под то же видовое понятие на основании общего им всем языка» [Бодуэн де Куртенэ 2017, с. 46].

В.М. Солнцев определяет язык, обращая особое внимание на его организацию: «Язык – это совокупность правил, по которым делаются предложения, и множество наделенных смыслом, или значением, единиц, которые используются в соответствии с правилами» [Солнцев 1977, с. 66]. Важно отметить, что большинство «классических» дефиниций охватывает сразу несколько категорий. В качестве продолжения своего определения В.М. Солнцев раскрывает следующую мысль: «Язык есть система, но это система иного рода и иного порядка, чем те системы, которые в речи делаются из элементов языка. Система языка – это своего рода «кладовая», где сложены (не в прямом смысле, конечно) правила и элементы (или единицы)» [Солнцев 1977, с. 66]. В данном определении природа языка раскрывается с точки зрения семиотики. Одним из основоположников концепции о языке как «системе систем» или системе неравнозначных знаков является Ф. де Соссюр, полагавший, что язык – «это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа» [Соссюр 1977, с. 53]. Таким образом, несмотря на наличие множества подходов к определению языка, его многомерность и наличие в нем множества разноуровневых единиц не всегда позволяет дать четкое определение при рассмотрении только одного из его аспектов.

Более того, многоаспектность самих определений напрямую связана и с междисциплинарными подходами к изучению языка как феномена. Например, Н.Г. Комлев определяет язык «как конечный ряд с определенной частотностью повторяющихся звукотипов, имеющих единую различительную значимость, и которые, выступая в упорядоченных комплексах, обладают единой информационной значимостью» [Комлев 2017а, с. 27]. Согласно указанной дефиниции, понимание языка невозможно без знаний теории когнитивистики, психологии, семиотики и других наук. Это напрямую связано с различными формами человеческой деятельности, которые и обслуживает язык, обуславливая их существование.

Поднимая вопрос о связи языка с жизнедеятельностью человека, отметим, что язык – это всегда социальное явление, которое развивается в говорящем и слушающем человеке и реальных социальных ситуациях и служит системой знаков для процессов мышления, познания и социальных действий людей [Oksaar 1988, S. 7]. Связь языка и форм человеческой деятельности в большей или меньшей степени отображается во многих классических определениях. Так, например, Э. Сепир предлагает следующую дефиницию: «Язык есть чисто человеческий, неинстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов» [Сепир 1993, с. 31]. Несмотря на ряд определенных затруднений в восприятии понятия «язык», которые вызывают широко понимаемые термины «мысль», «эмоция» и «желание», именно эти термины указывают на связь языка с различными разновидностями человеческой деятельности. Вопреки многочисленной критике данного определения, которая ставит под сомнение исключительную принадлежность языка человеку и его «неинстинктивность», Э. Сепир имплицитно указывает на эмотивную, экспрессивную и когнитивную функции языка. Эти функции связаны с формами человеческой деятельности, что вновь подчеркивает их связь с языком.

Рассмотрим в качестве другого примера определение языка, сформулированное Н. Хомским, которого принято считать родоначальником лингвистического направления, называемого «трансформационной грамматикой». Американский исследователь понимает язык как «множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов» [Хомский 1962, с. 416].

Тем не менее в большинстве определений язык рассматривается как особая система знаков, которая нацелена на осуществление процесса коммуникации [Соссюр 1977; Ахманова 2018].

Каждый отдельно взятый язык обладает свойствами, отображенными в различных его определениях. Однако гибкость и способность к изменению не только роднят все естественные языки, но и накладывают свой индивидуальный отпечаток, обусловленный экстралингвистическими критериями. К важнейшим критериям формирования, изменения и эволюционирования языка в данном случае относится культура.

Культура, являясь таким же неоднозначным понятием, как и язык, представляет собой весьма сложную, иерархически выстроенную систему со множеством структурных элементов. Поскольку особенности культуры отражаются в различных языковых явлениях и структурах, понимание их взаимосвязи не только важно, но и необходимо для верной интерпретации данной системы и ее функционирования в целом [Günthner 2006].

Как правило, каждый исследователь в области культурологии, социологии или философии, анализируя культуру как уникальное явление, дает свою интерпретацию важнейших концепций и представлений о культуре. Согласно исследованиям Л.Е. Кертмана, в середине XX в. науке было известно около 250 определений понятия «культура», однако даже это число многократно увеличилось к концу тысячелетия [Кертман 1987]. На рубеже XX и XXI вв. число определений превышало 1500. Опираясь на анализ множества дефиниций понятия «культура», В.И. Тхорик приводит ряд определяющих ее

слов: «процесс», «результат», «деятельность», «способ», «отношение», «норма», «система» [Тхорик 2016, с. 7]. Большое количество определений не только отражает разнообразие подходов к пониманию культуры, но и подчеркивает ее сложную, многоуровневую структуру.

Л.Г. Ионин выделяет следующие основные типы определения культуры:

- 1) описательные, рассматривающие объем культуры как понятия;
- 2) исторические, в рамках которых культура рассматривается с точки зрения социальной преемственности;
- 3) нормативные, раскрывающие значение и роль ценностей в жизни этноса;
- 4) психологические, имеющие перед собой задачу раскрыть важные аспекты процесса аккультурации;
- 5) структурные, проясняющие связь между элементами культуры;
- 6) генетические, уделяющие внимание происхождению элементов, связанных с культурой [Ионин 2004, с. 44].

Важным фактором в определении культуры являются и признаки, характеризующие конкретную локальную культуру, которые могут быть разделены на три группы. К первой группе относятся общие, неспецифические признаки, свойственные человечеству в целом. Вторую группу составляют признаки, специфичные для локальных культур определенного культурного ареала. Третья группа включает абсолютно специфические признаки, характерные для локальной группы [Олейник 2004].

Современные исследователи культуры ставят перед собой множество задач, рассматривая:

- ее историю на основе определенного этноса, нации и т.д.;
- общие закономерности ее развития;
- структуры социокультурных образований;
- ее функции;
- ее социально-историческое содержимое;
- ее соотношение с цивилизацией [Бельчиков 2007, с. 346].

Ю.А. Бельчиков отмечает, что все явления, объединяемые понятием «культура», обладают общим свойством: они являются продуктом, результатом человеческой деятельности. При помощи физической и интеллектуальной деятельности, а также эмоционального восприятия окружающего мира человек и создает различные объекты культуры. Культура при этом понимается как «обобщение исторического опыта социального бытия этноса (всего человечества) как системы духовных ценностей (имеющих материальное и/или идеальное воплощение), выработанных человеком, коллективным сознанием этноса (человечества) в процессе созидательной деятельности людей в целях самопознания, оптимальной организации жизни данного социального коллектива, всего человеческого общества в соответствии со сложившимися представлениями в конкретном этносе, у всего человечества об Истине, Добре и Красоте, о мировой гармонии» [Бельчиков 2007, с. 350].

Из этого определения следует, что культура является важной формой человеческой деятельности. Особое значение в раскрытии взаимосвязи культуры и человека принадлежит языку. Язык при этом рассматривается как форма культуры определенной нации, поскольку в процессе становления личности (в том числе и языковой) мировоззрение отдельно взятого индивидуума формируется в рамках закрепленного в языковых понятиях опыта, зафиксированного в мифах и архетипах [Катермина 2018, с. 28]. В процессе познания мира также создаются новые понятия, которые находят свое отражение в языке. Однако язык обладает не только номинативной функцией, помогающей назвать элементы культуры. Сложная взаимосвязь языка и культуры позволяет языку формировать культуру, оставаясь ее непосредственной частью и развиваясь внутри нее. Поскольку язык является и частью культуры, анализ лингвистических явлений, примеров употребления языка, языковых привычек социальных групп и особенно анализ их значения, позволяет исследователю провести параллель между языковым анализом и культурным анализом [Wengeler 2015, S. 91]. Исходя из этого, М. Маст

полагает, что такие направления, как лингвистическая антропология, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвистика текста и другие актуальные сферы исследования в языкознании, не могут использовать анализ языка без опоры на анализ культуры [Mast 2020].

Для понимания культуры важна и ее связь с социумом как частью окружающего мира. С этой точки зрения культура может быть рассмотрена как совокупность практических и теоретических знаний, которые приобретаются непосредственно в процессе социализации [Hudson 1980]. Не менее важно при этом, что культурная преемственность в процессе социализации достигается и благодаря опыту, хранящемуся в языке, репрезентирующем культурное пространство как совокупность культурно значимых явлений.

Исследования культуры, характеризующей определенный социум, зачастую сводятся к выводу о том, что она является уникально выстроенной системой, состоящей из элементов опыта [Маркарян 1983; Осокин 2007; Тарасова 2011]. Несмотря на то что эти элементы не являются уникальными для данной культуры, их особая совокупность выстраивает неповторимое сочетание, отличающее одну культуру от другой (например, культуру России от культуры Германии). Для характеристики социально обусловленной культуры и культурного пространства также имеет значение наличие или отсутствие элементов, присутствующих в других культурах, что, несомненно, может говорить о степени родства данных культур.

Однако многие исследователи придерживаются противоположного мнения, рассматривая культуру общества как абстрактное явление, состоящее из знаний, необходимых для действий в приемлемой для членов этого общества манере [Красных 2016]. Культура при этом характеризуется не как материальное явление, состоящее из различных объектов, людей и моральных ценностей, а как организация этих элементов, форма их восприятия и интерпретации [Goodenough 1964, p. 36].

В рамках нашего исследования вслед за Л.Г. Иониным мы рассматриваем культуру как деятельность человека в ее различных проявлениях, способствующих самовыражению, самопознанию, накоплению человеком опыта и различных умений [Ионин 2004]. Описанные Л.Г. Иониным проявления человеческой деятельности имеют тесную взаимосвязь с языком.

Связь языка и культуры опирается на многолетние традиции исследования данных явлений. Одно из наиболее ранних пониманий этой проблемы датируется XVIII в. и отражается в трудах И.Г. Гердера о характерных для человека явлениях, к которым он причислял наряду с обществом и национальным духом язык и культуру [Гердер 1977]. Следующим в хронологической очередности важным вкладом в развитие теории языка и культуры стали труды В. фон Гумбольдта, в которых отмечается зависимость когнитивных процессов от национального языка [Humboldt 1905].

Безусловно, рассмотренные нами понятия «язык» и «культура», являясь разнородными и многосторонними феноменами, имеют и непростую взаимосвязь. Наиболее явным связующим элементом этих двух явлений выступает «*homo loquens*», т.е. «человек говорящий», основной субъект коммуникации в целом и субъект культуры и языка в частности.

Иерархически выстроенная связь языка и культуры, основываясь на опыте и других относящихся к человеку факторах, отображается и в самих определениях данных феноменов. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой язык трактуется как «одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п.» [Ахманова 2018, с. 530]. В определении О.С. Ахмановой явно отображается кумулятивная функция

языка. Эта функция обуславливает способность ретранслировать культурные и исторические ценности народа в языковых средствах.

Общность языка и культуры, которые могут быть рассмотрены как особые системы знаков, проявляется в ряде функций, характерных для данных явлений. Согласно исследованиям Е.И. Кукушкиной, язык и культура обладают:

- кумулятивной функцией, обуславливающей процесс накопления опыта;
- коммуникативной функцией, которая отвечает за обмен информацией;
- адаптивной функцией, обеспечивающей согласованность с окружающим миром;
- директивной функцией, дающей языку и культуре возможность влиять на окружающий мир;
- регулятивной функцией, нормализующей социальное поведение человека;
- продуктивной функцией, способствующей освоению окружающей действительности [Кукушкина 1984].

Вопросы взаимообусловленности языка, сознания и культуры также были подробно рассмотрены в работах Б.Л. Уорфа и Э. Сепира. По мнению ученых, процесс мышления подвержен прямому влиянию языка, являющегося средством общения в определенном обществе, поскольку человек воспринимает окружающий мир только теми категориями, которые находят отражение именно в языке [Сепир 1993, с. 261].

В трудах Э. Сепира поднимается вопрос о соответствии различных культурных форм и языковых структур. Анализируя связь языка и культуры, исследователь уточняет, что речь идет скорее о содержании, или лексическом составе языка [Сепир 1993, с. 194]. Работая над своими гипотезами, Э. Сепир приходит к выводу об отсутствии связи между степенью развития синтаксической или морфологической системы и культурным типом [Сепир 1993, с. 276]. В качестве средства сохранения культуры язык рассматривается

Э. Сепиром как «руководство к ее пониманию» и «приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры» [Сепир 1993, с. 261].

Идеи, характерные для исследований Э. Сепира, сопоставимы с актуальными взглядами на определение культуры с точки зрения семиотики. В свое время данный подход был выработан Ю.М. Лотманом. Рассматривая память как культурологическое явление, отечественный исследователь под культурой понимает «коллективный интеллект и коллективную память, то есть наиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [Лотман 1992, с. 200].

Ю.М. Лотман указывает на особую связь языка и культуры. Согласно его суждениям, культура, представляющая собой знаковую систему, подчиненную определенным правилам, может быть рассмотрена в качестве языка в общесемиотическом понимании данного явления [Лотман 2001, с. 397]. Ученый признавал, что рассмотрение культуры (конкретной группы людей или же культуры человечества в целом) в качестве языка представляется возможным только на определенном, хотя и весьма абстрактном, метауровне. Однако эти суждения лишь подчеркивают особую связь между культурой и языком, выделяя последний среди прочих элементов культуры.

Поскольку культура подразделяется на множество составляющих, первое место среди ее национально-специфических компонентов занимает именно язык. Особое положение языка как части культуры заключается в его уникальных коммуникативных возможностях как сплачивать, так и разобщать группы людей. Кроме того, язык в сравнении с другими элементами культуры наиболее четко дифференцирует своих носителей, подчеркивая их принадлежность к определенному социуму [Senft 2006]. Согласно исследованиям Е.Н. Лучинской, язык образует «фундаментальный уровень культуры» [Лучинская 2020, с. 40].

Опираясь на результаты многолетних исследований языка и культуры, О.А. Колыхолова полагает, что язык формирует уникальную сферу жизни культуры, организует ее время и ее пространство. По ее мнению, сохранение культуры без сохранения языка не представляется возможным [Колыхолова 2012].

В настоящее время большинство исследований, посвященных обозначенным проблемам и теоретическим вопросам диады «язык – культура», составляют важную часть выделившейся во второй половине XX в. самостоятельной научной дисциплины – лингвокультурологии (нем. *interkulturelle Literaturwissenschaft*, *Linguokulturwissenschaft*, *kulturwissenschaftliche Linguistik*, англ. *cross-cultural studies*, *linguoculturology*) [Kuße 2012; Schickhaus 2017; Cornejo 2020]. В.В. Воробьев предлагает рассматривать лингвокультурологию как «комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающую этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев 1997, с. 47]. В качестве важнейшей задачи лингвокультурологии В.А. Маслова определяет «не просто установление национально-культурной специфики языковых единиц и текста, а выявление механизмов внедрения в языковой знак культурной информации, а также механизмов ее извлечения оттуда носителем языка» [Маслова 2010, с. 14]. Лингвокультурологические исследования при этом основываются на теоретических речевых моделях коммуникации, на естественных языках, роли языка в познавательных и когнитивных процессах [Linke 2008, S. 24].

В рамках лингвокультурологии как самостоятельной дисциплины рассматривается вопрос содержания в языковых единицах культурного смысла, иными словами, способы лексикализации единиц культуры [Катермина 2015]. Интересен с теоретической точки зрения и сам объект лингвокультурологии: объектом лингвокультурологических исследований

принято считать лингвокультуры как результат взаимосвязи языка и культуры [Бутенко 2008]. В рамках нашего исследования наиболее приемлемым является определение Е.Ю. Бутенко, которая предлагает рассматривать лингвокультуру в качестве «совокупности текстовых произведений, созданных на национальном языке и моделирующих этнокультуру и самосознание» или же «совокупности феноменов и продуктов культуры, объективированных и «читаемых» в языке» [Бутенко 2008, с. 322]. В качестве объекта лингвокультурологического анализа рассматривается либо целостная лингвокультура, либо один из ее элементов, обладающий смысловой обособленностью. Предметом анализа в лингвокультурологии принято считать особенности лингвокультуры или ее области, обладающей специфическими характеристиками и свойствами [Красных 2002].

Данные об объекте и предмете исследования способствуют определению самой лингвокультурологии как науки, изучающей «средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке национального менталитета, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010, с. 29]. Исходя из этого, В.А. Маслова выделяет следующие направления исследований в лингвокультурологии:

– лингвокультурология отдельного социума, этнической группы, нацеленная на исследование определенной лингвокультурной ситуации;

– диахроническая лингвокультурология, направленная на изучение трансформаций лингвокультурного состояния этнической группы в определенных временных рамках;

– сравнительная лингвокультурология, целью которой является анализ лингвокультурных проявлений различных взаимосвязанных этнических групп;

– сопоставительная лингвокультурология, занимающаяся сравнительным анализом элементов различных лингвокультур;

– лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей [Маслова 2010, с. 28].

На основе данных направлений в отечественной лингвистике в конце XX в. складывается несколько наиболее активных лингвокультурологических школ:

– школа Ю.С. Степанова, методологически близкая теориям Э. Бенвениста и объединившая ученых, занимающихся описанием констант культуры в диахронии [Степанов 1997];

– школа Н.Д. Арутюновой, участники которой изучают универсальные термины культуры на базе текстов различных времен и народов [Арутюнова 1999];

– школа В.Н. Телия, представители которой заложили основы лингвокультурологического анализа фразеологизмов, а также занимались изучением лингвистических явлений с опорой на рефлексию носителя языка [Телия 1996];

– школа лингвокультурологии Российского университета дружбы народов, наиболее известными представителями которой являются В.В. Воробьев и В.М. Шаклеин – продолжатели теорий Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Воробьев 1997; Шаклеин 1997].

Вслед за М.Л. Ковшовой мы рассматриваем лингвокультурологию как научное направление, объединяющее все эти школы, представляет собой актуальную сферу исследований, которая нацелена на экспликацию способов и средств воссоздания культуры в содержательной стороне языкового знака [Ковшова 2012].

Многоаспектность языка и культуры и междисциплинарные подходы к изучению их связи, а также возрастающий интерес ученых к лингвокультурологическим исследованиям обуславливают постоянно обновляющийся терминологический аппарат данной науки, а также становятся поводом для рассмотрения известных явлений с точки зрения нового научного направления в языкознании.

Культура как один из объектов исследования лингвокультурологии относится к нематериальным явлениям. Однако ее изучение становится возможным благодаря конкретным проявлениям культуры. При этом культуру как процесс можно охарактеризовать как вариативное явление, осуществляющееся во времени и сохраняющееся в законченных состояниях, реализуемых в пространстве.

1.2 Культурное пространство как предмет лингвокультурологического исследования

В качестве составляющей научного дискурса все прочнее укрепляется культурное пространство как предмет лингвокультурологического исследования. Термином «культурное пространство» (нем. «Kulturraum», англ. «cultural space») в различных гуманитарно направленных исследованиях активно пользуются как отечественные исследователи (например, М.Я. Сараф [Сараф 2017], С.М. Сараф [Сараф 2019], В.В. Красных [Красных 2016], А.Ю. Ивлева [Ивлева 2009]), так и зарубежные (например, С. Engel [Engel 1999], Н. Fend [Fend 2006], J. Holthoff [Holthoff 2008], W. Oechslin [Oechslin 2018], M. Putz [Putz 2019]). Вслед за В.В. Красных под культурным пространством в широком смысле в нашей работе рассматривается результат отражения культуры как формы человеческой деятельности в сознании ее представителей [Красных 2003]. А.С. Кармин определяет культурное пространство как «пространство, образованное множеством феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих между собой» [Кармин 2010, с. 179].

Исследованию культурного пространства уделяется значительное внимание в различных областях гуманитарных наук, таких как социология, культурология, психология и др. Категория «культурное пространство», причисляемая к важным научным понятиям XXI в., меняет видение

определенной культуры и ее носителей, дает возможность переосмыслить их роль в репрезентации ментальных ценностей, понять их уникальность и одновременное единство с мировым культурным наследием [Гудкова 2015].

Культурное пространство как самостоятельная категория вычленяется на основе сравнения с такими понятиями как «культура», «социальное пространство», «культурный ландшафт» и пр. [Клюева 2015, с. 43]. Широкий спектр культурных явлений, которые находят отражение в языке, позволяет лингвокультурологии установить специфику взаимосвязи языка и менталитета, являющегося важной частью культуры и культурного пространства.

Теория пространства как такового активно разрабатывалась в рамках различных философских течений XX в. Однако изменение понимания пространства и времени, вызванное глобализацией, требует актуальных взглядов на проблемы цивилизационно-культурной идентичности и новых подходов к их изучению. Элементы культуры подвержены влиянию пространства в целом так же, как и времени. Именно эти две категории выявляют временное и пространственное восприятие культуры.

С точки зрения философии принято рассматривать два наиболее существенных подхода к интерпретации пространства: субстанциональный и реляционный. Субстанциональный подход способствует определению пространства в качестве самостоятельной субстанции, которая не зависит от свойств материи и охватывает все свои объекты. Реляционный подход рассматривает пространство в качестве определенных отношений между физическими объектами и процессами, за пределами которых оно не существует [Любичанковский 2011].

На начальном этапе введения понятия «пространство» в научный дискурс философы интерпретировали его как «объективную форму существования физических явлений» [Сараф 2017]. Позднее, в период неклассической науки (конец XIX в. – середина XX в.), расширение методов исследования в социальных науках актуализировало использование понятия

пространства в его философско-антропологическом значении. Это способствовало изучению духовного мира, экзистенциальности, коммуникативности человека и описанию социокультурных процессов. Так в содержание понятия «пространство» постепенно включался фактор субъектности [Сараф 2017].

В современной философии пространство понимается как «форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, существование и взаимодействие элементов во всех материальных системах», при этом отображающая порядок расположения одновременно сосуществующих объектов [Философский энциклопедический словарь 1983, с. 519].

Благодаря философии была разработана общая теория о пространстве, которая в дальнейшем легла в основу культурологического подхода к данному явлению. В рамках культурологии понятие «пространство» часто сравнивается непосредственно с выражением культуры [Моль 1973]. На основе теоретических исследований в рамках философии, социологии и культурологии пространство в широком смысле определяется как важный элемент бытия, сложная система множества процессов и явлений, сосуществующих и ограничивающих друг друга [Сараф 2011]. Благодаря этому представлению обогащаются научные знания о строении культуры как системы. Именно пространство устанавливает характер и тип взаимодействий, обуславливающих структуру элементов культуры в определенный исторический период. Кроме того, пространственно-временные характеристики присущи любой культуре, рассматриваемой в диахроническом аспекте [Горбатовский 2020].

В вопросах определения культурного пространства наиболее существенны для нашего исследования следующие факторы:

- деятельностное понимание сути культуры как формы самореализации человека;
- многообразие видов человеческой деятельности, детерминирующее многообразие видов культуры;

– использование системного философского подхода к деятельности [Темникова 2016].

Одним из важнейших средств трансляции культуры и культурного пространства выступает язык, тесно связанный с разновидностями человеческой деятельности. На ранних «долингвокультурологических» этапах лингвистических исследований пространства значительное внимание уделялось соотношению понятий «язык», «культура» и «пространство». Особо значимыми в данном контексте считаются труды М.М. Бахтина, в которых ученый вводит понятие «хронотоп». Согласно его исследованиям, хронотоп обозначает некое континуальное «единство пространственно-временных характеристик», которые объединены с культурно-историческим смыслом событий и явлений [Бахтин 1975b, с. 234]. Несмотря на то что понятие «хронотоп» в ранних трудах использовалось М.М. Бахтиным в литературоведческих и эстетических исследованиях, научное значение данного явления может быть рассмотрено более широко в качестве одной из предпосылок к формированию теории лингвокультурологии. Исходя из концепции отечественного лингвиста, хронотоп является не только универсальной категорией философии, но и видом существования культурного смысла [Бахтин 1975a].

Хронотоп в более поздних трудах М.М. Бахтина рассматривается не только в качестве совокупности времени и пространства, но и как смысловое ядро культурно-исторических объектов и их восприятие носителями культуры. При помощи термина «хронотоп» формулируется и индивидуальное мировосприятие, сформированное через призму этнического, исторического и культурного значения времени и пространства. Возможность создания интегративного образа мира, которую М.М. Бахтин вкладывал в понимание хронотопа, позволяет не только выявить общие характеристики культуры и тенденции ее развития, но и понять человеческое измерение мира и исторического процесса в целом [Бахтин 1975b].

Восприятие представителями культуры объектов культуры является общим для хронотопа и культурного пространства в тексте, тем не менее между ними нельзя поставить знак равенства. М.М. Бахтин полагает, что в художественном тексте специфическое пространственно-временное целое создается на основе связи мира героев произведения, мира продуцента и мира реципиента [Бахтин 1975b]. Культурное пространство, однако строится на взаимосвязи культуры и ее носителей. Оно отстраняется от «текстоцентричности» хронотопа и не выделяет лишь текст как средство трансляции культуры.

О взаимосвязи культурного пространства и пространства художественного текста пишет А.Ю. Ивлева. Она приходит к выводу, что все связанные с текстом элементы обладают некоторым пространством, внутри которого они являются основой определенного порядка. Это, по мнению лингвиста, и образует сам текст. Значимой для нашего исследования представляется интерпретация А.Ю. Ивлевой культурного пространства художественного текста как художественной картины мира, преобразованной в неповторимую картину восприятия мира продуцента [Ивлева 2009]. А.Ю. Ивлева формулирует важный для лингвокультурологического анализа текста тезис: «Смыслопорождение художественного текста напрямую зависит от культурных доминант, принятых в обществе в конкретную историческую эпоху» [Ивлева 2008, с. 121]. Таким образом, формальные признаки текста напрямую зависят от культуры того времени, в которой он был написан. Культурное пространство при этом выполняет важную связующую функцию, объединяющую фактологический, концептуальный и подтекстовый уровни текста.

Сравнивая культурное пространство с другими «смежными» с ним явлениями, считаем целесообразным обратиться и к понятию «пространство культуры». Несмотря на явное сходство и частое употребление этих терминов как контекстных синонимов, культурологи проводят некоторые концептуальные различия между ними. Обозначая границу между данными

проявлениями культуры, культурное пространство стоит рассматривать в качестве системной целостности, которая служит важным условием формирования определенного периода в истории культуры [Сараф 2017]. Кроме того, культурное пространство служит основой для формирования культурных текстов и выявляет целостность культур отдельных ареалов.

Поскольку «пространство культуры» является определенным «вместилищем человеческой жизни», ее источником в рамках определенного сообщества, единое культурное пространство создается человеком так же, как и возникающие в процессе жизнедеятельности многочисленные пространства культуры [Букин 2006]. Следовательно, понятие «культурное пространство» расширяется за счет того, что культурное пространство содержит в себе систему взаимодействий множества пространств культуры (например, пространство культуры России является частью культурного пространства). Соотношение культурного пространства и пространств культуры определенного временного периода или определенной нации зависит от непосредственного предмета научного исследования.

В то же время культурное пространство является формой одновременного существования представителей различных национальных культур и способом их взаимодействия, благодаря которому взаимодействуют и сами культуры, обогащая и ограничивая друг друга. Их взаимосвязь при этом обуславливает выявление, актуализацию и открытие новых свойств и характеристик каждой отдельно взятой культуры [Сараф 2017]. Этот тезис соотносится и с исследованиями В.С. Библера, согласно которым определенная культура, обладая тесной связью с другими культурами за счет наличия общих элементов структурирует и перестраивает собственное содержательное пространство на фоне общего взаимодействия [Библер 1989].

Таким образом, теория культурного пространства берет свое начало в рамках таких научных направлений, как философия, социология и культурология. Тесная связь культуры и языка позволяет нам выделить культурное пространство в качестве одного из предметов

лингвокультурологического исследования. Его отличительные черты определяют особое положение культурного пространства в лингвокультурологии.

Для наиболее четкого представления характеристик культурного пространства и его элементов необходимо более подробно раскрыть сущность данного явления. И.И. Свирида обозначила следующие варианты для трактовки культурного пространства:

– культурное пространство как концептуальное пространство, воплощенное образами реального пространства;

– пространство бытования культуры как сфера взаимодействия и видоизменения культурных явлений [Свирида 2003].

Культурное пространство, являющееся предметом самостоятельных исследований, рассматривается нами как важнейший структурный элемент всей сферы общественной жизни. С культурно-исторической точки зрения человек существует в созданном им культурном пространстве, важном для социальных процессов формирования и расширения человеческого мировосприятия. Субъектом культурного пространства является носитель общественной, нравственной, эстетической информации [Сараф 2017].

В нашем исследовании мы рассматриваем культурное пространство в рамках лингвокультурологии на материале художественного текста. Отметим, что это пространство в тексте моделируют языковые единицы. Само культурное пространство, хотя и сосуществует в тесной связи с языком как частью культуры, однако не относится к лингвистическим явлениям.

Культурное пространство, моделируемое в тексте при помощи определенных языковых единиц, имеет сложную структуру. В качестве константы исследователи выделяют в культурном пространстве наличие культурного центра или комплекса центров, которые концептуально задают и формируют некий язык культуры [Сараф 2019]. Отличительными чертами культурного пространства в социуме служат признанные культурные

ценности, находящие отражение в повседневных нормах, к которым и относятся многие языковые особенности.

По мнению М.Я. Сарафа, целостное культурное пространство зависит от развития сознания субъектов определенного сообщества и механизмов их самоидентификации [Сараф 2019, с. 22]. Это развитие связано с внешними и внутренними факторами, которые обладают положительным или отрицательным влиянием. Таким образом, социальная ситуация играет важную роль, обозначая границы культурного пространства. В зависимости от социальной ситуации одни и те же факторы могут лечь в основу новых элементов культурного пространства или ограничить его. В качестве примера ученый приводит разногласия на почве социально-экономических и этнонациональных отношений, которые могут разрешиться как социальной деградацией, так и началом нового этапа культурной эпохи [Сараф 2019].

Термин «культурное пространство» описывает ментальную сферу культуры, которая опосредуется сознанием ее представителей и связана с результатом отражения культуры в сознании ее представителей [Красных 2003]. Как правило, представители одной культуры объединены в группы исходя из различных социальных факторов (например, территориальных, национальных, профессиональных). Социально обусловленное культурное пространство является информационно-эмоциональным полем, абстрактным, но в то же время конкретным пространством, включающим в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов социально обусловленного культурного сообщества [Красных 2008, с. 333].

Выявление отличительных признаков культурного пространства требует определения элементов культуры в целом. Существует множество классификаций, описывающих элементы культуры как особого многомерного явления. Согласно исследованиям Д.С. Лихачёва, к культуре принято относить религию, науку, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства [Лихачёв 1994]. Г. Хофстеде в качестве

проявлений культуры предлагает рассматривать символы, героев, ритуалы и ценности [Hofstede 1997]. С точки зрения семиотики все описанные составляющие культуры представляют собой особые знаки, реализуемые на разных уровнях восприятия [Poyatos 1981].

Изложенные теории об элементах культуры позволяют сделать вывод о разноплановости их восприятия. В силу этого, считаем целесообразным разделить культуру на две части: имплицитную и эксплицитную. Имплицитная часть культуры отражает ментальные элементы (ценности, нормы, мировоззрение). Эксплицитная часть содержит материальные ценности, к которым относятся предметы, созданные человеком [Grosch 2000].

Культура в широком смысле может быть рассмотрена как «информационный процесс», «мир артефактов», «мир инноваций и новых смыслов», «совокупность норм, ценностей и убеждений» [Куликова 2004, с. 14]. Исходя из этого, мы придерживаемся мнения о том, что культура охватывает все созданное людьми и характеризующее их повседневную жизнь в определённых исторических условиях.

К отличительным чертам культурного пространства, характерным для множества научных явлений, относится его непростая структурность, отражающая взаимообусловленные элементы [Быстрова 2013]. Опираясь на упомянутые элементы культуры, вслед за А.С. Карминым мы подразделяем культурное пространство на следующие структурные подгруппы:

- духовная культура, в основе которой находятся миф, религия и философия;
- социальная культура, включающая нравственность, право, политические ценности и регулятивы;
- техническая культура, рассматривающая технику как совокупность знаков, науку и инженерную культуру [Кармин 2010].

Обращаясь к культурному пространству как к явлению, охватывающему максимальное количество сфер жизнедеятельности человека, выделим важные для нашего исследования элементы:

- природное культурное пространство / пространство реального мира;
- социальное культурное пространство / пространство социума;
- информационно-знаковое пространство / культурное пространство коммуникации;
- интеллектуальное пространство / культурное пространство интеллекта [Быстрова 2004].

Несмотря на терминологическую разницу, мы придерживаемся мнения о том, что существенные отличия между данными классификациями отсутствуют. Многомерная структура цельного культурного пространства и соподчиненных ему пространств культуры позволяет разложить их на менее крупные элементы, вычленимые в зависимости от предмета и аспекта исследования (правовое, нравственное, художественное, мифологическое, сакральное и т.д.) [Сараф 2014]. Составляющими культурного пространства являются отдельные элементы культуры и их комплексы, национальные культуры, цивилизации, культурные сочетания и культурная политика [Кармин 2000]. Однако системообразующим началом среди описанных различными исследователями элементов культурного пространства является человек, определяющий центр (ядро) и периферию культуры [Кротов 2010].

Значимый вклад в развитие теории структуры культурного пространства внесли авторы лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство», выделившие в структуре пространства как феномена ядро пространства. Ядром культурного пространства является «когнитивная база, понимаемая как определённым образом структурированная совокупность знаний, национально-маркированных и культурно детерминированных представлений, обязательных для представителей данного сообщества» [Русское культурное пространство 2004, с. 11]. Важную роль при этом играет необходимость обязательных знаний, которыми владеют все субъекты данной

культуры. И именно язык репрезентирует такие важные элементы лингвокультуры, как знания, понятия, концепты и представления [Красных 2016].

С точки зрения лингвокультурологии все четыре упомянутые явления представляют собой результат логического осмысления окружающей действительности, подверженный процессу генерализации, категоризации и систематизации [Красных 2003]. Стоит отметить, что они также являются естественным результатом свойств человеческого сознания – логического мышления. Логическое мышление функционирует в рамках единых для человека законов логики, не зависящих от национально-культурного фактора. Понятия, сформированные языковыми средствами, в той же степени, как и знания, сами по себе не зависят от принадлежности к той или иной культуре. Культурно значимым считается как наличие, так и отсутствие определенных понятий в культурном пространстве. Немаловажно при этом высказывание Э. Сепира о том, что наличие или отсутствие определенного обозначения ряда понятий в большей степени связано с тем, насколько существен является интерес у представителей определенной культуры к соответствующим явлениям [Сепир 1993]. На основе этого утверждения существенным для отображения культурного пространства определенной лингвокультуры является не только критерий «наличие/отсутствие» некоторого элемента данной системы, но и комбинация имеющихся понятий в речи (как устной, так и письменной), определенные коннотации, которыми обладают понятия, а также частотность их употребления. Понятия как единицы лингвокультурологии выражаются в языке на лексическом и фразеологическом уровнях [Красных 2002].

Особую значимость для лингвокультурологического анализа художественного текста с целью выявления способов моделирования в нем культурного пространства либо его отдельных составляющих несет в себе взаимоотношение дуальных критериев «время написания текста» и «время, описанное в тексте», с одной стороны, и «культура продуцента» и «культура,

описанная продуцентом», – с другой [Горбатовский 2020]. Элементы культуры, сравниваемые в рамках указанных аспектов, отображают исторические особенности развития языка, процессов стереотипизации и изменения национальной картины мира.

Для исследования единиц лингвокультурологического анализа важной представляется идея Ю.М. Лотмана о том, что «пространство культуры образуется всеми текстами, созданными, создаваемыми и могущими быть созданными в данной культуре» [Лотман 1999, с. 135]. Из этого следует, что культурное пространство, содержащее также пространство культуры, рассматривается также и как семиотическое пространство, которое обогащает культуру определенными смыслами при помощи понятий и предопределяет целостность ее структуры и ее компонентов, представляющих единицы лингвокультурологического анализа.

Многозначность культурного пространства определяется его базисными элементами: социальными, культурными, когнитивными, экономическими, политическими и историческими. Наиболее четко эти составляющие культурного пространства с точки зрения языка прослеживаются в художественном тексте.

1.3 Культурное пространство и художественный текст

Определение особенностей моделирования культурного пространства в художественном тексте требует подробного изучения текста как многомерного и междисциплинарного феномена. Текст, традиционно рассматриваемый в качестве языковой коммуникативно-ориентированной единицы, обладает своими, отличными от языковых единиц особенностями, важными для раскрытия в нем культурного пространства.

Любой текст представляет собой четко выстроенную, подчиненную определенной коммуникативной задаче систему. Эффективность текста с

точки зрения коммуникации зависит от его связи с другими системами и экстралингвистической информацией, что обуславливает прагматический аспект. Следовательно, свою коммуникативно-детерминированную задачу в художественном тексте имеет и культурное пространство, воссозданное автором.

Существуют разные подходы к определению понятия «текст». Наиболее целесообразно в нашем исследовании рассматривать его в рамках лингвистики текста, на которую опирается теория функционирования текста и его отдельных частей. Лингвистикой текста называется направление в языкознании, выделившееся во второй половине XX в. В это время ученые пришли к единому мнению, что текст наряду с другими единицами языка является частью его знаковой системы [Москальская 1981, с. 9]. Именно текст, а не предложение есть основная единица речи, которая выражает законченное высказывание. Это значит, что текст является высшей единицей синтаксического уровня. Лингвистика текста как наука ставит перед собой задачи, связанные с описанием функционирования всех единиц языка в составе текста и исследованием его элементов в качестве «вспомогательных конstituентов при образовании текста» [Домашнев 1989, с. 12].

Итак, текст является завершенной последовательной совокупностью взаимосвязанных по смыслу посредством авторского замысла предложений [Глухов 2005], которой присущи наличие значения, смысла и ценности [Манаенко 2017b].

Важную роль в процессе текстообразования играет когерентность, т.е. взаимообусловленная связность. К. Бринкер рассматривает «текст» именно как когерентную последовательность предложений [Brinker 1993]. Из этого вытекает актуальная задача лингвистики текста – определение видов внутритекстовой связи и выявление способов ее передачи. В центре внимания лингвистов в первую очередь находились различного рода текстовые повторы, среди которых наиболее часто встречаются именные повторы. Было установлено, что помимо так называемых чистых повторов возможна замена

на синоним или на местоимение (например, подруга – приятельница, она). Кроме того, замена могла быть произведена при помощи лексемы, обладающей более широким или, наоборот, узким значением, перифразы, сочетания с придаточным предложением и т.д. При анализе данных языковых явлений важно отметить роль анафорических отношений, идентифицируемых между различными единицами построения. Анафоричный характер текста требует линейной первичности исходного имени и вторичности анафорически соотнесенной замены данного имени [Москальская 1981].

Не менее важным предметом исследования на ранних этапах развития лингвистики текста являются единицы, имеющие бóльшую протяженность, чем предложение, – «сложное синтаксическое целое», «сверхфразовое единство», т.е. абзац. Теория о функционировании и структуре абзаца разрабатывалась еще во времена античности в рамках риторики, однако в XX в. исследователи лингвистики текста вернулись к этому вопросу, чтобы изучить системные комплексы грамматических категорий текста с формальными и содержательными единицами необходимой сферы [Филлипов 2003]. Теория внутреннего членения текста играет особую роль в процессе экспликации культурно значимых смыслов, образующих культурное пространство текста. Культурно значимые смыслы передаются при помощи совокупности лексико-семантических средств в рамках таких крупных фрагментов текста, как абзац.

О.И. Москальская предложила разложить часто недифференцируемое понятие «текст» на два разных термина, рассматриваемые в качестве основных объектов лингвистики текста:

- 1) макротекст – целое речевое произведение-текст, текст в широком смысле слова;
- 2) микротекст – сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, текст в узком смысле слова [Москальская 1981, с. 13].

Однако встречаются случаи, когда границы сверхфразового единства и целого речевого произведения совпадают, т.е. целое речевое произведение

может состоять из одного сверхфразового единства (например, газетная заметка) [Москальская 1981]. Именно поэтому понятие «текст в узком смысле», и «текст в широком смысле» зачастую не различаются исследователями. Как правило, в качестве примеров используются самые короткие тексты или же просто цепочки из нескольких предложений.

Важным фактором для образования текста, как вытекает из дефиниции О.И. Москальской, считается смысловая целостность текста, которая заключается в единстве его темы. Под темой понимается смысловое ядро текста, т.е. его обобщенное содержание [Москальская 1981, с. 17]. Примечательно, что тема речевого произведения в целом имеет лишь сравнительную соотнесенность с частными темами отдельных глав, абзацев или параграфов. Из этого следует, что тема произведения не является совокупностью частных тем, упомянутых в нем, что наиболее четко прослеживается в жанре художественной литературы. Идейная оценка действительности, т.е. основная идея художественного произведения, не выражается автором непосредственно в тексте, а воспроизводится им в виде конкретных жизненных ситуаций и образов человеческой жизни [Тимофеев 1976, с. 26]. Точно так же путем сложения мелких тем, заключенных в отдельных главах или параграфах, не может быть выведена основная мысль публицистического или научного текста.

В нашей работе мы придерживаемся мнения о том, что текст может быть рассмотрен также как средство коммуникации. При этом подразумевается, что текст может выступать в качестве связующего элемента в процессе обмена информацией. Текст в этом случае осуществляет взаимодействие между продуцентом и реципиентом. Текст представляет собой универсальное средство коммуникации, обусловленное такими важными для моделирования культурного пространства функциями, как информативная, социальная, эмотивная, контактоустанавливающая, прагматическая и метаязыковая [Болотнова 2009].

Проанализированная нами многоаспектность и исходящая из нее многофункциональность текста способствуют выделению множества подходов к его интерпретации. Наряду с лингвистическим подходом к изучению текста особое место занимает культурологический подход [Симбирцева 2017]. Культурология, как и многие другие науки, в ходе изменения научной парадигмы в сторону антропоцентризма рассматривает связь человека и культуры. В рамках культурологического подхода текст представляет собой не только коммуникативную единицу, но и важный элемент культуры, единицу культуры. Речевая модель коммуникации обуславливает изучение текста как явления, отражающего систему языка и моделирующего реальную действительность (включая культурное пространство), представляющего канал связи и языковую личность автора и адресат [Гиниятова 2009, с. 31].

Следовательно, в рамках культурологического подхода текст отображает взаимодействие продуцента и реципиента. Текст представляет собой открытую систему, в которой читатель как интерпретатор способен раскрыть множество смыслов [Лучинская 2019]. Совмещенная деятельность автора и читателя зависит от специфики различных сфер общения (например, публицистической, научной, эстетической, учебной, деловой, бытовой и пр.). Не менее важными факторами, влияющими на взаимодействие продуцента и реципиента в процессе восприятия текста, являются и особенности ситуации, поставленные цели и задачи коммуникантов. Таким образом, мы считаем, что текст как явление отображает особенности личности автора и тесно связан с культурным пространством эпохи.

В трудах Н.С. Болотновой выделены следующие аспекты, которые позволяют нам сопоставить текст и культуру и рассматривать сам текст как ее единицу:

– диалогический характер (каждый текст существует между двумя субъектами – продуцентом и реципиентом);

– антропоцентричность (текст создается самим человеком и для человека);

– знаковость (с точки зрения семиотики текст рассматривается как система знаков, накапливающая и передающая социально важную информацию);

– деятельностная сущность (текст рассматривается как итог первичной коммуникативной деятельности и как объект вторичной коммуникативной деятельности, а в качестве импульса для образования текста выступает окружающая реальность);

– символичность (наличие символов в тексте, которые отражают всеобщую форму культуры, связанную жизнедеятельностью человека);

– функциональная общность (текст обладает информационной, адаптивной, коммуникативной, регулятивной, нормативной, оценочной, интегративной и социализирующей функциями культуры);

– нормативность (текст не может быть построен без учета языковых, текстовых, коммуникативно-прагматических норм);

– категориальная общность, присущая тексту, который характеризуется связностью, целостностью, концептуальностью и стилистической маркированностью [Болотнова 1992, с. 117].

Определение понятия «текст» со временем менялось. Новые подходы отражали важные для исследователя аспекты изучаемого явления. Так, в рамках научной конференции по лингвистике текста в 1974 г. исследователи В.Л. Юхт и Г.В. Ейгер дали одно из самых основополагающих определений понятию «текст», которое актуально и важно для понимания взаимосвязи текста и культурного пространства. Ученые обозначили текст как «упорядоченное определенным образом множество предложений, объединенных единством коммуникативного задания» [Ейгер 1974, с. 103]. В рамках нашего исследования мы разделяем мнение К. Адамчик и В.Е. Чернявской, называя коммуникативное назначение текста его

конституирующим фактором [Adamzik 2004; Чернявская 2018], что обуславливает прагматический аспект текста.

Стоит отметить, что исследователи ставят акцент на различных свойствах текста. Важный вклад в развитие отечественной теории текста внесла З.Я. Тураева, считающая текст важнейшей единицей коммуникативного процесса. Причем текст не только передает предметно-логическую информацию, но и служит средством распространения оценочной и другой прагматической информации. Эта особенность наделяет текст способностью воздействия на реципиента, придает ему суггестивный характер [Тураева 1986].

Исследуя текст с точки зрения прагматики, О.Л. Каменская отмечает, что воздействие текста на основные структуры личности определяет прагматические свойства текста. К основным структурам личности исследователь относит:

- интеллектуальную;
- эмоциональную;
- деятельностьную [Каменская 1990].

На основе исследований своих предшественников Н.С. Болотнова с опорой на упомянутые признаки рассматривает текст в качестве «коммуникативно ориентированного, концептуально обусловленного продукта реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющей информативно-смысловую и прагматическую сущность» [Болотнова 1992, с. 22]. Прагматическая сущность текста подразумевает его предназначение для эстетического и эмоционально-волевого воздействия на тех, кому адресован текст. Характеристика «прагматический» в лингвистике предполагает функционирование языковых единиц в их отношении к коммуникантам [Арнольд 2002, с. 61].

Среди общепринятых свойств текста принято выделять следующие:

- образность;
- выразительность;

- многоуровневую смысловую организацию;
- наличие подтекста;
- эмоциональность;
- многоплановость изложения и т.д. [Гальперин 2007, с. 200].

Текст как определенное семантическое целое отличается от других языковых единиц наличием таких характеристик, как:

- «цельность;
- связность;
- эмотивность;
- креолизованность;
- прецедентность;
- скважность» (способность смыслообразования на пересечении двух или более высказываний) [Белянин 2011, с. 162].

Информация, тесно связанная со многими упомянутыми характеристиками, занимает центральное место в системе текста с точки зрения коммуникации. Стоит отметить, что информация, по И.Р. Гальперину, является любым сообщением, сформулированным словосочетанием номинативного характера. Понятие «информация» также подразумевает приобретение знаний о предметах, явлениях, отношениях и событиях [Гальперин 2007, с. 26]. Для лингвокультурологических исследований большое значение имеет информация в тексте именно во втором значении.

Как объект исследования лингвокультурологии текст представляет «истинный стык лингвистики и культурологии, так как текст принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры» [Маслова 2010, с. 53]. При этом важным представляется мнение о том, что и саму культуру можно рассматривать в качестве текста. Взаимообусловленность текста и культуры определяется в том числе и тем, что именно текст обогащает культурную память [Лотман 1999]. Под культурной памятью принято понимать результат воздействия на языковое сознание человека множества «текстов и культурных клише с

закрепленным за ними определенным содержанием» [Денисова 2003, с. 261]. Л.Ю. Буянова при этом рассматривает текст как важнейший инструмент усвоения культуры «в силу своей языковой субстанциальности» [Буянова 2013, с. 22].

Тесная связь текста и культуры прослеживается и в исследованиях данных явлений в рамках психологии. Текст в широком смысле рассматривают как средство передачи особенностей продуцента, к которым наряду с его настроением, характером и воспитанием можно отнести также социальную и культурную среду [Ушакова 2011].

Теория психолингвистики, находясь на стыке психологии и языкознания, способствует уточнению понятия «текст», определяя его как четко структурированное смысловое единство, строение и элементы которого выступают в качестве базиса для выделения этого единства [Леонтьев 2001]. Среди прочего информация о культуре, исследуемая нами как отражение культурного пространства и рассматриваемая психолингвистикой как часть текста, может быть рассмотрена в качестве элемента обозначенного А.А. Леонтьевым «смыслового единства», т.е. текста.

Еще ближе к взаимозависимости текста и культуры подводит нас дефиниция И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, которые называют текстом сообщение, выстроенное при помощи единиц национального языка [Горелов, Седов 2008, с. 43]. Словосочетание «национальный язык», употребленное в данном определении вместо общего «язык» или более конкретного «естественный язык», смещает акцент на категорию «национальный». Для исследователей важную роль играет общность носителей языка, достигаемая благодаря единому социальному и культурному пространству, что создает условия для восприятия и понимания текста реципиентом. Таким образом, мы предполагаем, что национальная культура, среди прочих внешних факторов обуславливающая особенности национального языка, играет значительную роль для понимания текста.

Культурно значимая информация, существенная для формирования культурного пространства при помощи различных языковых средств, имеет связь с различными текстовыми уровнями. Особого внимания в связи с этим заслуживает классификация В.В. Красных. Она выделяет следующие уровни текста, важные для нашего исследования:

- лингвистический;
- экстралингвистический;
- когнитивный;
- семантический [Красных 2003].

Анализ лингвистического уровня текста позволяет понять, какие языковые единицы отображают информацию, важную для понимания текста и культурного пространства как его части. На экстралингвистическом уровне раскрывается значение единиц языка с точки зрения культурной информации, демонстрируя присутствие элементов культурного пространства в измерении текста. На когнитивном уровне прослеживается гипотактическая взаимосвязь элементов текста, мышления автора и народа, перекликающаяся с философской идеей о проявлении всеобщего в единичном. На семантическом уровне раскрывается значение единиц, конструирующих культурное пространство в тексте. Однако значимым фактором представляется именно комплексность, неразрывность всех компонентов текста, взаимодействие которых раскрывает его смысловую сущность, позволяет понять прагматический характер текста и затем выделить в нем важные для анализа элементы [Новиков 2003].

Обобщая различные подходы к определению понятия «текст», отметим, что в рамках лингвокультурологического анализа он представляет собой систему, состоящую из языковых единиц, представляющую собой не только форму существования культуры, но и воплощение социально обусловленной культуры. При этом в рамках нашего исследования мы придерживаемся мнения авторов «Лингвистического энциклопедического словаря» о том, что текст является «объединённой смысловой связью последовательностью

знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 507].

Возвращаясь к вопросу о моделировании культурного пространства в художественном тексте, следует выделить отличительные черты художественного текста: экспрессивность, сложную смысловую организацию, выражение личности автора, образность [Исаева 1996; Гальперин 2007].

Художественный текст как произведение речетворческого процесса имеет и другую важную характеристику – завершенность. Он представляет собой произведение, включающее название и сверхфразовое единство, с литературной точки зрения выстроенное в соответствии с авторским замыслом, важным для интерпретации культурного пространства художественного текста. В этом контексте сверхфразовые единицы играют ключевую роль, обладая текстотипологическими функциями. В тексте они объединены разными видами грамматической, лексической, стилистической и логической связи. Эти единицы, связанные с теорией прагматики, имеют определенную установку и целенаправленность [Гальперин 2007].

По мнению Л.Ю. Буяновой, художественный текст является «ментально-знаковой ипостасью языковой личности автора», а также отражением когнитивно обусловленной континуальности авторского языкового мышления [Буянова 2017, с. 16]. Когнитивная база автора при этом определяет особенности продуцирования уникальной художественной картины мира и специфику передачи культурно значимой информации с опорой на использование языковых средств моделирования культурного пространства.

Художественный текст обладает рядом языковых уровней, где и реализуется авторский замысел, в котором проявляются его целеустановки, потребности, намерения, мотивы и способности. На этих же уровнях с эстетической точки зрения воплощаются сюжет, тема, система персонажей и

образов, композиция, отличительные черты литературного направления и особенности жанра.

В качестве неотъемлемой части любого художественного текста нами рассматривается авторская позиция. Каждый текст представляет воссозданную автором действительность. В качестве ее основы рассматривается непосредственно объективная реальность. Творческая деятельность автора проявляется благодаря его фантазии, но все же его духовный внутренний мир, представленный в произведении, создается, исходя из восприятия автором окружающей действительности и культурного пространства [Волков 2001].

Согласно нашим наблюдениям, замысел автора проявляется как на лексическом уровне, так и во внеязыковых компонентах произведения, к которым в лингвистике принято относить:

1) особенный принцип видения и впоследствии изображения действительности самим автором;

2) изображение авторского замысла в качестве в большей или меньшей степени определенного и сознательного вывода об отображаемой в тексте информации;

3) объективную параллель между взглядами автора и идеологической позицией главного героя [Бахтин 1975, с. 94].

Нацеленность продуцента на выражение определенной идеи служит импульсом для создания художественного текста. Данный способ передачи информации, тесно связанной с личным опытом автора, является важной частью процесса социализации и инкультурации. При этом ведущие литературные критики считают отличительной чертой передачи информации при помощи художественного текста не просто последовательное изложение фактов и аргументацию своей точки зрения. Гораздо важнее с точки зрения коммуникативной задачи имплицитно привести читателя к необходимым, сделанным самостоятельно умозаключениям [Бахтин 1975].

При этом фактор имплицитности в способах моделирования культурного пространства имеет особое значение, поскольку явное присутствие автора в выборе лексем, нетипичных действиях в рамках фабулы, прямых выражениях своих симпатий и антипатий делает процесс объективации созданной в произведении действительности затруднительным. Однако авторская идея в художественном тексте может носить и факультативный характер, т.е. речь повествователя может оставаться нейтральной с идеологической точки зрения при сравнении с задумкой автора, а может и выражать ее более явно [Бахтин 1975, с. 224].

Другой важной для нашего исследования особенностью художественного текста является четкое проявление самого языка. На таких языковых связях, как семантико-семиологические, системно-функциональные, стилистические, строится текст. Благодаря этим связям различные элементы текста эксплицитно содержат социолингвистические и индивидуально-лингвистические вербализованные структуры [Диброва 1997, с. 25].

Подчиненность упомянутых языковых связей коммуникативной задаче осуществляется при взаимосвязи с языковыми единицами прагматического уровня – прагмемами, однако этот эффект достигается только в определенных контекстных условиях [Баранов 1990, с. 10]. Эти условия в нашей работе обозначены как «актуализаторы», а процесс использования потенциалов, которые заложены в языковой единице, но не обнаруживаются до соблюдения конкретных обстоятельств ее функционирования, представляет собой «актуализацию словесного художественного образа» [Баранов 1990].

Важно отметить, что О.И. Москальская называет художественный текст «высшей коммуникативной единицей» [Москальская 1981, с. 33]. Текст художественного произведения – особенная единица языка. Как и любой языковой знак, художественный текст выполняет ряд определенных функций, важных для моделирования его культурного пространства:

- репрезентативную, обеспечивающую передачу информации об окружающем мире, описание его объектов, явлений;
- экспрессивную, позволяющую тексту репрезентировать определенные чувства, эмоции, отношение к различным объектам;
- апеллятивную, отражающую способность текста влиять на реципиента, исходя из авторского замысла;
- эстетическую – наиболее отличительную функцию художественного текста, суть которой заключается в воздействии на эмоциональную сторону личности читателя, доставляя ему интеллектуальное и чувственное удовольствие [Bühler 1999].

В качестве отличительной черты художественного текста мы рассматриваем именно эстетическую. Об этой функции в своих трудах писал Р.О. Якобсон, признавая ее присутствие в художественном тексте бесспорным, без нее «художественный текст превратился бы в философский трактат или пересказ какого-либо события» [Якобсон 1975, с. 121]. Особо значимой для нашего исследования представляется теория Р.О. Якобсона, согласно которой в других видах речевой деятельности эстетическая функция не имеет столь иерархически доминирующего положения, как в художественном тексте, и выступает в качестве вторичного фактора [Якобсон 1987].

Существенную роль в раскрытии эстетической стороны художественного текста играет лексика, выявляющая элементы культурного пространства. Эстетическая функция художественного текста «требует работы над словом с целью как можно более точного, ясного и общедоступного выражения информации; эстетическая функция языка требует работы над словом с целью открыть читателю и слушателю прекрасное в самом слове» [Горшков 2000, с. 316]. Именно особенность лексического выбора средств с целью достижения эстетического эффекта создает культурное пространство текста, подчиненное авторскому замыслу.

Художественный текст, обладая таким многообразием функций, представляет собой сложную систему знаков, что позволяет нам рассмотреть его культурно значимые элементы с опорой на теорию семиотики. Текст художественного произведения в определенном смысле может быть рассмотрен в качестве знака художественной реальности и ее фрагмента. Такая двойственность с точки зрения семиотики выявляет текст как «означающее и частично означаемое» [Розин 2008, с. 209]. Семиотические черты текста, его четкий строй способствуют наделению образов окружающего мира языковой оболочкой, превращению их в знаки, подчиненные данной системе. Эти особые образы закреплены в сознании «*homo loquens*», а текст служит одним из способов опредмечивания данных образов [Сорокин 1993].

«*Homo loquens*» как важный элемент этой цепочки напрямую зависит от языка сообщества, в котором он развивается как языковая, речевая и коммуникативная личность. Принадлежность «человека говорящего» к определенному сообществу способствует его овладению культурой этого социума посредством языковой коммуникации [Красных 2011, с. 15]. Именно «*homo loquens*» является продуцентом художественного текста, который представляет некий идеал, отражение характерных социально обусловленных культурных ценностей [Диброва 2008].

Итак, взаимосвязь художественного текста, культуры и «*homo loquens*» определяется коммуникативной природой их существования и реализации. С этой точки зрения художественный текст, являясь единицей коммуникации, благодаря своим компонентам, к числу которых относится и культурное пространство, становится способом передачи информации от продуцента реципиенту. Благодаря культурному пространству художественный текст приобретает ментальные характеристики, заложенные в него автором и важные для функционирования текста.

Исходя из изложенных особенностей художественного текста, нами обособлены следующие аспекты анализа культурно значимой информации в

нем: лингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический. Рассмотрим взаимосвязь данных аспектов исследования текста и культурного пространства:

– лингвистический анализ лексического, морфологического, синтаксического и других уровней текста способствует выявлению особенностей функционирования различных языковых единиц художественного текста, моделирующих культурное пространство, так как текст состоит из множества взаимоподчиненных языковых единиц;

– социальный, исторический и культурный контексты становятся важным предметом лингвокультурологического анализа и способствуют моделированию культурного пространства, поскольку художественный текст отображает не только языковую личность автора, но и проявляющуюся в ней культуру;

– интерпретация художественного текста представляет собой результат речемыслительной деятельности коммуникантов, поэтому культурное пространство текста отражает восприятие реальности автора непосредственно реципиентом, что и является предметом психолингвистического анализа.

Таким образом, мы можем заключить, что анализ культурного пространства в художественном тексте требует учета указанных аспектов, значимых для метода моделирования.

При исследовании художественного текста важно учитывать его билатеральность. Она заключается в отображении автором в художественном тексте культурного пространства, с одной стороны, и в восприятии реципиентом информации на основе лингвистического, социального и культурного опыта – с другой [Янь 2016]. Однако восприятие любого текста и его интерпретация читателем – сложный процесс воссоздания образов, содержащихся в тексте и выраженных различными языковыми единицами. Содержание художественного текста является многоаспектным, восприятие любых его составляющих, в том числе и культурного пространства, зависит от

того, что читателю «нужно в этом мире увидеть» [Леонтьев 2001, с. 240]. Это обуславливает вариативность восприятия текста.

Восприятие текста представляется сложным когнитивным процессом, состоящим из множества этапов, заключительным из которых является «активное преобразование словесной формы текста, представляющее собой многократное перекодирование. Областью кодовых переходов является внутренняя речь, в которой совершается переход от внешних кодов языка к внутреннему коду интеллекта, на основе которого формируется содержание текста как результат понимания» [Новиков 1983, с. 46]. В итоге процесса восприятия языковая форма сообщения трансформируется в ментальное единство, обусловленное сознанием [Пешкова 2014, с. 114].

Понимание информации художественного текста, по нашему мнению, также является специфическим и типологически обусловленным. Поскольку условия восприятия реципиентом и продуцентом априори не могут быть в полной мере идентичными, автор выстраивает текст, используя максимально общедоступные категории, логически воссоздающие окружающий мир [Постовалова 2014]. Это условие обязательно для непосредственного понимания культурной информации, которой автор наделяет текст. Из этого следует, что художественный текст, отражая различные социальные, культурные и другие элементы действительности, осуществляет коммуникацию между продуцентом и реципиентом.

Анализ структуры художественного текста выявляет различия между уровнями восприятия текста: поверхностным, глубинным и когнитивным. На поверхностном уровне происходит процесс восприятия текста при помощи всех его языковых единиц. В рамках глубинного уровня реципиент понимает художественный текст, раскрывая для себя его лингвокультурный смысл, реализуемый на уровне языковых средств моделирования культурного пространства. Когнитивный уровень обуславливает интерпретацию текста художественного произведения благодаря восприятию описанной в нем

национально-культурной картины мира, отраженной в специфике репрезентации культурного пространства [Кубрякова 1987].

Приведенные уровни восприятия художественного текста неразрывны и иерархически выстроены: восприятие элементов текста дает возможность понять весь текст в целом. В процессе восприятия происходит переход от лингвистического уровня текста к когнитивному, возможный благодаря лингвокультурному, глубинному уровню текста [Новиков 2003]. Так, понимание художественного текста невозможно без восприятия находящейся в нем информации через призму культуры, без понимания подтекста. Анализ культурного пространства в художественном тексте начинается на поверхностном, лингвистическом уровне текста и его составляющих.

1.4 Взаимосвязь лексики и культурного пространства художественного текста в рамках лингвокультурологического подхода

1.4.1 Лингвокультурологический аспект исследования лексических единиц в художественном тексте

В центре научной дискуссии о лингвокультурологическом исследовании текста находится вопрос о семантической нагрузке лексем. Контекстуальное значение лексической единицы является сложным единством. С точки зрения семантики в слове как лексической единице принято выделять следующие содержательные компоненты:

- денотативный;
- сигнификативный;
- прагматический;
- синтаксический [Кобозева 2000, с. 80].

В границах некоторых из упомянутых компонентов могут быть выделены меньшие составляющие по характеру заключенной в них

информации. К лексическому значению, как правило, причисляют наиболее существенную часть информации, связанной с лексемой. К этой части относятся денотат лексемы, ее сигнификат и некоторая часть прагматической информации, а именно коннотативное значение [Никитин 2007, с. 80].

Сигнификативный компонент представляет собой уровень, связанный не столько с действительностью, сколько с ее отображением в человеческом сознании. При этом суть лексемы заключается не в репрезентации абстракции. Следствие познавательной деятельности человека закрепляется в лексеме и связано с абстрагированием от реальной вещи ее общих признаков. При этом лексема отображает не весь предмет, а некоторые из его свойств. Совокупность существенных признаков объектов, обозначающих слово, в науке принято называть сигнификатом слова [Кобозева 2000].

В контексте теории И.М. Кобозевой денотат обладает применительно к слову исключительно виртуальным пониманием с точки зрения лексической семантики и допускает две распространенные трактовки. Под денотатом подразумевается множество эквивалентных объектов, которые соответствуют свойствам, образующим сигнификат лексемы [Карнап 1959]. Денотат лексемы является единым образом типичного, эталонного представителя класса, соответствующего данному слову. Денотат, как и сигнификат, является «ментальным отражением объекта действительности, но при этом противостоит сигнификату как нерасчлененное, целостное, неотрефлексированное представление об объекте его рациональному, аналитическому представлению в виде определенной комбинации признаков» [Кобозева 2000, с. 82]. Ю.С. Степанов ставит знак равенства между понятиями «предмет», «денотат» и «референт» [Степанов 1997, с. 8].

По характеру объектов обозначения денотаты разделены нами на группы, основу которых составляют объекты языковой и внеязыковой действительности. Денотаты объектов языкового характера связаны с репрезентацией других языковых выражений или их отношений (металексика, слова-знаки, функциональная лексика). К объектам внеязыковой

реальности, выраженных в денотатах, принято относить телесные, феноменальные и конструктивные объекты [Комлев 2017a]. Н.Г. Комлев в своих трудах подчеркивает, что слова денотируют не сами объекты, а их образы, при этом эмпирическая перцепция объединяется с общим, зафиксированным в социально-инвариантной лексической единице опытом [Комлев 2017b].

Как денотат, так и сигнификат лексемы по-разному могут отражать в вербализуемой языковой единице объект реального или нереального мира. Помимо денотативного и сигнификативного аспекта, лексема обладает и прагматическим значением. Информация об отношении адресанта лексемы к обозначаемому объекту, явлению или к адресату сообщения, как и о реализуемых словом речевых действиях, выражается на прагматическом уровне [Кобозева 2000]. Среди исследователей в области лингвистической семантики до сих пор нет общепринятого в научной сфере термина, который мог бы четко обозначить данный компонент лексического значения. Соответствующий аспект лексико-семантического значения может быть назван «экспрессивным» [Городецкий 1969], «прагматическим» [Апресян 1973], «коннотативным» [Телия 1986], «стилистическим» [Винокур 1990].

Данное разнообразие в обозначении связано с тем, что трактуемый аспект значения слова стал популярным объектом внимания исследователей в конце XX в. Это было вызвано новой лингвистической парадигмой научных исследований, переходом от анализа языка как системы знаков к анализу ее функционирования в процессе коммуникации.

Прагматический компонент языковой единицы, играющий важную роль в раскрытии экстралингвистической информации, априори неоднороден по своему составу. Существуют три разновидности прагматического значения:

- отношение говорящего к обозначаемому;
- отношение говорящего к адресату;
- информация об особенностях прагматического функционирования лексемы [Кобозева 2000].

Несмотря на разграничение данных прагматических значений, они могут наблюдаться в одной лексеме одновременно, выражая экстралингвистическую информацию на разных уровнях.

Прагматический потенциал важен для понимания культурного компонента слова (т.е. культурно значимой информации, заключенной в нем). В середине XX в. Д. Остин определяет слово как действие. Согласно данной теории, сказать нечто – значит «совершить определенное действие» [Клюев 2002, с. 196], «осуществить нечто посредством высказывания» [Новое в зарубежной лингвистике 1986, с. 92]. Именно подобные рассуждения легли в основу теории речевых актов, составляющую важный аспект лингвистической прагматики.

В теории лингвистической прагматики смысловая нагрузка лексемы трактуется в качестве «орудия, посредством которого мы совершаем действие» [Болотнова 1992, с. 102]. Прагматическую информацию при этом содержит компонент семантической структуры лексемы – коннотация. Коннотация представляет собой семантическую ассоциацию, т.е. информацию, относящуюся к прагматике лексемы [Комлев 2017а]. В широком смысле коннотации лексической единицы характеризуются как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности», «отражают связанные со словом культурные традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи» или «совокупность... закрепленных в культуре данного общества ассоциаций», образующих сопутствующие лексическому значению «содержательные элементы, логические и эмотивные, которые складываются в стереотип» [Апресян 1973, с. 13]. Культура при этом оставляет особый «след» в коннотации языковых знаков.

В рамках нашего исследования мы солидарны с мнением составителей «Лингвистического энциклопедического словаря» о том, что именно

коннотация выполняет важную текстообразующую функцию при помощи «оживления внутренней формы и использования ее как средства поверхностно-синтаксического согласования элементов текста или путем обыгрывания стилистического регистра» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 236].

Как канал передачи прагматической информации коннотация обладает нелокализованным характером, формирующим подтекст речевого произведения. Формы проявления коннотации как языковой универсалии подчинены правилам комбинирования языковых единиц и организации текста [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 236]. Тем не менее коннотативное значение отличается от остальных разновидностей прагматической информации, так как образует референцию не только к индивидуальному пользователю знака, но и к языковому коллективу. Используя коннотативно окрашенное слово, говорящий не всегда выражает личную оценку обозначаемого объекта или явления, в отличие от функционирования прагматического значения лексемы.

В качестве компонентов коннотативного значения языковой единицы узурального или окказионального характера И.В. Арнольд предлагает рассматривать эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический [Арнольд 2016, с. 36]. Н.Г. Комлев различает большее количество видов коннотации: изобразительную, эмоционально-чувственную, культурно-цивилизационную, тематическую, информативную и мировоззренческую [Комлев 2017b, с. 52]. Поскольку коннотативное значение, в отличие от денотативного, факультативно, наличие всех обозначенных компонентов не обладает обязательным характером, а их комбинации – вариативны.

Отличительной чертой коннотативного значения является компаративность. Дополнительная семантическая нагрузка выявляется в языковой единице только в том случае, если второстепенный признак вербализованного предмета или явления стал семантическим компонентом значения другой языковой единицы. В таком случае коннотация является

связующим звеном между различными лингвистическими единицами и ставит их в отношения уподобления [Кобозева 2000].

Коннотации лексических единиц формируются под влиянием таких факторов, как:

- исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст ее существования;
- тип восприятия или использования соответствующего объекта действительности;
- традиции литературной обработки лексемы;
- этимология;
- различные экстралингвистические факторы [Никитин 2007].

Коннотация как разностороннее лексико-семантическое явление связана с вопросами взаимодействия лексических единиц. Взаимодействие денотативного и коннотативного значения лексем демонстрирует наличие экстралингвистической информации, важной для лингвокультурологического анализа лексики, т.е. репрезентация культурно значимой информации в тексте осуществляется как на денотативном, так и на коннотативном уровне [Телия 1996].

Следовательно, лексико-семантический аспект языка важен в процессе выявления экстралингвистической информации, что обуславливает процесс моделирования культурного пространства в художественном тексте. Нигде в иерархически выстроенной системе языка культура как экстралингвистическое явление не отражается так ясно, как в словах и их значениях [Altmayer 2015].

Культура, нашедшая свое отражение в языке определенного народа, во всем своем многообразии наиболее ярко проявляется в лексических единицах. Лексика, обладая культурным компонентом, «членит внеязыковую действительность своим, совершенно особым образом» [Мельчук 1997, с. 266]. Денотативное значение слова тесно связывает его с элементами окружающей действительности. При этом процесс становления денотата

языковым знаком невозможен без национально-культурного мировоззрения носителей языка, так как возникающая таким образом лексема не будет считаться релевантной и употребительной без согласования с действующей картиной мира. Таким образом, слово является неким материальным воплощением понятийной системы, господствующей в определенном социуме [Воробьев 1999, с. 108].

Вслед за А.Н. Барановым мы придерживаемся мнения о том, что «речевоздействующий потенциал» лексического пласта языка наиболее очевиден [Баранов 1990, с. 22]. В ходе реализации авторского замысла в художественном тексте именно лексическому пласту уделяется особое внимание. Например, согласно исследованиям Е.В. Ключева, многозначные слова являются «тактикой говорящего, заманивающего в свои сети адресата, который оказывается весьма заинтригованным» [Ключев 2001, с. 206]. Взаимодействующие лексические единицы обуславливают лексическую организацию текста, которая в рамках художественного текста трактуется как «коммуникативно-ориентированная на адресата, концептуально обусловленная ассоциативно-семантическая сеть» [Болотнова 1992, с. 282].

В качестве важного предмета исследования лексических единиц в художественном тексте нами рассматривается их способность к культурной референции. Понятие референции рассматривается в лингвистике как «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 441]. В традиционной логически обусловленной модели каждому имени (каждому знаку) соответствуют некоторое понятие и объект реальной действительности. Поскольку данный объект является референтом имени, то процесс соотнесения имени и объекта называется референцией [Алимурадов 2011a]. Соответственно, под культурной референцией принято понимать соотнесение знаков естественного языка с «языком культуры» [Телия 1999, с. 23]. В рамках

лингвокультурологии способность лингвистических единиц к культурной референции рассматривается в качестве их лингвокультурного потенциала, что отражает наличие экстралингвистической информации, связанной с областью культуры [Хохлина 2011].

Исходя из особенностей функционирования лексических единиц, передающих культурно значимую информацию при помощи референции в художественном тексте, Н.С. Болотнова предлагает классифицировать лексические единицы следующим образом:

– «лексические прагмемы», т.е. слова и сверхсловные образования, которые отражают знания о реальной действительности, влияют на эмоционально-воздействующую сферу языкового сознания адресата, выявляют отношение адресанта к объекту;

– «лексические информемы», которыми являются слова и сверхсловные образования, отражающие знания о реальной действительности и передающие денотативную информацию [Болотнова 1992, с. 119].

Согласно исследованиям И.В. Арнольд, все четыре компонента коннотации (эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический) в лексической прагмеме могут присутствовать как все вместе, так и в разнообразных комбинациях [Арнольд 2002]. Данные компоненты при этом могут быть интерпретированы следующим образом:

1) эмоциональный компонент значения присущ лексемам, выражающим чувственно-эмоциональное восприятие описываемого объекта или явления;

2) оценочный компонент значения присущ лексемам, выражающим положительное или отрицательное мнение об описываемом объекте или явлении;

3) экспрессивный компонент значения присущ лексемам, усиливающим эффект восприятия описываемого объекта или явления (поскольку экспрессивная коннотация реализуется в коммуникативных целях, экспрессивность рассматривается в качестве желания сделать высказывание более понятным);

4) стилистический компонент значения присущ лексемам, характерным для определенных функциональных стилей [Арнольд 2002].

Семантический анализ указанных компонентов лексического значения, раскрывая экстралингвистическую информацию языковых единиц, способствует моделированию культурного пространства в художественном тексте. Различные варианты описания содержательного плана лексических единиц, опирающиеся на упомянутые семантические теории, обогатили лингвокультурологические исследования, в центре которых находятся языковая семантика, языковая номинация, построение лексико-семантических и функционально-семантических парадигм, национальный характер речевого поведения, объем культурной информации языка и пр. [Зиновьева 2009].

Лексические единицы во всей полноте своих функций становятся предметом лингвокультурологических исследований, важную роль при этом играют:

- безэквивалентная лексика и лакуны;
- взаимодействие религии и языка;
- мифологизированные языковые единицы;
- наивно-языковая картина мира;
- область речевого этикета;
- образы;
- паремии;
- речевое поведение;
- стилистический строй языка;
- эталоны, стереотипы, символы, ритуалы и т.д. [Апресян 1995b, с. 645;

Воробьев 1999, с. 108; Иванова 2003; Яковлева 2019].

Изучение языковых единиц с целью выявления их связи с предметной областью культуры опирается на лингвокультурологический анализ таких аспектов, как ассоциативные связи, внутренняя форма, деривационные связи, коннотация, «свободная» текстовая сочетаемость, концептуальное ядро

значения, парадигматические связи (синонимия, антонимия и т.п.), типовая (узуальная) сочетаемость и пр. [Березович 2000, с. 34].

Неотъемлемой частью исследования лексических единиц в тексте с целью моделирования его культурного пространства мы считаем и их инвариантные парадигматические отношения, среди которых принято выделять следующие виды лингвистической оппозиции:

– омонимические, устанавливающиеся между лексемами с идентичной грамматической формой, но в различном денотативном смысле;

– синонимические, отображающие совпадение лексем по смыслу при различной форме;

– антонимические, наличие которых показывает противоположное значение лексем без учета их формы;

– гипо-гиперонимические, отражающие родо-видовые взаимоотношения между денотатами лексем;

– паронимические, свидетельствующие о близости формы, но различном смысле лексем [Лазарева 2011].

Наличие подобных видов семантических взаимоотношений говорит о сложном внутреннем устройстве лексического пласта языка. Однако представленная классификация внутрилексических взаимоотношений также часто актуализируется в трудах современных ученых. В рамках отдельных лингвистических исследований лексики паронимия нередко рассматривается в качестве разновидности омонимии [Розенталь 2000]. Кроме того, в современных исследованиях ученые указывают на то, что синонимия и антонимия как лексикологические явления основываются на идентичных факторах, выраженных дихотомией «объединение – различение». Исходя из этого, различие между этими двумя видами отношений в лексике опирается на то, что в синонимии доминантным признаком выступает именно объединение лексико-семантических групп. Характерным признаком антонимии, наоборот, является их разделение. Л.А. Новиков придерживается мнения, что «антонимия есть семантическое отношение крайних (полярных)

членов тематической группы, синонимия – отношение ближайших членов этой группы» [Новиков 1966, с. 81].

Своеобразие синонимии занимает особое место в лингвокультурологических исследованиях. В.В. Колесов полагает, что находящаяся в основе синонимического ряда семантическая доминанта «всегда восходит к какому-то специфически народному «образу» – представлению, которое создавалось в течение столетий и постоянно развивалось, отражая развитие национальной культуры» [Колесов 1999, с. 205]. Исследование данного «образа» обуславливает определение семантических характеристик лексической единицы, которые влияют на понимание ее значимости в рамках культуры.

Из этого следует, что культурно значимая информация лексемы может быть обусловлена разнообразными аспектами. Несмотря на то что наличие культурного компонента в лексическом строе языка не вызывает сомнений, в научных кругах актуальной остается проблема выявления среди прочих именно тех единиц, которые бесспорно отображают сопряжение языка и культуры, и их доминантных признаков. Поэтому разнятся и подходы к вопросу, какую лексику можно назвать культурно-маркированной.

Передача культурной информации, т.е. знаний о процессах и результатах самопознания человечества во все периоды его развития, выступает в качестве центра притяжения различных школ и направлений лингвокультурологии [Ковшова 2016]. Поскольку язык отображает многие ментальные особенности, культурный код, присущий определенной культуре, находит отражение и в языке. Связь языка и культуры наиболее четко прослеживается именно на лексическом уровне. Культурно-маркированная лексика, демонстрирующая различия культурных картин мира, играет особую роль в лингвокультурологическом анализе. Когнитивные процессы, связанные с чувственным восприятием действительности, обуславливают образ окружающего мира, что прослеживается (помимо прочего) в лексемах, принадлежащих к определенному языку.

В современной лингвистике существует несколько подходов к классификации культурно-маркированной лексики. В наиболее широком смысле культурно окрашенные лексемы принято разделять на:

– реалии, т.е. те лексемы, денотат которых связан с предметами и явлениями определенной культуры;

– фоновую лексику, эквиваленты которой могут встретиться в нескольких культурах, но национальная специфика совпадает не всегда [Давыдова 2017].

На наш взгляд, особое место среди лексем, обладающих культурной окраской, отведено частично культурно-маркированным лексическим единицам, которые в свою очередь подразделяются на:

– денотативно-маркированные (как следует из названия, денотат данных лексем имеет среди прочего лингвокультурный потенциал, например, немецкое слово «Burg» («крепость»), передающее, помимо прочего, образ жизни обитателей крепости, впоследствии называемых как в немецком, так и в русском языке «Bürger» – «горожанин», «мещанин», «бюргер», «представитель третьего сословия», «обыватель», «житель замка, крепости» [Москальская 1980а, с. 301]);

– коннотативно-маркированные, обладающие культурно-маркированным коннотатом (например, лексема «целоваться»: для жителей Японии поцелуй является запретным явлением, поскольку до недавнего времени было не принято целоваться не только на публике, но и в семье; обратная тенденция наблюдается в коннотативной нагрузке данной лексической единицы в европейских языках) [Давыдова 2017].

Важным в постановке проблемы о культурной маркированности слова является понятие «ментальность». «Национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке – это и есть ментальность» [Колесов

2006, с. 13]. Так, ментальность отражается в культуре народа, культурном пространстве в целом, а через них и в самом языке, и его элементах.

Среди множества подходов к пониманию феномена культурно-маркированной лексики особое место занимает теория Г.Д. Томахина. Согласно его исследованиям, восприятие культурно-маркированных языковых единиц в узком смысле выделяет лексемы страноведческого порядка как отдельный пласт лексики, т.е. реалии, денотативное значение которых представляет национальные объекты и явления быта, культуры, истории [Томахин 1988, с. 11]. Разделение на лексико-семантические группы, по теории Г.Д. Томахина, происходит по принципу национальной принадлежности референта (денотата) [Томахин 1988, с. 21]. Так называемые реалии, отображающие взаимодействие культуры и ее представителей, представляют собой артефакты, которые находят отражение в языке в форме лексических единиц. Теоретические исследования реалий обогатили прикладную область лексикографии и способствовали появлению лингвострановедческих словарей, словарные статьи которых относятся к традициям, праздникам, особенностям быта, фольклору, городам, достопримечательностям, природным и географическим особенностям, государственному, социальному, экономическому устройству, искусству, истории, образованию, науке, технике, спорту и т.д. [Германия: лингвострановедческий словарь 2011]. Значимым в процессе исследования культурного пространства художественного текста представляется способность реалий к воссозданию определённой исторической эпохи [Левченко 2021].

С созданием подобных словарей возникла проблема лексикографического характера, связанная с включением тех или иных единиц в лингвострановедческий словарь. В частности, речь идет о лексемах, которые не являются реалиями в строгом терминологическом смысле. В связи с подсознательным восприятием представителями культуры особенностей таких частично культурно-маркированных единиц изменениям подверглись

целестановки и методологические базы отбора вокабул составителями словарей. Это, в свою очередь, стало причиной смещения от строгих лингвистических критериев отбора единиц в сторону более широкого понимания примеров связи языка конкретного народа и их культуры. Одним из ярких примеров таких словарей является «Longman Dictionary of English Language and Culture» [Longman Dictionary of English Language and Culture 1992]. Отбор вокабул для данного словаря основан на интерпретации культуры в широком смысле, культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, включающих в себя «предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы морали и права и т.д.), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей)» [Иванова 2003]. Данная трактовка культуры и ее предметной области расширяет потенциальные группы языковых единиц, которые могут быть включены в словарь, отклоняя исключительное положение реалий как единиц страноведческого характера.

Идеи о культурной маркированности языковых единиц, выходящие за пределы лексикографии, отражаются и в концепциях А. Вежбицкой. Согласно ее исследованиям, культурно-специфические значения выявляют характерные для определенной социальной группы образ жизни и образ мышления [Вежбицкая 1997, с. 269]. Это актуализирует попытки упорядочивания пласта культурно-маркированных языковых единиц с опорой на особенности их взаимодействия с объектами и явлениями окружающей действительности.

С опорой на социолингвистические, психолингвистические и лингвокультурологические исследования классификацию культурно значимых лексем разработала и И.Е. Аверьянова, выделившая следующие группы:

- реалии, характерные для определенной лингвокультуры;
- лексемы, выражающие этноспецифические концепты;

– фоновая лексика, определяющая лексико-семантические связи между лексемами в процессе коммуникации;

– культурно-коннотативная лексика, обусловленная различными экстралингвистическими факторами в процессе коммуникации [Аверьянова 1981].

Систематизация культурно-маркированной лексики возможна, однако и с точки зрения синтаксических характеристик. Исходя из этого, могут быть выделены слова, словосочетания и фразеологизмы, обладающие культурной окраской [Яшина 2009].

Языковая единица как элемент художественного текста может стать стилистически значимой и перейти в статус средства художественной выразительности. Особый интерес исследователей вызывает и лингвокультурологический аспект исследования культурной маркированности лексических средств выразительности. Обращаясь к вопросу о лингвокультурном потенциале лексических средств выразительности, важно обозначить особенности их функционирования в художественном тексте. М.П. Брандес различает следующие функции тропов:

– познавательная функция, обусловленная видением средств художественной выразительности как способа познания мира посредством выявления схожих объектов, понятий и явлений, которые, помимо прочего, связаны и с культурой;

– культурная функция, обуславливающая развитие средств выразительности понятийной основы в области культуры;

– функция семантической неопределенности, вызванная полисемией лексических единиц и влияющая на особенности интерпретации лексических средств художественной выразительности, в зависимости от опыта, культурной принадлежности, ценностей и пр.;

– творческая (эмоциональная) функция, заключающаяся в возможности человека самовыражаться при помощи использования лексических средств выразительности с опорой на социальный и культурный опыт;

– экономическая функция, наделяющая средства выразительности смысловой емкостью;

– структурно-семантическая функция, определяющая возможность лексических средств художественной выразительности транслировать дополнительные смыслы;

– репрезентативная функция тропов, наделяющая речь особой выразительностью, способствующей передаче информации;

– воздействующая функция, обуславливающая оказание воздействия на адресата [Брандес 1983].

Из этого следует, что анализ лексических средств художественной выразительности и их функций выявляет соотнесенность с лексическими единицами в аспекте культурной маркированности, что, безусловно, заслуживает особого внимания в процессе лингвокультурологического анализа.

Множество подходов к классификации культурно маркированных лексических единиц свидетельствует не только о разнородности анализируемых лингвокультурологией явлений, но и о разнообразных предпосылках культурной специфики. Это обуславливает особенности функционирования культурного пространства в художественном тексте, воссоздаваемого при помощи лексико-семантических средств.

1.4.2 Языковые средства моделирования культурного пространства в аспекте лингвокультурологического анализа

Лингвокультурология как относительно молодая наука активно пользуется методами исследования, разработанными на базе других сфер научного познания. Одним из ключевых методов нашего исследования, которым активно пользуются лингвисты, является метод моделирования [Баранов 2001; Ремхе 2007; Pullum 2007].

В широком смысле под моделью понимается «мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что его изучение дает нам новую информацию о нем» [Штофф 1966, с. 19]. В рамках лингвистических исследований модель представляет собой «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощённом виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 304].

О.Л. Каменская выделяет два типа моделей: идеальные (мыслительные) модели, компонентами которых являются представления о явлениях окружающего мира и их взаимоотношения, и материальные модели, имеющие физическое воплощение [Каменская 1990, с. 34]. Реализация любой модели требует от человека представления ее структуры и составляющих элементов, однако для описания конкретных объектов необходимо воссоздание их абстрактных, т.е. идеальных, моделей [Белоусов 2010].

Согласно исследованиям В.В. Богуславской, моделирование представляет собой процесс конструирования, исследования и использования моделей, который изначально имеет общие черты с такими методами лингвистических исследований, как классификация и типология [Богуславская 2008, с. 146]. Метод моделирования в целом применяется исследователями с опорой на использование знаковых систем в ходе анализа. Из этого следует, что поскольку язык является сложной системой знаков, лингвистическое моделирование осуществляется при помощи слов [Дорофеева 2017, с. 240].

Для метода моделирования, использованного в рамках нашего лингвокультурологического исследования, характерно раскрытие особенностей предмета посредством конструирования его модели, которое является средством отображения языковых явлений и подтверждением

истинности познаний о языке [Лату 2013]. В совокупности с многообразными методами исследования языка моделирование определяется как «средство углубления познания скрытых механизмов речевой деятельности» [Дорофеева 2015, с. 41].

А.Ф. Лосев, рассуждая о лингвистическом моделировании, признает в качестве его задачи «установление тех или иных структур ... приведение в систему полученных эмпирическим путем языковых данных, что делает языковые категории более ясными, определенными, максимально четко сформулированными и систематизированными» [Лосев 2004, с. 52]. К.Н. Белоусов, однако, уточняет, что «модель, воспроизводя какой-либо онтологически языковой объект, должна не столько схематизировать его, сколько генерировать новые знания об объекте» [Белоусов 2010, с. 95].

При помощи языкового моделирования культурного пространства становится возможным изучение иерархически выстроенной системы культурно значимых языковых единиц. Модель культурного пространства рассматривается нами как совокупность знаний о фрагменте реального культурного пространства, вербализованного в тексте и необходимого для реализации авторского замысла, как система культурно значимых смыслов в тексте, отраженных при помощи вербализации элементов культурного пространства, раскрывающей их особенности и взаимосвязи между элементами.

Для анализа языковых единиц, моделирующих культурное пространство в художественном тексте, стоит определить соотношение этих единиц с такими понятиями, как «концептуальная картина мира», «культурная картина мира» и «языковая картина мира». Эти понятия являются ключевыми в вопросе о взаимосвязи языка, культуры и мышления. Проблему их взаимосвязи принято называть проблемой когниции – проблемой познавательной деятельности человека. Согласно современным исследованиям, когниция выражается в виде концептуализации и категоризации. При этом концептуализация отражает выделение

информации, ее осознание и переход в форму знания, а категоризация обуславливает обобщение уже выделенной и осмысленной информации, т.е. соотношение с концептами, существующими в сознании человека и разделенными на категории [Болдырев 2000]. Таким образом, знания появляются как результат взаимодействия вербального и невербального опыта, что, в свою очередь, формирует концептуальную картину мира [Маслова 2004, с. 14].

Концептуальная картина мира содержит в себе не менее важную для нашего исследования культурную картину мира, которая в самом широком смысле представляет собой систему представлений о мире, его устройстве и месте человека в нем [Гуревич 1995]. Культурные картины мира многообразны настолько, насколько многообразны и сами национальные культуры. С практической точки зрения культурная картина мира находит свое отражение в языке, жестах, изобразительном искусстве, музыке, ритуалах, этикете, вещах, мимике, в поведении людей и пр. [Апресян 1995]. Именно совокупность данных явлений, которые представляют явственную часть культурной картины мира и результат отражения культуры в сознании ее представителей, создает культурное пространство. Следовательно, мы придерживаемся мнения о том, что национальный язык формируется под влиянием национальной культурной картины мира и является частью сформированного ею национального культурного пространства.

Язык как сложное и многомерное явление с точки зрения любой изучающей его науки имеет особое двойственное положение в системе культурного пространства. С одной стороны, язык является элементом культурного пространства, отражая особенности национальной культурной картины мира. С другой стороны, языковые единицы моделируют элементы культурного пространства в тексте. Также важно отметить, что языковые средства, в своей совокупности образующие языковую картину мира, выражают концептуальную картину мира в целом [Серебренников 1988, с. 107].

Таким образом, в ходе исследования культурного пространства в художественном тексте как часть языковой картины мира нами рассматриваются языковые единицы, репрезентирующие концептуальную картину мира в целом и культурную картину мира в частности. Данное соотношение представлено на рисунке 1.

Рисунок 1 – Соотношение понятий «концептуальная картина мира», «культурная картина мира», «языковая картина мира», «культурное пространство»

Стоит отметить, что в нашем исследовании анализ языковых средств, участвующих в процессе моделирования культурного пространства в художественном тексте, не ограничивается культурно-маркированной лексикой. Критерий «культурная маркированность» является эксплицитным показателем культурного компонента текста, наблюдаемым на денотативном уровне благодаря лингвокультурному содержанию или этимологии. Языковые средства моделирования культурного пространства обладают

связностью, обусловленной определенной культурной исторической эпохой. Культурно маркированная лексика априори не обладает такой прагматической функцией, как способность моделировать культурное пространство. Употребление культурно-маркированной лексики, в отличие от языковых единиц моделирования культурного пространства в тексте, не предполагает обязательной согласованности и не всегда имеет связь с определенным историческим контекстом, обладая отсылками к различным слоям культуры. Таким образом, изучение средств моделирования культурного пространства в художественном тексте ведет к более полноценным результатам, выраженным именно совокупностью языковых единиц.

Вслед за В.В. Воробьевым мы склонны придерживаться мнения о том, что «при изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры как комплексной проблемы оказывается целесообразным выделение особой единицы, синтезирующей в себе оба коррелирующих феномена» [Воробьев 1996b, с. 45]. В нашем исследовании в качестве основной единицы лингвокультурологического анализа мы рассматриваем лингвокультурему. Лингвокультурема представляет собой «комплексную межуровневую единицу описания лингвокультурологического поля, представляющую собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (языкового и внеязыкового) содержания» [Воробьев 1997, с. 45], «своеобразную призму, через которую проходит национально-специфическое видение мира» [Мамонтов 2000, с. 224].

Лингвокультурема является более широким явлением, чем лексема. Если лексема соотносится с референтом (или с денотатом), то лингвокультурема выявляет содержание референта как понятия. Согласно В.В. Воробьеву, лексема ограничена реалемой, в то время как лингвокультурема выявляет особенность реалий и отображает их взаимосвязь внутри соотнесенного с определенным знаком класса предметов [Воробьев 1996a]. Л.Г. Веденина причисляет к лингвокультуремам наименования предметов, понятий, концептов, принадлежащих к одной лингвокультуре, при

этом не наблюдающихся или выражающихся в другой форме в прочих лингвокультурах [Веденина 1997].

Своим появлением термин «лингвокультурема» обязан предшествующему понятию «культурема». В широком смысле культурема является любой частью культурной сферы, чувственно или интеллектуально воспринимаемая в качестве ценностно ориентированных знаков, которые могут быть разделены на более мелкие единицы или объединены в более крупные [Royatos 1976]. С точки зрения семиотики это определение позволяет рассматривать культуру в качестве совокупности культурем.

Выделим следующие особенности культуремы, необходимые для дальнейшего понимания лингвокультуремы:

1. Культуремы, помимо прочего, проявляются в языке [Гак 1998]. Культуремы могут, но не должны быть вербализованы. Однако они оставляют следы в языковых моделях, которые характерны для данной культуры.

2. Культуремы – это единицы, которые имеют специфическое значение для культуры. Это значение, зависящее от культуры, можно определить только путем сравнения.

3. Культуремы могут быть восприняты членами общества, тематизированы и отражены на метауровне.

4. Культуремы играют роль в формировании культурной идентичности. Как аналитические единицы, для которых также характерна металингвистическая рефлексия, культуремы и их формы реализации могут помочь понять функционирование культурной идентичности.

5. Культуремы имеют аргументативную функцию. Они служат для того, чтобы идентифицировать себя на фоне других социально-культурных групп, и используются для аргументации в пользу собственной позиции. Их также можно использовать, чтобы подвергнуть сомнению аргументацию представителя собственной или чужой культуры [Mast 2020].

Если в качестве культуремы рассматривается присущий определенной культуре элемент действительности, то в качестве лингвокультуремы – его

проекция в языковую единицу [Воробьев 1996b]. Поскольку термин «лингвокультурема» был введен в научный дискурс относительно недавно, среди разных исследователей в области лингвокультурологии не только разнятся взгляды на его определение, но и активно разрабатывается ряд альтернативных понятий, выражающих схожие явления:

– «прецедентный феномен» представляет собой особый вид концептов, единицы сознания, определяемые культурой и проявленные в языке [Караулов 1987];

– «концепт» – многомерное ментальное образование, объединяющее признаки, характеризующие объект в определенном языковом коллективе [Арутюнова 1998; Степанов 1997];

– «лингвокультурологема» является единицей, составляющей лингвокультурный универсум и лингвокультурную ситуацию [Шаклеин 1997];

– «логоэпистема» – сопоставимая с крылатыми словами и афоризмами комплексная единица, выраженная в языке и отражающая общественное представление о действительности носителей языка [Костомаров 2000], имеющая в качестве основы определенный прецедентный контекст [Верещагин 1999];

– «лингвокультурный концепт» воспринимается как концепт, состоящий из понятийного, образного и значимостного компонента [Карасик 2001], отражающий «любой вербализованный культурный смысл, в какой-то мере отмеченный этнической спецификой вне зависимости от ее значимости для национального характера» [Воркачев 2005, с. 78], вербализованный лексически или фразеологически [Красавский 2008];

– «лингвосапиентема» трактуется как «сапиентема, взятая в совокупности с вербальными итогами своего развертывания, т.е. в совокупности с лексическими фонами и речеповеденческими стратегиями (и тактиками)», где под сапиейентемой подразумевается генерализованная идея,

содержащая программу развертывания смыслов и этических оценок [Верещагин 2005, с. 920];

– «языковой маркер национально-культурного сознания» представляет собой результат речевой деятельности моно-, би-, полилингвальной языковой личности как представителя этнолингвокультурного сообщества [Привалова 2006];

– «этнокультурный маркер языкового сознания» – лексико-грамматические категории, выявляющие в содержании понятия три уровня, на которых функционируют лингвоструктурные, лингвокультурные и лингвоэкологические единицы [Привалова 2006, с. 13];

– «лингвоидеологема» является разновидностью лингвокультурного концепта, семиотический состав которого включает в себя понятийную, образную и значимостную составляющие, и который способен «менять свой аксиологический знак на противоположный («плюс» на «минус» и наоборот) при смене апеллирующего к ней субъекта-носителя идеологии» [Воркачев 2013, с. 4].

Мы придерживаемся мнения о том, что границы между данными явлениями носят весьма условный характер в связи с находящимся в их основе описанием связи многоаспектных явлений – языка и культуры. В ходе нашего исследования предпочтение отдается наиболее разработанному в теории лингвокультурологии термину «лингвокультурема», который лаконично сочетает языковые и культурные феномены. На наш взгляд, указанные явления по сравнению с лингвокультуремой обладают следующим характером выявления взаимосвязи культуры и языковых единиц:

– более широким (концепт, языковой маркер национально-культурного сознания, языковой маркер национально-культурного сознания, лингвоидеологема);

– более узким (лингвокультурологема, логоэпистема);

– смещенным в сторону дополнительных сфер исследования (прецедентный феномен, лингвокультурный концепт, лингвосапиентема).

При этом одни и те же языковые единицы могут быть одновременно лингвокультуремой и другим описанным явлением.

Несмотря на то что лингвокультуремы можно выявить в тексте на различных уровнях (лексема, предложение, абзац и т.д.), все они обладают одинаковым строением, отражающим их дуальный характер. Однако данные лингвокультурологические единицы могут иметь специфические формальные разновидности, обусловленные их признаками. К признакам лингвокультуремы, необходимым для нашего анализа, относятся:

- выражения имени поля (например, «крестьянин», «католичество», «голод» и т.д.);
- определенная структура, обусловленная способами выражения;
- возможность к объединению и дифференциации по характеру источников [Воробьев 1996а].

Существенный вклад в развитие отечественной теории лингвокультуремы внес В.В. Воробьев. В своих работах он приходит к актуальным для нашего исследования выводам, согласно которым:

- лингвокультуремы обладают коннотативными смыслами и приобретают статус знаков-функций;
- количество коннотативных означаемых лингвокультуремы является вариативным;
- актуализация лингвокультуремы сознанием воспринимающего не обязательна, т.е., воспринимающий не всегда может выявить ее;
- лингвокультурема существует только тогда, когда «живет идеологический контекст», ставший условием ее появления [Воробьев 1996а].

В рамках изучения языковых средств моделирования культурного пространства важной чертой лингвокультуремы является ее межуровневость. Несмотря на лингвокультурный потенциал лексики, экстралингвистическое значение, наделяющее языковые единицы культурно значимым смыслом, не всегда компримируется лишь в одном слове, а может быть распространено на словосочетание, предложение, абзац (или несколько абзацев) и даже текст.

Однако именно лексемы, обладающие экстралингвистической информацией о культуре, служат определенными маркерами, помогающими выявить лингвокультуру в тексте.

Лингвокультуры, как и лексемы, рассматриваются в качестве единиц поля, иерархически выстроенные связи которых устанавливают строение поля на парадигматическом и синтагматическом уровнях. В процессе анализа языковых единиц, моделирующих культурное пространство в тексте, одним из важных элементов является семантическое (лексико-семантическое) поле. Семантическое поле представляет собой «совокупность лексем, обозначающих определенное понятие в широком смысле этого слова» [Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии 1998, с. 25]. Согласно современным исследованиям, семантическое поле состоит из лексем, выраженных различными частями речи, а также фразеологизмов. Кроме того, в состав семантического поля могут быть включены языковые единицы, представляющие многообразные социальные формы существования языка (национальный язык, диалект, идиолект). Важно отметить, что помимо лексем, относящихся к литературным формам проявления языка, к лексико-семантическому полю могут относиться и нелитературные формы проявления языка (арго, жаргон и пр.). Таким образом, различные языковые единицы, моделирующие культурное пространство в художественном тексте, с лингвистической точки зрения могут быть объединены в лексико-семантические поля. Границы лексико-семантических полей определяются денотативным значением языковых единиц.

В основе объединения слов в лексико-семантическое поле лежит их содержательная взаимосвязь и логически или интуитивно обусловленная связь обозначаемых ими понятий. В сознании говорящих лексемы группируются в лексико-семантические поля по принципу принадлежности их референтов к одной области логических понятий [Алимурадов 2011b].

В языкознании лексико-семантическое поле как категория высшего порядка способствует системному и синтетическому рассмотрению однородных по содержанию единиц. Оно воссоздает четко выстроенную структуру элементов лексико-семантической системы языка. В лексико-семантическом поле отражены парадигматические отношения частных языковых категорий (например, синонимия, антонимия, конверсия и т.д.) [Воробьев 1996b].

В поле, формирующееся под влиянием конкретного смыслового содержания (доминантой поля), входят следующие структурные составляющие:

- гиперсема, представляющая ядро поля, или совокупность гиперсем;
- основные понятия, взаимосвязанные реалемы, составляющие центр поля;
- смежные реалемы, «слова-понятия вторичной семантической функции», выявляющие периферию поля [Воробьев 1996b].

Лексико-семантическое поле, обладающее определенной семантической структурой, воссоздает иерархию его реалем и средств, обуславливающих их вербализацию. Эта структура представляется посредством разновидности видовых отношений, воссоздающих предметно-понятийную систему элементов и гиперо-гипонимических связей языковых единиц. При этом важной структурной особенностью лексико-семантического поля является возможность содержания лексико-семантических групп, которые соподчинены данному полю [Абрамова 2011].

В нашей работе мы придерживаемся мнения о том, что языковые единицы анализа способствуют моделированию культурного пространства исследователем и образуют лингвокультуремы благодаря экстралингвистической культурно значимой информации. Исходя из этого в ходе анализа релевантным считаем использование термина «лингвокультурологическое поле», теория которого базируется на исследовании лексико-семантического поля.

Лингвокультурологическое поле представляется «сложной многомерной структурой, так как отражаемые в нем элементы являются принадлежностью не только языка, но и культуры, то есть имеют не только языковое, но и своеобразное внеязыковое измерение» [Воробьев 1997, с. 299]. В основе лингвокультурологического поля находятся лингвокультуремы, объединенные общим содержанием – фрагментом предметной области культуры. Лингвокультурологические поля организуют этническую картину мира, благодаря их сравнению становится возможным выявление родства и отличия языков и культур.

Важно отметить, что лингвокультурологические поля, как и языковые (лексико-семантические), могут обладать конкретным или абстрактным характером. Именно характер лингвокультурологического поля выявляет доминанту, выраженную соответственно словами конкретной или отвлеченной семантики.

Состоящее из лингвокультурем лингвокультурологическое поле изоморфно по отношению к другим видам полей. По своей природе его элементы многомерны по сравнению с элементами обычных полей. Это позволяет говорить о двух аспектах единиц лингвокультурологического поля: лингвистическом и референтивном. Лингвистический аспект при этом отражает связь данных единиц с языком, а референтивный – с культурой [Воробьев 1996а].

Лингвокультурологическое поле обладает особенной структурой, к элементам которой относятся следующие структурно-семантические элементы:

- «имя (ядро) поля и его инвариантный лингвокультурологический смысл (интенционал имени и поля);
- классы (группы) лингвокультурем как единиц – единств собственно языкового и внеязыкового содержания (экстенционал поля): центр и периферия;
- категориальные отношения лингвокультурем в поле;

- парадигматика лингвокультурем;
- синтагматика лингвокультурем» [Воробьев 1996b].

Именно в структуре лингвокультурологического поля реализуется его семантическая интерпретация. Важную роль при этом выполняет ядро лингвокультурологического поля, которое в отличие от лексико-семантического поля обладает не общим языковым значением, а инвариантным лингвокультурологическим смыслом. Ядро лингвокультурологического поля содержит основные классы (группы) лингвокультурем, так называемые субполя.

Сравнивая характеристики лексико-семантического поля и лингвокультурологического поля, важно отметить особенности их взаимодействия. Единица лингвокультурологического поля априори содержит не только лингвистическую, но и, в отличие от единицы лексико-семантического поля, экстралингвистическую информацию. Из этого следует, что понятие «лингвокультурологическое поле» имеет более широкое применение, чем «лексико-семантическое поле». Использование данных терминов характерно для разных областей дискурса лингвистических исследований. Лингвистический анализ языковых единиц располагает к использованию теории лексико-семантических полей с целью изучения интралингвистических особенностей предмета исследования. В то же время лингвокультурологический анализ, базирующийся на исследовании совокупности лингвистического и экстралингвистического компонента языковых единиц, предполагает группирование анализируемых единиц исходя из экстралингвистического компонента.

Особый интерес к анализу лингвокультурем, образующих лингвокультурные поля, объясняется их многоуровневостью, т.е. лингвистическая сторона лексемы не ограничивается лексемой, а может быть рассмотрена во взаимосвязи со всем многообразием языковых средств, участвующих в моделировании культурного пространства в художественном тексте.

Выводы к главе 1

Многомерность связанных с человеком понятий «язык» и «культура» обуславливает множество междисциплинарных подходов к их изучению. Многолетние исследования данной диады подтверждают то, что язык, с одной стороны, является частью культуры и ретранслирует ее особенности, с другой – порождает ее новые элементы. Передача культурно значимой информации объясняется функциями языка, его способностью к накоплению и передаче информации при помощи различных языковых единиц. Парадигма научных исследований, затрагивающих данный вопрос, выделила лингвокультурологию как самостоятельную науку, развивающуюся за счет антропологического характера.

Особый интерес в изучении языка и культуры вызывает междисциплинарный термин «культурное пространство», зародившийся в рамках теории философии, культурологии и социологии, а также ставший предметом исследования в лингвокультурологии. Культурное пространство представляет собой форму бытия культуры в человеческом сознании, а потому количество его элементов определяется богатством самой культуры. Многозначность культурного пространства как лингвокультурологического концепта определяется и его основополагающими элементами, связанными с социальными, культурными, когнитивными, экономическими, политическими и историческими особенностями развития и существования человека как носителя культуры.

Анализ культурного пространства, воссозданного в художественном тексте как в коммуникативной единице в рамках авторского замысла, начинается на лингвистическом уровне текста и сосредоточен на составляющих его языковых единицах, особенно на лексике.

По нашим наблюдениям, культурный компонент лексики обусловлен разнообразными аспектами, связанными с типами человеческой деятельности, особенностями национального сознания, ментальности и пр. Особое место

при анализе лексического строя текста отводится семантическому анализу. Семантическая нагрузка лексемы, обладающей культурной информацией, важна для понимания как отдельно взятой лексической единицы, так и прагматического значения художественного текста в целом.

Культурно значимая информация, обусловленная различными экстралингвистическими критериями, наиболее полно отражена в лексико-семантических единицах языка, способах их группировки и видах взаимоотношений. Важно отметить, что лексико-семантические единицы моделирования культурного пространства не ограничиваются культурно-маркированной лексикой. Раскрывая культурную и концептуальную картины мира, данные единицы сочетают языковой и культурный компонент, образуя лингвокультураны. Несмотря на различные подходы к пониманию лингвокультураны и наличие множества явлений, означающих близкие понятия, лингвокультурана является одной из наиболее употребительных единиц анализа в лингвокультурологии. Изучение структуры языковых единиц, образующих лингвокультураны при помощи различных лексико-семантических явлений, а также исследование их объединения по группам (лингвокультурологическим полям) способствуют наиболее полному представлению о средствах моделирования культурного пространства в художественном тексте и особенностях их функционирования и соотношения.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ МОДЕЛИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

2.1 Особенности систематизации лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте

Язык, обладающий множеством функций, способствует ориентации человека в окружающем мире и восприятию информации о нем. Язык как система указывает на степень приоритетности определенной информации в картине мира продуцента при помощи своих единиц и их компонентов и выделяет ее актуальность посредством комбинации и разнообразия языковых единиц [Манаенко 2017а]. Модель культурного пространства, воссозданного автором в художественном тексте, строится исследователем при помощи комбинации многообразных лексико-семантических средств. Процесс воссоздания модели культурного пространства художественного текста, базирующийся на основе анализа образующих лингвокультуремы языковых средств, разделен нами на три этапа:

- 1) выявление элементов культурного пространства в тексте;
- 2) установление взаимосвязи между элементами культурного пространства в тексте;
- 3) описание культурно значимых особенностей данных элементов.

Анализ денотативного значения лексических единиц, образующих лингвокультуремы и способствующих моделированию культурного пространства в художественном тексте, является неотъемлемой частью всех трех этапов. Методом сплошной выборки в художественном тексте нами были отобраны лексемы, денотативное значение которых связано с предметной областью культуры. Благодаря культурно значимой экстралингвистической информации лексемы моделируют элементы культурного пространства в тексте. Данные лингвокультуремы выражены в тексте культурно-

маркированными (например, «Papst» – «папа (римский)», «Bischof» – «епископ», «Kurfürst» – «курфюрст») и частично культурно-маркированными (например, «heilig» – «святой», «Kirche» – «церковь», «Stadt» – «город») лексическими единицами [здесь и далее перевод примеров наш]. Особый интерес в рамках нашего исследования, однако, в связи с широким пониманием культуры, культурного пространства и культурной референции вызывает методика отбора языковых единиц для анализа. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент текста: «Schön und gut, sagte Papa endlich. Auf der Zukunft lägen Schatten» [Kehlmann 2017, S. 188] – «Хорошо, – сказал наконец папа. – Будущее затуманено». Язык, являющийся результатом, продуктом деятельности человека как биосоциального существа, отражает неразрывную с культурой биосоциальность во всех своих языковых единицах. Исходя из этого, мы разделяем культурную референцию на прямую, частичную и опосредованную.

Прямая культурная референция связана с теорией культурной маркированности лексем, в рамках которой денотативное значение лексемы передает предметную область национальной культуры или группы национальных культур, объединенных конфессиональной, географической, политической и прочей общностью. Примером прямой референции в анализируемом фрагменте текста является лексема «Papa» («папа (римский)'), выявляющая папу римского как элемент немецкого и итальянского национального культурного пространства. Однако характерная для данного элемента принадлежность к определенной группе культур не исключает его наличия в культурном пространстве в широком смысле. Это обусловлено восприятием одной национальной культуры представителями другой национальной культуры, что и актуализирует процесс выработки определенных представлений, стереотипов, особенностей восприятия инокультурного явления.

Частичная культурная референция опирается на теорию о частично культурно-маркированных лексемах. Примерами этого вида референции

являются лексемы «schön» («красиво», здесь: «хорошо»), «gut» («хороший», «хорошо»), «endlich» («наконец»), «Zukunft» («будущее»). Так, понимание красоты, хорошего и плохого, процесса измерения времени может по-разному восприниматься представителями разных культур, хотя сами денотаты не являются национально обусловленными. Элементами культурного пространства в данном случае выступают именно культурно-специфические представления об описанных явлениях.

Опосредованная культурная референция языковых единиц способствует отражению универсальных представлений об окружающем мире, связанных с когнитивным процессом и характерных для любого языка. В анализируемом фрагменте текста данным типом референции обладают лексемы «und» («и»), «sagen» («сказать»), «auf» («на»), «liegen» («лежать»), «Schatten» («тень»). Понимание данных представлений и их языковые воплощения формируются в подсознании индивидуума в процессе социализации и инкультурации, становления человека как личности. Само слово «представление» требует окультуренного осознания процесса ориентирования («und», «auf»), позиционирования («liegen»), синтезирования разницы между «издаванием» звуков и говорением («sagen»), между светом и тенью («Schatten»). Ни одно из данных слов не выявляет элемент культурного пространства, однако стоит отметить наличие в них культурного компонента, поскольку выделение данных понятий не представляется возможным без своего рода «культуры мышления». В связи с этим в данных примерах имеет место именно опосредованная культурная референция при условии, что предметом референции являются представления об окружающем мире как элементы культурного пространства.

Подобное разграничение лексических единиц языка на основе видов культурной референции позволяет выделить лексемы в качестве гипонимов, гиперонимом которых является сама культура. В нашей работе методом сплошной выборки с целью выявления элементов культурного пространства отобраны только те лексемы, предметная область культуры которых

отображена при помощи прямой или частичной культурной референции. Языковые единицы, связанные с опосредованной культурной референцией, выявляют в тексте представления о явлениях и предметах. Несмотря на то что данные представления требуют окультуривания, они репрезентируют в первую очередь природные, биологические, физические и прочие элементы действительности. Таким образом, описанные примеры опосредованной культурной референции выявляют оппозицию:

– культурная картина мира, предметная область которой выражена культурным пространством, содержит знания, понятия, теории, предположения и т.д.;

– языковая картина мира, проявляющаяся в языковых единицах, выражающих культурную картину мира и научную картину мира;

– естественно-научная картина мира (например, физическая), элементами которой (в рамках анализируемого фрагмента текста) являются такие научно обоснованные явления, как свет, тень, позиционирование, пространство, ориентация в пространстве и пр. Данные элементы научной картины мира также являются предметами исследования частных естественно-научных направлений, не связанных с областью культуры.

Поскольку и сами картины мира находятся в сложной иерархически упорядоченной системе отношений, в которой научная картина мира пересекается с культурной картиной мира, невозможно утверждать, что языковые единицы, выявляющие элементы научной картины мира, не связаны с культурным пространством. Исходя из этого, языковые единицы, обладающие семантическим компонентом опосредованной культурной референции, целесообразно рассматривать в качестве средств выявления элементов естественно-научной картины мира. Лингвокультурологический анализ данных единиц выявляет их национально-культурную универсальность, независимую от языковых средств выражения.

Дифференциация видов культурной референции позволяет не только выделить культурную маркированность и частичную культурную

маркированность в качестве критерия отбора лексем методом сплошной выборки, но и выявить многообразие форм проявления культуры в языке. В связи с этим важно подчеркнуть различия в подходах к рассмотрению культурно-маркированной лексемы и единицы выявления элемента культурного пространства. В нашей работе мы рассматриваем культурно-маркированную лексему как единичное проявление связи языка и культуры, в то время как единица выявления элемента культурного пространства является частью системы – единицей лингвокультурологического анализа, образующей лингвокультуруму и связанной с методом моделирования культурного пространства в тексте. В процессе моделирования культурного пространства эта единица служит важной составляющей для установления взаимосвязи между элементами внутри культурного пространства художественного текста.

Денотативное значение лексемы, обуславливающее культурную референцию, предваряет процесс установления взаимосвязей между элементами культурного пространства и выявления их деталей и характеристик. Особое внимание в нашем исследовании направлено на взаимосвязи отобранных культурно-маркированных (или частично культурно-маркированных) лексем и других языковых единиц. Важная роль при этом отводится контекстуальному (контекстному) анализу, в рамках которого языковая единица подвергается анализу в составе речевого образования (словосочетания, предложения, абзаца) [Нефедов 2020]. Методом сплошной выборки нами были отобраны и проанализированы 1466 фрагментов романа Д. Кельмана «Тулл», в которых были выявлены взаимосвязи культурно-маркированных лексем и лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в тексте. Данные фрагменты представляют собой комплексные лингвокультураны, состоящие из словосочетаний, предложений и более крупных фрагментов текста. При помощи контекстуального анализа нами были определены детали и характеристики отобранных лингвокультуран, моделирующих культурное пространство в художественном тексте. Рассмотрим ряд примеров:

1) «Wir lebten in Furcht und Hoffnung und versuchten, Gottes Zorn nicht auf unsere fest von Mauern umschlossene Stadt zu ziehen» [Kehlmann 2017, S. 6] – «Мы жили в страхе и надежде и пытались не обратить гнев божий на наш крепко окруженный стенами город»;

2) «Zum Allmächtigen beteten wir und zur gütigen Jungfrau...» [Kehlmann 2017, S. 6] – «Всемогущему молились мы и милостивой Деве»;

3) «Sie handelten vom bösen Papst in Rom und vom teuflischen Martinus Luther» [Kehlmann 2017, S. 7] – «Они повествовали о злом папе в Риме и дьявольском Мартине Лютере»;

4) «Ihr müsstet tun, was der Papst sagt» [Kehlmann 2017, S. 199] – «Вам следовало бы делать то, что велит папа»;

5) «Wir beteten viel, um den Krieg fernzuhalten» [Kehlmann 2017, S. 6] – «Мы много молились, чтобы война обошла нас стороной»;

6) – Wollen Sie mich töten?

– Schlimmer. Erst müsst Ihr konvertieren, und dann setzen sie Euch auf den Thron. [Kehlmann 2017, S. 198] –

– Вы хотите меня убить?

– Хуже. Сначала Вы должны обратиться в другую веру, и затем Вас посадят на трон.

Данные примеры моделируют различные элементы культурного пространства, образующие лингвокультурологическое поле «вера». Кроме того, они раскрывают важные особенности и детали элементов культурного пространства: отношение к религии, степень религиозности, межконфессиональные и внутриконфессиональные взаимоотношения, способы распространения информации о религии, особенности религиозных событий и пр. Именно многоаспектность подчеркивает важность контекстуального анализа лингвокультурем с целью выявления средств моделирования культурного пространства в художественном тексте.

Контекстуальный анализ лингвокультуремы позволяет определить особенности моделирования культурного пространства в художественном

тексте и принадлежность одной лингвокультуры к нескольким лингвокультурологическим полям. Так, например, лингвокультуры «Heugabel» («вилы») и «Messer» («нож») выявляют в тексте технические достижения в области орудий труда. Контекстуальный анализ раскрывает дополнительное значение данных культурно значимых предметов: «Und ein gutes Jahr später kam der Krieg doch zu uns. Eines Nachts hörten wir es wiehern, und dann lachte es draußen mit vielen Stimmen, und schon hörten wir das Krachen der eingeschlagenen Türen, und bevor wir noch auf der Straße waren, mit nutzlosen Heugabeln oder Messern bewaffnet, züngelten die Flammen» [Kehlmann 2017, S. 22] – «А через добрый год война все-таки пришла к нам. Однажды ночью мы слышали ржание, а затем многоголосый хохот снаружи, и вот уже послышался грохот выбиваемых дверей, и не успели мы оказаться на улице, вооруженные бесполезными вилами или ножами, как пламя полыхнуло ярким огнем». Благодаря контексту вилы и ножи предстают в качестве средств защиты и, таким образом, относятся к двум лингвокультурологическим полям: «орудия труда» и «военное дело».

Контекстуальный анализ способен выявить в художественном тексте и более сложные явления, чем пересечения лингвокультурологических полей. Рассмотрим в качестве примера лингвокультуры «Herzog» («герцог»), «Ritter» («рыцарь», «всадник») и «Hexe» («ведьма»). Денотативное значение данных лексем выявляет в тексте титул герцога как элемент политического строения, как сословие, рыцаря как почетный военный титул и ведьму, отражающую характерные для описываемого времени суеверия. Упомянутые лексем относятся к трем лингвокультурологическим полям: «политическое устройство», «военное дело», «суеверия». Однако контекстуальный анализ данных лексем расширяет моделируемое в тексте культурное пространство, поскольку взаимосвязь данных языковых единиц с другими порождает новые смыслы: «Vor langer Zeit, beginnt sie. Als die Steine noch jung gewesen sind und es keine Herzöge gegeben hat und keiner einen Zehnt hat bezahlen müssen. Vor langer Zeit, als selbst im Winter noch kein Schnee gefallen ist ... <...> Vor langer

Zeit <...> hat ein Mädchen einen goldenen Apfel gefunden, den wollte sie mit ihrer Mutter teilen, aber sie hat sich in den Finger geschnitten, und aus ihrem Blutstropfen ist ein Baum gewachsen, der hat mehr Äpfel getragen, allerdings nicht güldene, sondern schrumpelhässlich garstige Äpfel, wer von denen gegessen hat, ist eines schweren Todes gestorben. Denn ihre Mutter ist eine Hexe gewesen, die hat den Goldapfel wie ihren Augensterne gehütet, und jeden Ritter, der gegen sie gezogen ist, um die Tochter zu freien, hat sie zerrissen und gefressen, gelacht hat sie dabei und gefragt: Ist denn kein Held unter euch? Als aber endlich der Winter gekommen ist und alles bedeckt hat mit kühlem Schnee, da hat die arme Tochter für ihre Mutter putzen und kochen müssen, tagaus, tagein und ohne Ende» [Kehlmann 2017, S. 42] – «Давным-давно, – начинает она. – Когда камни были еще молоды, и не было герцогов, и никто не должен был платить десятину. Давным-давно, когда снега не было даже зимой... <...> Давным-давно... девочка нашла золотое яблоко, которым хотела поделиться с мамой, но порезала себе палец, и из капли ее крови выросло дерево, оно принесло много яблок, правда, не золотых яблок, а уродливых, мерзких яблок, и всякий, кто ел их, умирал страшной смертью. Поскольку ее мать была ведьмой, которая охраняла золотое яблоко, как зеницу ока, и каждого рыцаря, который шел против нее, чтобы освободить ее дочь, она разрывала и съедала, при этом она смеялась и спрашивала: «Разве среди вас нет героя?» Но когда наконец пришла зима и все засыпало холодным снегом, бедной дочери пришлось убирать и готовить для своей матери изо дня в день, без конца». В ходе контекстуального анализа обнаруживается так называемый «текст в тексте». Лингвокультурологический анализ контекста выявляет текстотипические составляющие текста в тексте:

- зачин («vor langer Zeit» – «давным-давно»);
- элемент волшебства («ein goldener Apfel» – «золотое яблоко»);
- клишированные персонажи («Herzog» («герцог»), «Ritter» («рыцарь»), «Hexe» («ведьма»)) и пр.

Эти составляющие характерны для народной сказки, что создает аллюзию на прецедентный текст. Таким образом, совокупность лексем,

выявляющих элементы культурного пространства, и других языковых единиц возводит аллюзию в ранг средств моделирования культурного пространства. При этом лексемы «Herzog» («герцог»), «Ritter» («рыцарь»), «Hexe» («ведьма») по отдельности относятся и к лингвокультурологическим полям «политическое устройство», «военное дело», «суеверия». Контекстуальный анализ данных лингвокультурем выявил также их принадлежность и к лингвокультурологическому полю «народная сказка». Следовательно, контекстуальный анализ культурно-маркированных лексем позволяет выявить средства моделирования культурного пространства. Анализ лингвокультурем также способствует установлению взаимосвязи между лингвокультурологическими полями в художественном тексте.

Важно отметить, что контекстуальный анализ лингвокультурем направлен не только на выявление лексико-семантических способов моделирования культурного пространства. Зачастую он приводит к подтверждению отсутствия каких-либо дополнительных деталей элемента культурного пространства. Так, например, выявленная в тексте лингвокультурема «Talgkerze» («сальная свеча») благодаря денотативному значению моделирует особенности быта (наличие разных видов свечей, обусловленное соотношением цены и качества). Контекстуальный анализ предложения свидетельствует о том, что данная лингвокультурема функционирует лишь на лексическом уровне, не раскрывая дополнительные культурно значимые смыслы во взаимосвязи с другими языковыми единицами, т.е. в основе лингвокультуремы находится лишь одна лексема, а не словосочетание, предложение или более объемный фрагмент текста: «Claus muss schon die Talgkerze angezündet haben» [Kehlmann 2017, S. 37] – «Клаус, должно быть, уже зажег сальную свечу».

В ходе исследования экстралингвистическая культурно значимая информация, заключенная в лексико-семантических средствах, позволяет разделить лингвокультуремы, опираясь на моделируемые ими элементы культурного пространства. С этой точки зрения лингвокультуремы,

отобранные методом сплошной выборки в тексте романа Д. Кельмана «Тул», могут быть разделены на следующие группы:

- 1) сфера духовной культуры (религия, мифологические образы);
- 2) сфера социальной культуры (политическое устройство, социальные отношения, род деятельности, духовные ценности, прецедентные имена, прецедентные тексты, географические объекты и т.д.);
- 3) сфера технической культуры (особенности быта, артефакты/технические достижения).

Лингвистические характеристики лингвокультурем позволяют нам распределить лексико-семантические средства, участвующие в процессе моделирования культурного пространства в художественном тексте, на две группы. При этом мы исходим из следующих факторов, обуславливающих формирование лингвокультуремы:

– семантические категории и компоненты лексем, которые выявляют средства моделирования культурного пространства, названные в рамках нашей работы «внутрилексемными»;

– взаимосвязь культурно значимых языковых единиц с другими единицами, выделяющая средства моделирования культурного пространства, обозначенные нами как «межлексемные».

На наш взгляд такое разделение помогает наиболее точно охарактеризовать роль дифференцированно рассматриваемых лексико-семантических средств и их совокупности в процессе моделирования культурного пространства в художественном тексте и особенности их функционирования.

2.2 Денотативный аспект значения лексических единиц выявления элементов культурного пространства в художественном тексте

Как известно, денотативное значение является ключевым компонентом лексемы для выявления экстралингвистической информации, поскольку именно благодаря ему лексема имеет связь с предметной областью культуры. Денотативное значение языковых единиц, передающее культурно значимую информацию, позволяет рассматривать самостоятельные лексемы в качестве лингвокультурем. Отметим, что в рамках нашего исследования денотативное значение пересекается с сигнификативным, поскольку элементы культурного пространства, представляющие собой денотаты, априори отражают свое понятийное содержание в языковом знаке и содержат эталонное представление о культуре.

В романе Д. Кельмана «Tyll» нами было отобрано 1229 лексем, денотативное значение которых способствует выявлению элементов культурного пространства. Для выявления лингвокультурологических особенностей денотаты данных лексем могут быть разделены по группам. Рассмотрим в качестве примера несколько выделенных нами групп:

- технические достижения (например, «Zelt» («шатер»), «Zügel» («бразды»), «Schiff» («корабль»), «Knoten» («узел») и пр.);
- градостроительство (например, «Haus» («дом»), «Dom» («собор»), «Hauptplatz» («центральная площадь»), «Turm» («башня») и пр.);
- военное дело (например, «Schwert» (меч), «Schlachtfeld» («поле боя»), «Infanterie» («пехота»), «Waffe» («оружие»), «Kürassier» («кирасир») и пр.);
- моральные ценности (например, «Glaube» («вера»), «Seele» («душа»), «Liebe» («любовь»), «Freundschaft» («дружба») и пр.);
- творчество (например, «Bild» («картина»), «malen» («рисовать»), «Musik» («музыка»), «Theater» («театр») и пр.);
- литература (например, «Gedichte» («стихи»), «Ballade» («баллада»), «Sagen» («сказания»), «Gesang» («песнь») и пр.);

– мифологические образы («Drache» («дракон»), «Hexe» («ведьма»), «Zauberer» («колдун»), «Dämon» («демон») и пр.);

– элементы гардероба (например, «Schuhe» («обувь»), «Krönchen» («диадема»), «Tuch» («платок»), «Hose» («штаны») и пр.);

– особенности быта (например, «kaufen» («покупать»), «handeln» («торговать»), «arbeiten» («работать»), «melken» («доить») и пр.);

– политическое устройство (например, «Reich» («империя»), «Hof» («двор»), «Kaiser» («кайзер», «император»), «Kurfürstin» («курфюрстина») и пр.);

– религия (например, «Bischof» («священник»), «Allmächtige» («Вседержитель»), «Jungfrau» («Дева»), «Gott» («Бог») и пр.);

– роды деятельности (например, «Bäcker» («пекарь»), «Schmied» («кузнец»), «Händler» («торговец»), «Knecht» («слуга») и пр.)

– статус в обществе («berühmt» («знаменитый»), «frei» («свободный»), «groß» («великий»), «bekannt» («известный») и пр.);

– традиции и ритуалы (например, «Friedhof» («кладбище»), «Name» («имя»), «heiraten» («вступать в брак»), «Bräutigam» («жених») и пр.) и т.д.

Разнообразие элементов культурного пространства обусловлено сюжетом романа «Тыл». Повествование в романе Д. Кельмана строится вокруг главного персонажа – Тиль Уленшпигеля, героя средневековых легенд стран Северной Европы, бродячего шута. В ходе повествования Тиль проходит путь от маленького деревенского мальчика до знаменитого шута. Главный герой пускается в бега в детстве, когда его отец, проявляющий интерес к алхимии, осужден церковью как колдун. В своих путешествиях Тиль и его подруга Неле встречают бродячего артиста, который обучает их тонкостям зрелищных видов искусства. Действие происходит во время Тридцатилетней войны, религиозных смут и охоты на ведьм первой половины XVII в. Тиль встречает при этом множество известных исторических личностей, связанных с разными видами искусства, политикой и наукой. Подобное обилие форм человеческой

деятельности обуславливает наличие важной культурно значимой информации об описанной автором эпохе.

Приведенное нами разделение лексем по группам является условным, поскольку элементы культурного пространства, вербализованные в тексте, многообразны настолько, насколько многообразна и сама культура, воссозданная с целью реализации авторского замысла в романе. Поскольку цель нашего исследования состоит в изучении лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте, нами были выделены следующие особенности разделения лексем по группам на основе их денотативного значения:

1. Денотативный аспект значения лексемы обладает важной ролью в процессе моделирования культурного пространства в художественном тексте, поэтому целесообразно упоминание явления, называемого в теории лингвистической семантики «денотативным пространством». Под денотативным пространством понимается совокупность объектов и явлений окружающей реальности, воссозданных в тексте при помощи денотативного значения лексических единиц [Подтихова 2013]. Таким образом, языковые средства выявления элементов культурного пространства, представленные лексическими единицами, денотативное значение которых связано с предметной областью культуры, являются и частью денотативного пространства.

2. Выделенные нами в указанной классификации группы денотатов с точки зрения лингвокультурологии представляют лингвокультурологические поля, при этом названия данных групп указывают на ядро поля (например, «религия», «литература», «гардероб» и т.д.).

3. Одна и та же лингвокультурема может быть частью двух и более лингвокультурологических полей, что говорит о многозначности описываемого культурного объекта или явления (лингвокультурема «Dom» («собор») относится к лингвокультурным полям «религия» и «градостроительство», лингвокультурема «Hexe» («ведьма») представляет

лингвокультурные поля «мифология» и «суеверия», лингвокультурема «Bischof» («священник») является частью лингвокультурных полей «религия» и «род деятельности» и т.д.).

4. Лингвокультурологические поля обладают многомерной структурой, включающей в том числе и соподчиненные, более узкие поля, которые можно выделить внутри более широкого поля (например, «гардероб»: «головные уборы», «одежда», «обувь»; «религия»: «католичество», «протестантизм» и т.д.).

5. Выделенные при помощи денотативного значения отобранных методом сплошной выборки культурно-маркированных и частично культурно-маркированных лексем лингвокультурологические поля рассматриваются также как основа для лингвокультурем, образованных не только средствами выявления элементов культурного пространства в художественном тексте, но и средствами его моделирования (например, равноправными элементами лингвокультурологического поля «брак» выступают лингвокультуремы «heiraten» («выходить замуж», «жениться») и «Warum wolltest du nicht heiraten?», «Immer Dreck, Madame, und abends kein Licht» [Kehlmann 2017, S. 217] – «Почему ты не хочешь выходить замуж?», «Всегда грязь, мадам, а вечером нет света».

Разделение культурного пространства в тексте на лингвокультурологические поля посредством денотативного значения лексем осуществляется не только благодаря установлению принадлежности лингвокультурем к тому или иному полю, но и при помощи культурной референции образующих лингвокультуремы лексических единиц. Согласно нашим исследованиям, дифференциация прямой и частичной культурной референции позволяет выделить в структуре культурного пространства элементы, универсальные для всех национальных культур, и элементы, свойственные одной национальной культуре или ряду культур. Именно последние создают в культурном пространстве различные пространства культур (пространство германской культуры, пространство французской

культуры и пр.). Анализ пространства национальной культуры базируется на анализе реалий, культурно-маркированных единиц, уникальных для определенной национальной культуры (например, «Kaiser» («кайзер»), «Kurfürst» («курфюрст»), «Markgraf» («маркграф») и т.д.). Рассмотрим в качестве примера лексему «Kirche» («церковь»). Денотативное значение данной лексики выявляет в тексте важный элемент лингвокультурологического поля «религия», являющийся частью культурного пространства. Чтобы более четко представить роль данной лексики в моделировании культурного пространства в романе, обратимся к ее переводу. С одной стороны, на русский язык данное слово можно перевести как «церковь» (институт – в широком смысле, здание – в узком). В таком случае данная лексема влияет на воссоздание культурного пространства в той же степени, что и ее эквиваленты в других христианских культурах. С другой стороны, одним из закрепленных переводов данного слова в ряде языков славянской ветви является вариант «кирка» или «кирха». Транслитерация немецкого слова «Kirche» (в узком смысле) говорит об уникальности его денотата как культурного явления. Из этого следует, что переводчики, лексикографы, филологи (например, О.И. Москальская), не смогли поставить знак равенства между русским понятием «церковь» и немецким «Kirche», подчеркивая их различия, уходящие корнями в культурное значение [Москальская 1980а]. Это выявляет особый культурно значимый компонент, которым обладает слово «Kirche» в немецкой лингвокультуре, который не позволяет употребить русское слово «церковь» по отношению к денотату данного слова. В данном примере прослеживается четкий переход от уникальности немецкой кирхи как культурного явления к уникальному культурному образу, отраженному в лексической единице немецкого языка благодаря денотативному значению.

Использование лексических единиц, денотативное значение которых связано с прямой культурной референцией, подчинено авторскому замыслу и выявляет наиболее приоритетные с точки зрения передачи информации

национальные культуры и, следовательно, пространства национальной культуры. Однако, поскольку речь в романе Д. Кельмана «Tull» идет о Тридцатилетней войне, затронувшей ряд европейских государств, важно отметить, что большинство тенденций, связанных с культурой в широком смысле, были типичны для всех развитых наций Европы. В силу этого многие реалии характеризуют ареал европейской культуры в целом: «Ritter» («рыцарь»), «Palast» («дворец»), «Graf» («граф»), «König» («король»), «Kurprinz» («курпринц») и т.д. Тем не менее, небольшое количество отобранных в тексте реалий указывает на «культурные очаги», принадлежащие определенным нациям. Помимо приведенных нами выше в качестве примера реалий, характерных для германской (немецкой) национальной культуры, в тексте упоминаются французские реалии («Menuett» – «менуэт», «Musketier» – «мушкетер»), итальянские («Doge» – «дож», «Jesuit» – иезуит, «Papst» – «папа (римский)») и английские («Abbey» – аббатство, «Lord» – «лорд»).

При анализе денотативного аспекта значения лексемы мы придерживаемся мнения о том, что уникальность денотатов, выражаемых лексическими единицами при помощи культурной референции, требует учета лингвокультурологического компонента прецедентности. Прецедентностью в лингвистике принято называть способность языковых единиц выражать обусловленные принадлежностью к определенному культурному контексту смыслы [Беликов 2016]. К характеристикам прецедентных феноменов, отражаемых в языке, относятся известность представителям определенной лингвокультуры, постоянно обращающимся к ним в процессе коммуникации, актуальность в познавательном и эмоциональном плане [Красных 2003, с. 170]. Связь прецедентных феноменов с социумом обуславливает источники их возникновения, к которым могут быть отнесены религия, фольклор, литература, театр, политика и др. [Лучинская 2017].

Лингвистическая прецедентность в широком смысле охватывает названия литературных произведений, имена их авторов и персонажей,

названия кинофильмов и передач, цитаты, афоризмы и т.д. [Кузнецова 2021]. Разделяя мнение составителей лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство», мы относим к прецедентным феноменам такие явления, как: прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание [Русское культурное пространство 2004, с. 17].

Языковые единицы, денотативное значение которых выражает прецедентные феномены, обладают особой культурно значимой информацией. Поскольку анализируемый нами художественный текст является историческим романом, наличие прецедентных феноменов в его культурном пространстве является жанрообусловленным. В процессе отбора языковых единиц выявления культурного пространства нами были выделены четыре группы прецедентных феноменов:

1) прецедентные ситуации: «Dreißigjähriger Krieg» («Тридцатилетняя война»), «Schlacht von Zusmarshausen» («Битва при Цусмарсхаузене»), «Schlacht von Lützen» («битва при Лютцене»), «Schlacht von Wittstock» («Битва при Виттштоке») и др.

2) прецедентные тексты: «Simplicissimus» («Симплициссимус»), «Goldene Bulle» («Золотая булла»), «Musurgia universalis» («Всеобщая музургия») и др.

3) прецедентные имена: «Tyll Ulenspiegel» (Тиль Уленшпигель), «Martinus Luther» (Мартин Лютер), «Martin Opitz» (Мартин Опиц) «Grimmelshausen» (Гриммельсгаузен) и др.

4) прецедентные высказывания: «was Besseres als den Tod findest du überall» («везде можно найти что-то лучше смерти»), «von einem Steckenpferd anfangen» («садиться на конька»), «vom Zaun brechen» («развязывать», «начинать»), «zweimal getauft» («дважды крещенный») и др.

В рамках нашего исследования важной представляется проблема принадлежности реалий, выражающих прецедентные феномены культуры, к группе языковых единиц выявления элементов культурного пространства. В связи с этим целесообразным представляется обособление отличительных

характеристик данных языковых единиц, выделенных нами в процессе анализа:

– лексическая единица, способствующая выявлению элемента культурного пространства и образующая лингвокультуруму, с точки зрения семиотики представляет единый культурно важный знак;

– лингвокультурема, образованная при помощи лексической единицы и выявляющая элемент культурного пространства, с лингвистической точки зрения не может быть разложена на более мелкие языковые единицы, выражающие соподчиненные лингвокультуремы (например, лингвокультурема «Sie sang mit klarer Stimme von der Liebe, die stärker war als der Tod» [Kehlmann 2017, S. 12] («Она пела чистым голосом о любви, которая была сильнее смерти»)), моделирующая представление о том, что любовь сильнее смерти, раскладывается на две отдельных лингвокультуремы: «любовь» и «смерть»);

– лингвокультуремы, выраженные лексическими единицами выявления элементов культурного пространства, могут одновременно представлять ядро лингвокультурологического поля и быть частью других, более широких по смыслу полей;

– лексические единицы выявления элементов культурного пространства сами по себе не устанавливают взаимосвязь, природу и характер взаимоотношений между лингвокультуремами, выражающими элементы культурного пространства в художественном тексте.

Прецедентные феномены, безусловно, являются важными для понимания национальной культуры знаками. Они отражены в языке при помощи слов или словосочетаний, вступают в иерархически выстроенную систему лингвокультурологических полей, но самостоятельно не определяют взаимоотношения между другими лингвокультуремами, поскольку для этого требуется связь с лексико-семантическими средствами моделирования культурного пространства. Их языковое выражение представляет сложную неделимую совокупность смыслов, формирующих денотаты реалий.

Несмотря на то что в некоторых примерах прецедентных культурных феноменов содержатся именно совокупности смыслов, выраженные различными лексемами в составе словосочетания (например, связь битвы и ее географического расположения – «Schlacht von Zusmarshausen» («Битва при Цусмарсхаузене»), представлений о хорошем и о смерти – «was Besseres als den Tod findest du überall» («везде можно найти что-то лучше смерти») и т.д.), в культурной памяти народа данные феномены представляют неделимые явления. Данные явления выражены конкретными, семантически неизменными лексическими единицами (определенная битва, определенная поговорка, определенное имя, определенное название). Исходя из этого, реалии, передающие в тексте прецедентные культурные феномены, мы рассматриваем в качестве средств выявления элементов культурного пространства.

В процессе анализа денотативного аспекта значения отобранных лексических единиц важную роль для раскрытия авторского замысла играет частотность появления в тексте денотатов. Поскольку культурное пространство художественного текста подчинено коммуникативной задаче, все языковые средства, связанные с его выявлением и моделированием, направлены на передачу определенной информации. Частотность использования в художественном тексте слов и словоформ, денотативное значение которых связано с конкретным элементом культурного пространства, определяет среди данных элементов центральное, переходное и периферийное положение. Центральное положение занимают наиболее часто употребленные в тексте лексемы (например, «König» («король») – 262 раза, «Gott» («Бог») – 159 раз, «Kirche» («церковь») – 150 раз, «Doktor» («доктор») – 144 раза, «Graf» («граф») – 135 раз, «Zeit» («время») – 126 раз, «Narr» («дурак», «шут») – 121 раз, «Haus» («дом») – 109 раз, «Kaiser» («кайзер», «император») – 104 раза и т.д.). Как правило, лексемы, наиболее частотно употребляемые в тексте, обладают суггестивным характером, создавая важный для авторского замысла культурный контекст произведения.

Переходное положение занимают языковые единицы, встречающиеся в тексте реже единиц, занимающих центральное положение (например, «Dorf» («деревня») – 62 раза, «Krieg» («война») – 65 раз, «Liebe» («любовь») – 65 раз, «Drache» («дракон») – 54 раза, «Knecht» («слуга») – 52 раза, «Stadt» (город) – 50 раз, «Wagen» («телега») – 42 раза, «Soldat» («солдат») – 40 раз, «Geist» («дух») – 40 раз, «Kutsche» («повозка») – 40 раз и т.д.). Периферийное положение определяется низкой частотностью употребления лексически единиц в тексте (например, «Bäcker» («пекарь») – 14 раз, «Gewalt» («насилие») – 10 раз, «Bett» («кровать») – 10 раз, «Waffe» («оружие») – 8 раз, «Dienst» («служба») – 8 раз, «Dialekt» («диалект») – 4 раза, «Lord» («лорд») – 4 раза, «Bettler» («нищий») – 2 раза и т.д.).

Количественный подсчет способствует определению наиболее важных с точки зрения авторского замысла лингвокультурем как в структуре культурного пространства в целом, так и в отдельно рассматриваемых лингвокультурологических полях. При этом принадлежность лингвокультуремы к определенному полю определяется денотативным аспектом значения при помощи установления родо-видовых отношений. Рассмотрим в качестве примера лингвокультуремы поля «искусство, творчество», частотность употребления которых также определяет периферийное, промежуточное и центральное положение: «Sang» («песня»), «singen» («петь») – 71 раз, «tanzen» («танцевать») – 55 раз, «Musik» («музыка») – 54 раза, «Theater» («театр») – 18 раз, «Kunst» («искусство») – 15 раз, «Gedicht» («стихотворение») – 10 раз, «Porträt» («портрет») – 4 раза, «Literatur» («литература») – 1 раз и т.д. Количественный подсчет выявил, что для передачи авторского замысла наиболее важны лексемы «singen» («петь»), «tanzen» («танцевать») и «Musik» («музыка»), а наименее значимы для его реализации являются лексемы «Porträt» («портрет») и «Literatur» («литература»).

Наполненность лингвокультурологических полей разнообразными, встречаемыми в художественном тексте лингвокультуремами также говорит о

приоритетности определенных полей для авторского замысла, например, наиболее важным для передачи культурно значимой информации в романе Д. Кельмана «Tyll» являются лингвокультурологические поля «быт» (например, «kaufen» («покупать»), «handeln» («торговать»), «arbeiten» («работать»), «melken» («доить») и пр.), «политика» (например, «Reich» («империя»), «Hof» («двор»), «Kaiser» («кайзер», «император»), «Kurfürstin» («курфюрстина») и пр.) и «религия» (например, «Bischof» («священник»), «Allmächtige» («Вседержитель»), «Jungfrau» («Дева»), «Gott» («Бог») и пр.). Лексемы, принадлежащие данным полям, представляют объемный пласт единиц, выявляющих элементы культурного пространства в анализируемом художественном тексте.

Особое значение для анализа денотативного аспекта значения лексических единиц имеет учет наличия определенных элементов культурного пространства внутри лингвокультурологического поля. С одной стороны, наличие множества лингвокультурем внутри одного поля свидетельствует о многообразии, которое связано с развитием области культуры, описываемой лингвокультурами поля. Например, лингвокультурологическое поле «военное дело»: «Infanterie» («пехота»), «Ritter» («рыцарь»), «Musketier» («мушкетер»), «Artillerie» («артиллерия»), «Batterie» («батарея»), «Kugel» («ядро»), «Pulver» («порох») «Pikenier» («пикенер»), «Kanonier» («канонир») и т.д.; поле «зрелищные виды искусств»: «Bauchredner» («чревовещатель»), «Feuerschlucker» («огнеглотатель»), «Puppenspieler» («кукловод»), «Schaukämpfer» («кулачный боец»), «Handgeher» («ходящий на руках человек/акробат»), «Bucklige» («горбун»), «Narr» («шут»), «Schausteller» («владелец балагана»), «Schauspieler» («артист»), «Gaukler» («фокусник»), «Jongleur» («жонглер»), «Spaßmacher» («шут», «клоун») и т.д. Отсутствие многообразия лингвокультурем внутри лингвокультурологического поля может быть вызвано как отсутствием достижений в данной области культуры, так и малозначительной ролью для авторского замысла.

С другой стороны, сочетаемость денотатов, выраженных в тексте лексическими единицами, обнаруживает внутреполевые культурно-детерминированные особенности, связанные с элементами культурного пространства художественного текста. Например, свойственные немецкой лингвокультуре и отобранные в тексте романа лексемы «Christenheit» («христианство»), «Protestant» («протестант»), «Katholik» («католик») выявляют связанные с религией элементы культурного пространства – общество, в котором господствует христианство, разъединенное различными направлениями (католицизм, протестантизм). По аналогии с сочетаемостью денотатов внутри лингвокультурологического поля, важную роль при анализе лексических средств выявления элементов культурного пространства играют и межполевые особенности. Рассмотрим несколько примеров:

1. «Zum *Allmächtigen* beteten wir und zur gütigen *Jungfrau*, wir beteten zur *Herrin des Waldes* und zu *den kleinen Leuten der Mitternacht*, zum *heiligen Gerwin*, zu *Petrus dem Torwächter*, zum *Evangelisten Johannes...*» [Kehlmann 2017, S. 6] – «Мы молились Вседержителю и милостивой Деве, мы молились хозяйке леса и маленьким полуночным человечкам, святому Гервину, привратнику Петру, евангелисту Иоанну».

2. «Ich ließ es mich jedoch nicht verdrießen, empfahl meine Seele dem *Allmächtigen*, der diesen seinen demütigen Diener noch stets beschützt hatte, und fand in Kürze den *Drachen*, welcher sich durch kundige Maßnahmen besänftigen und besiegen ließ» [Kehlmann 2017, S. 290] – «Однако я не позволил этому расстроить меня, вверил свою душу Всевышнему, который всегда защищал своего покорного слугу, и вскоре нашел дракона, которого можно было умиловать и победить определёнными мерами.

3. «Meine Leute sind verschlafen, *Doktor Tesimond*, die *Pfleger* machen nicht genug Anzeigen in den Dörfern, der *Hexer* werden mehr und mehr, keiner tut etwas, mein eigenes Jesuitenseminar kann ich kaum finanzieren, weil der *Domherr* dagegen ist» [Kehlmann 2017, S. 100] – «Мои люди раззявы, доктор Тесимонд, попечители в деревнях делают недостаточно объявлений, ведьмаков

становится все больше, никто ничего не делает, я с трудом могу профинансировать свою иезуитскую семинарию, потому что каноник против этого».

Благодаря денотативному значению рассматриваемые нами лексические единицы, часть из которых является реалиями европейской культуры, обнаруживают сосуществование форм христианства («Allmächtiger» – «Вседержитель», «Jungfrau» – «Дева» и т.д.) и дохристианских форм язычества («Herrin des Waldes» – «хозяйка леса», «kleine Leute der Mitternacht» – «маленькие полуночные человечки»), религии («Allmächtiger» – «Вседержитель») и мифологии («Drachen» – «дракон»), науки («Doktor» – «доктор») и суеверий («Hexer» – «ведьмак») в рамках единого культурного пространства, что, безусловно, выявляет его особенности как в художественном тексте, так и за его пределами.

Помимо выявления внутрислоевых и межслоевых особенностей, которые характерны для лингвокультурем, составляющих культурное пространство художественного текста, анализ денотативного аспекта значения способствует частичному ограничению временных рамок написания художественного текста. Использование культурно-маркированных или частично культурно-маркированных лексем в художественном тексте свидетельствует об их существовании на момент написания текста. Так, например, использование слова «Christenheit» («христианство») невозможно в письменных памятниках, созданных в период до нашей эры, т.е. до Рождества Христова, поэтому данная лексема в тексте создает предположительную временную границу написания анализируемого текста – не ранее нашей эры. Использование слова «Pulver» («порох») не встречается в текстах, написанных до момента изобретения пороха (т.е. до периода Средневековья). Соответственно, наличие определенного элемента культурного пространства художественного текста, выраженного лексической единицей, частично очерчивает временные границы появления текста.

Денотативный аспект значения культурно значимых лексических единиц играет ключевую роль в выделении лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте. Контекстуальный анализ отобранных нами культурно-маркированных и частично культурно-маркированных лексем позволяет установить их взаимосвязь с другими языковыми единицами, определяя характеристики лингвокультуры, моделирующих культурное пространство в тексте. Рассмотрим ряд примеров:

1. «Fast jede Nacht sieht er ägyptische Zeichen, und zunehmend wächst die Sorge in ihm, dass er eines Tages aus einem Traum nicht mehr aufwachen, dass er für immer eingesperrt sein könnte in der bunten Hölle eines gottlosen Pharaonenreichs» [Kehlmann 2017, S. 93] – «Почти каждую ночь он видит египетские знаки и все больше беспокоится о том, что однажды он не пробудится ото сна, что он может быть навсегда заперт в красочном аду безбожного царства фараонов». Благодаря денотативному значению культурно-маркированные лексемы «Hölle» («ад») и «Pharaonenreich» («царство фараонов») выявляют одноименные элементы культурного пространства. Важное значение для дальнейшего моделирования культурного пространства придается метафоризации египетских иероглифов. Именно метафора реализует в тексте дихотомию «свое» vs. «чужое», характерную для межкультурной коммуникации как проявления культурного пространства. Благодаря генерализации и стереотипизации чужая культура, противопоставленная «своей», наделяется негативными коннотациями («Hölle» – «ад», «gottlos» – «безбожный»). Негативное мнение о явлениях чужой культуры также является моделируемой в тексте особенностью культурного пространства.

2. «Ihr wärt nicht frei. Ihr müsstet tun, was der Papst sagt» [Kehlmann 2017, S. 199] – «Вы бы не были свободны. Вам следовало бы делать то, что велит папа». В данном примере лексема «Papst» («папа римский») выявляет папу римского как элемент культурного пространства романа. Благодаря

контекстуальному анализу обнаруживается расширение культурного пространства посредством модального глагола «müssen» («быть должным»). Семантика модального глагола передает долженствование под влиянием определенных обстоятельств, которые влияют на персонажа. Таким образом, денотативное значение глагола моделирует иерархически выстроенный фрагмент модели культурного пространства: с одной стороны, папа римский, и, с другой стороны, подчиняющиеся его воле. Глагол «müssen» определяет положение папы римского, т.е. раскрывает взаимосвязь данного элемента культурного пространства с другими.

3. «Gott ist überall, du Schwein» [Kehlmann 2017, S. 317] – «Бог повсюду, свинья». Лексема «Gott» («Бог») выявляет в анализируемом художественном тексте важный элемент культурного пространства, составляющий лингвокультурологическое поле «религия» – Бога. Для контекстуального анализа данного предложения важную роль играет лексема «Schwein» («свинья»). Отметим, что лексическая единица «Gott» («Бог») сопровождается в словаре пометой «религ.», а лексической единице «Schwein» соответствует помета «груб.». Использование данных лексем в одном предложении создает стилистический контраст (т.е. сочетание несочетаемого), способствующий моделированию особенностей культуры речевого поведения как элемент культурного пространства.

4. «Wir lebten in Furcht und Hoffnung und versuchten, Gottes Zorn nicht auf unsere fest von Mauern umschlossene Stadt zu ziehen» [Kehlmann 2017, S. 6] – «Мы жили в страхе и надежде, стараясь не навлечь Божий гнев на наш надежно окруженный стенами город». В данном фрагменте денотативный аспект значения лексем «Stadt» («город») и «Mauer» («стена») выявляет определенные элементы культурного пространства, связанные с особенностями средневекового градостроения – защищенный стеной от врагов город. Особое значение в процессе анализа моделирования культурного пространства отводится и наречию «fest» («крепко», «надежно»). Данное наречие передает исключительно чувственное восприятие объекта –

ощущение определенной степени безопасности городской жизни, что является элементом культурного пространства.

5. «Zeit vergeht, und als mehr Zeit vergangen ist und sie schon nicht mehr die Luft anhalten können und vorsichtig wieder Atemzüge machen, ist es immer noch so dunkel, als hätte Gott alles Licht der Welt ausgelöscht» [Kehlmann 2017, S. 318] – «Время идет, и когда проходит еще больше времени, и они уже не могут больше задерживать дыхание и осторожно делают еще один вдох, все так же темно, как если бы Бог погасил весь свет в мире». Данный пример посредством денотативного аспекта значения лексемы «Gott» («Бог») иллюстрирует наличие Бога в качестве элемента культурного пространства. Как показывает контекстуальный анализ данных лингвокультурем, при помощи сравнения «so dunkel, als hätte Gott alles Licht der Welt ausgelöscht» («так темно, как если бы Бог погасил весь свет в мире») осуществляется перенос природного явления (темнота) в сферу религии. Это моделирует восприятие человеком природы, важное для понимания культуры и культурного пространства. Кроме того, именно сравнение осуществляет связь между образом природы и Богом как элементами культурного пространства.

Все приведенные примеры выявляют разные элементы культурного пространства, образующие лингвокультурологическое поле «религия» и репрезентирующие существенные особенности этих элементов (отношение к религии, представления о связанных с религией явлениях и т.д.). Многообразие элементов культурного пространства в художественном тексте зависит от различных языковых средств его моделирования, раскрывающих особенности составляющих его элементов. Вектор раскрытия культурно значимой информации в тексте, однако, предопределяется денотативным аспектом значения лексической единицы. Так, если денотативное значение лексемы обуславливает выявление элементов культурного пространства, не задействуя дополнительные способы, то языковые средства моделирования культурного пространства априори не связаны с экстралингвистической культурно значимой информацией. Из этого следует, что денотативный аспект

значения лексемы, выступающий в качестве лингвистического актуализатора, моделирует в тексте ядро культурного пространства, дополняемое разнообразными культурно значимыми характеристиками описываемого явления посредством присоединяющихся к нему языковых средств. Денотативное значение лексической единицы, обладающее явно выраженным характером раскрытия культурно значимой информации в художественном тексте, создает эксплицитный уровень моделирования культурного пространства. Денотативный аспект значения лексем также обуславливает выделение широкого спектра лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте, которые функционируют на имплицитном уровне.

Таким образом, моделирование культурного пространства в тексте на имплицитном и эксплицитном уровнях базируется на понимании определенной экстра- и интралингвистической информации. Только благодаря этой информации лингвокультуремы, моделирующие культурное пространство в художественном тексте, могут быть выявлены и разделены на группы. Изучение денотативного значения лексем делает возможным дальнейшее исследование и систематизацию лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте.

2.3 Семантические категории и компоненты как средства моделирования культурного пространства

Семантическая нагрузка лексических единиц играет ключевую роль в экспликации культурно значимой информации. С опорой на контекстуальный анализ культурно-маркированных и частично культурно-маркированных лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки на материале романа Д. Кельмана «Тулл», в ходе исследования были выделены такие важные

для моделирования культурного пространства внутрилексемные семантические категории и компоненты лексемы, как:

- денотативный аспект предложения;
- пресуппозиция;
- коннотативное значение лексемы;
- модальность.

Учет данных внутрилексемных лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте и упорядочивания его элементов значительно расширяет сферу лингвокультурологического анализа. ИмPLICITные смыслы, предположительно имеющие культурную значимость, Т.Б. Рабдиль идентифицирует как элементы «языковой облигаторности» [Рабдиль 2016, с. 18]. Для определения особенностей функционирования указанных нами внутрилексемных лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте требуется более детальный лингвистический и лингвокультурологический анализ лингвокультурем, образованных исследуемыми семантическими категориями и компонентами лексемы.

Релевантным при моделировании культурного пространства художественного текста является учет денотативного значения не только лексем, но и самих предложений. Вслед за Е.В. Гулыгой в рамках нашего исследования мы придерживаемся мнения о том, что предложение, как и слово, представляет собой языковой знак, обладающий языковой формой и смысловым содержанием [Гулыга 1977]. Будучи сложным знаком, предложение состоит из подчиненных ему знаков-слов, связанных его коммуникативной задачей. Существенное отличие между словом-знаком и предложением-знаком проявляется в денотативном аспекте значения. Если слово указывает на определенный объект, явление, действие или качество, то предложение представляет событие. Событие, в свою очередь, представляет совокупность участников или предметов, связанных определенными

отношениями. Передача информации при помощи знака-предложения осуществляется как при помощи морфолого-синтаксических, так и лексико-семантических средств.

Обращаясь к теории моделирования культурного пространства, отметим, что предложение-знак исключительно благодаря денотативному аспекту значения, формируемому при помощи определенной совокупности слов-знаков, способствует выявлению отношения между элементами культурного пространства. Главным отличием денотативного значения предложения от денотативного значения лексемы является именно моделирование культурного пространства, а не выявление его элементов. Рассмотрим в качестве примера следующее предложение: «Alle im Dorf essen Grütze und trinken Dünnbier» [Kehlmann 2017, S. 69] – «Все в деревне едят кашу и пьют слабоалкогольное пиво». Учет денотативного аспекта значения лексем «Dorf» («деревня»), «Grütze» («каша») и «Dünnbier» («слабоалкогольное пиво») позволяет выявить в тексте соответствующие элементы культурного пространства. Однако именно денотативное значение предложения раскрывает взаимосвязи между данными элементами, генерализация сообщаемой в предложении информации посредством лексемы «alle» («все») способствует формированию социокультурного стереотипа, отображающего представление людей о деревенском быте.

Раскрывая лингвокультурный потенциал денотативного аспекта значения предложения как знака, моделирующего культурное пространство в художественном тексте, отметим его отличие от других средств моделирования. Сравним примеры:

1. «Nur die teuersten Wachskerzen brannten so still» [Kehlmann 2017, S. 208] – «Только самые дорогие свечи горели так спокойно»;

2. «Zeit vergeht, und als mehr Zeit vergangen ist und sie schon nicht mehr die Luft anhalten können und vorsichtig wieder Atemzüge machen, ist es immer noch so dunkel, als hätte Gott alles Licht der Welt ausgelöscht» [Kehlmann 2017, S. 318] – «Время идет, и когда проходит еще больше времени, и они уже не могут

больше задерживать дыхание и осторожно делают еще один вдох, все так же темно, как если бы Бог погасил весь свет в мире».

Денотативное значение первого предложения моделирует культурное пространство, устанавливая взаимосвязь между ценой и качеством восковых свечей, а денотативное значение второго предложения раскрывает читателю ряд событий: течение времени, действия персонажей, описание темноты. Из этого следует, что денотативное значение данного предложения не обладает способностью моделировать культурное пространство. Однако при помощи сравнения «als hätte Gott alles Licht der Welt ausgelöscht» («как если бы Бог погасил весь свет в мире») моделирование культурного пространства становится возможным. Таким образом, лишь отдельные фрагменты предложения с опорой на анализ лексико-семантических средств (в данном случае – сравнения как лексического средства художественной выразительности) способствуют моделированию культурного пространства. В первом же примере для моделирования культурного пространства важен учет денотативного значения всего предложения. Переводя данные примеры в плоскость лингвокультурем, мы получаем первое предложение в полном объеме «Nur die teuersten Wachskerzen brannten so still» [Kehlmann 2017, S. 208] («Только самые дорогие свечи горят так спокойно») и фрагмент второго «so dunkel, als hätte Gott alles Licht der Welt ausgelöscht» [Kehlmann 2017, S. 318] («так темно, как если бы Бог погасил весь свет в мире»).

К важным семантическим компонентам, наделяющим языковые единицы предварительным знанием и способствующим моделированию культурного пространства, относится пресуппозиция. Пресуппозиция является невербализованным общеизвестным, не подвергающимся сомнению знанием, выступающим в качестве когнитивной основы для адекватной интерпретации языковой единицы [Падучева 1996]. Пресуппозиционный компонент, априори характеризующийся имплицитностью и конвенциональностью, может также обладать культурной маркированностью, имплицитно кодируя культурно значимую информацию [Шейна 2009, 17]. Поскольку

пресуппозиция тесно связана с денотативным значением, лежащим в основе любой анализируемой нами лингвокультуре́мы, рассматривать особенности ее функционирования в процессе моделирования культурного пространства в художественном тексте можно как в отдельно взятых лексических единицах, так и неразрывно от всех остальных лексико-семантических средств.

Рассмотрим участие пресуппозиционного компонента в моделировании культурного пространства текста на примере лексем «Gottesacker» («кладбище»), «Dialekt» («диалект»), «Kirchplatz» («церковная площадь»), «Fellmantel» (« меховое пальто») и «Hauptstadt» («столица»).

Понимание пресуппозиционного значения лексемы «Gottesacker» («кладбище») требует анализа его толкования: «ursprüngliche Bezeichnung für den in den Feldern liegenden Begräbnisplatz, im Unterschied zum Kirchhof» («Первоначальное название могильника в полях, в отличие от погоста») [Duden Online]. Важную роль в данной дефиниции играет противопоставление двух элементов культурного пространства «Gottesacker» и «Kirchhof» («кладбище» и «погост»). Первая лексическая единица выражает в тексте кладбище, находящееся под открытым небом, а вторая – кладбище на церковной территории. Денотативное значение лексемы выявляет в тексте определенный вид кладбища (под открытым небом), а базирующаяся на денотативном аспекте значения пресуппозиция моделирует наличие определенной системы, где в качестве главенствующего элемента выделяется кладбище в целом («Friedhof»), и его разновидностей («кладбище (под открытым небом)», «погост»). Таким образом данная лингвокультуре́ма расширяет культурное пространство в художественном тексте при помощи пресуппозиции.

Аналогично моделирует фрагмент упорядоченной системы элементов культурного пространства и лексе́ма «Dialekt» («диалект»). На пресуппозиционном уровне данной лексической единицы имплицитруется как наличие гиперонима («Sprache» – «язык»), так и существование определенных гипонимов (например, «Literatursprache» – «литературный язык», «Soziolekt»

– «социолект» и т.д.). При этом пресуппозиция позволяет автору опустить в тексте употребление данных лексем, моделирующих соответствующие элементы культурного пространства посредством денотативного аспекта значения.

Влияние пресуппозиции на воссоздание культурного пространства романа «Тулл» наблюдается и на примере лексических единиц «Kirchplatz» («церковная площадь»), «Fellmantel» (« меховое пальто») и «Hauptstadt» («столица»). С опорой на анализ денотативного аспекта значения указанных лексем в художественном тексте выявляются элементы культурного пространства, связанные с особенностями градостроительства, одежды и производства свечей. С опорой на денотативное значение лексем пресуппозиция расширяет культурное пространство текста: наличие лексической единицы «Kirchplatz» («церковная площадь») предопределяет наличие в городе и других площадей, лексема «Fellmantel» (« меховое пальто») предполагает существование данного элемента гардероба, сделанного из другого материала, а лексическая единица «Hauptstadt» («столица») подразумевает наличие других видов городов в культурном пространстве. Присутствие дополнительных видов описанных элементов культурного пространства впоследствии подтверждается и наличием принадлежащих к тому же лингвокультурологическому (и лексико-семантическому) полю лингвокультуры: «Pelzmantel» («шуба»), «Juwelenmantel» («украшенная драгоценностями мантия»), «Purpurmantel» («пурпурная мантия»), «Dorfplatz» («деревенская площадь»), «Marktplatz» («рыночная площадь»), «Hauptplatz» («центральная площадь»), «Residenzstadt» («город-резиденция») и «Kaiserstadt» («императорский город»).

Часто компонент пресуппозиции комбинируется с другими лексико-семантическими средствами, что интенсифицирует эффект моделирования культурного пространства в художественном тексте: «Augen wie diese mochte es in den freien Städten des Reichs geben und an den Höfen der Großen, aber noch nie war einer, der solche Augen hatte, zu uns gekommen» [Kehlmann 2017, S. 8] –

«Такие глаза можно было найти в свободных городах империи и при дворах великих особ, но никто с такими глазами никогда не приходил к нам». Денотативное значение частично культурно-маркированного прилагательного «frei» («свободны»), являющегося эпитетом, в сочетании с лексемой «Stadt» («город») воссоздает в культурном пространстве текста политическую особенность – наличие свободных городов как элемент культурного пространства. Однако пресуппозиционное значение эпитета предопределяет присутствие в тексте прочих, «несвободных» городов, что расширяет моделируемое культурное пространство. Моделирование культурного пространства в данном случае происходит благодаря денотативному значению частично культурно-маркированных лексем, эпитету и пресуппозиции. Таким образом, пресуппозиция способствует моделированию культурного пространства, создавая эффект дополнительной систематизации культурно значимых элементов, выявленных с опорой на анализ денотативного аспекта лексических единиц.

Влияние пресуппозиции, моделирующей культурное пространство в тексте, может распространяться не только на лексические единицы, но и на более крупные составляющие текста, например: «Sein Vater wurde als Hexer verurteilt» [Kehlmann 2017, S. 217] – «Его отец был осужден как колдун». При помощи денотативного значения лексических единиц данного фрагмента в тексте передается ситуация частного характера, однако пресуппозиция выводит данное предложение на культурно значимый уровень и передает информацию о том, что люди могут быть осуждены по обвинению в колдовстве.

Другим внутрилексемным лексико-семантическим средством моделирования культурного пространства в художественном тексте выступает коннотативный аспект значения лексем. Коннотативное значение языковых единиц, как правило, противопоставляется денотативному и рассматривается в качестве дополнительной семантической нагрузки. Однако культурно значимая информация присуща как денотативному, так и

коннотативному значению лексем [Телия 1996]. По определению И.М. Кобозевой, коннотация представляет собой особую семантическую нагрузку, дополняющую денотативное значение лексемы, как правило, оценочным характером [Кобозева 2000]. Следовательно, языковая единица связана с культурой лишь опосредованно, если оценивание, заложенное в коннотативное значение, направлено на денотат, имеющий непосредственное отношение к культурному пространству. В таком случае можно говорить об имплицитной культурной маркированности лексемы, что подтверждает принадлежность коннотативного значения лексемы к имплицитному уровню моделирования культурного пространства в художественном тексте. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент текста: «Sie handelten ... vom bösen Papst in Rom» [Kehlmann 2017, S. 7] – «Они рассказывали о злом папе в Риме». Посредством прилагательного «böse» («злой»), обладающего негативной коннотацией, передаются особенности восприятия папы римского. Коннотативное значение прилагательного в совокупности с денотатом, который оно характеризует, моделирует в тексте важное представление об элементе культурного пространства. Таким образом, совокупность денотативного и коннотативного аспектов значения лексем устанавливают взаимосвязи между элементами культурного пространства в тексте романа.

Важность контекстуального анализа сохраняется и при рассмотрении совокупности денотативного и коннотативного значения лингвокультурем, т.е. при рассмотрении взаимосвязи лексико-семантических средств моделирования культурного пространства и выявления его элементов в художественном тексте. Рассмотрим в качестве иллюстрации особой роли контекстуального анализа изъятое из контекста словосочетание «der böse Vormund» («злой опекун») [Kehlmann 2017, S. 9]. Совокупность коннотативно окрашенного прилагательного и описываемого им существительного раскрывает отношение к определенному человеку. При этом контекстуальный анализ раскрывает более важное для культуры значение данного

словосочетания. Рассмотрим следующий фрагмент текста, иллюстрирующий действия пьесы, наблюдаемой горожанами на городской площади: «Am Ende gab es ein Missverständnis: Die *schöne Frau* hatte sich Gift verschafft, um sich tot zu stellen und nicht den *bösen Vormund* heiraten zu müssen, aber die alles erklärende Botschaft an ihren Geliebten war auf dem Weg zu ihm verlorengegangen, und als er, der *wahre Bräutigam*, der Freund ihrer Seele, zu guter Letzt bei ihrem reglosen Leib ankam, traf ihn der Schreck wie ein Blitzschlag» [Kehlmann 2017, S. 9] – «В конце концов произошло недоразумение: красивая женщина добыла яд, чтобы притвориться мертвой и не выходить замуж за злого опекуна, но объяснительное послание для ее возлюбленного было потеряно на пути к нему, и поскольку он, истинный жених, друг ее души, наконец добрался до ее неподвижного тела, потрясение поразило его, как молния». Благодаря денотативному значению лексем в тексте появляется аллюзия, отсылающая к актуальному для описываемого в романе времени прецедентному тексту У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Коннотативное значение выделенных эпитетов отражает жанровую специфику – клишированные образы персонажей («*der böse Vormund*» – «злой опекун», «*die schöne Frau*» – «красивая женщина», «*der wahre Bräutigam*» – «истинный жених»). Таким образом, с помощью языковых средств в тексте расширяется пласт экстралингвистической информации, а вместе с ним и культурное пространство художественного текста, т.е. на имплицитном уровне выявляется культурно значимая информация, дополняющая модель культурного пространства.

Из романа Д. Кельмана «*Tyll*» нами было отобрано 852 лингвокультуремы, образованных благодаря коннотативному значению и обуславливающих моделирование культурного пространства исследователем. С целью наиболее наглядного отображения результатов их лингвокультурологического анализа представляется актуальным разделение отобранных примеров на группы, исходя из их принадлежности к определенным частям речи.

Особым лингвокультурным потенциалом, необходимым для моделирования культурного пространства в художественном тексте с опорой на анализ коннотативного значения, обладают прилагательные. Имя прилагательное является частью речи, которая характеризуется категориальным значением признака [Ахманова 2018, с. 357]. Оценочный характер, присущий многим прилагательным благодаря их денотативному значению, априори субъективирует их, наделяя и коннотативным значением. Примером этому служит следующее предложение, описывающее прибытие торговцев в средневековую деревню: «Wir brauchten nichts aus der weiten Welt» [Kehlmann 2017, S. 6] – «Нам не нужно было ничего из далекого края». В данном предложении прилагательное «weit» («далекий») благодаря негативной коннотации раскрывает дихотомию «свой vs. чужой», характерную как для культурного пространства в частности, так и для познавательного процесса в целом. Таким образом «свое» имплицитно противопоставляется «чужому».

Как и прилагательные, специфическими морфологическими и грамматическими характеристиками в немецком языке обладают и наречия, поэтому их роль в воссоздании культурного пространства в анализируемом художественном тексте при помощи коннотации является идентичной. Сравним: «Wir brauchten nichts aus der weiten Welt» [Kehlmann 2017, S. 6] («Нам не нужно было ничего из далекого мира») и «draußen in der Welt» [Kehlmann 2017, S. 7] («в мире снаружи», «там в мире»). Лексемы «weit» («далекий») и «draußen» («снаружи»), выраженные разными частями речи и обладающие разным денотативным значением, в равной степени воссоздают противопоставление близкого «своего» и далекого «чужого», характерных для культурного пространства.

Коннотации, передаваемые существительными, также участвуют в моделировании культурного пространства, например: «Dummer Schwede nennt er mich, Schwedenarsch, gotisches Vieh, und er sagt, dass ich nicht lesen kann. Ich kann lesen! Soll ich es dir zeigen? In drei Sprachen les ich. Ich werd das Schwein

besiegen» [Kehlmann 2017, S. 243] – «Он называет меня глупым шведом, шведской задницей, готским скотом и говорит, что я не умею читать. Я умею читать! Показать тебе? Я читаю на трех языках. Я одолею эту свинью». В данном фрагменте текста шведский король Густав Адольф описывает нанесенные ему имперским полководцем Альбрехтом фон Валленштейном оскорбления, ругая его в ответ. Ключевую роль в раскрытии отношений, выходящих на уровень межкультурной коммуникации благодаря упоминанию национальной принадлежности в ходе ругательств («Schwede» – «швед»), играет коннотативное значение лексем. Именно негативные коннотации прилагательного «dumm» («глупый») и ряда существительных («Arsch» – «задница», «Vieh» – «скот», «Schwein» – «свинья») моделируют особенности межкультурной коммуникации, связанные с дихотомизацией представлений о своей и чужой культуре.

Наиболее редким способом моделирования культурного пространства является коннотативный аспект значения глаголов. Рассмотрим следующий пример: «Wieso bist du so fett? Es gibt doch nichts zu fressen, wie machst du das?» [Kehlmann 2017, S. 167] – «Почему ты такой жирный? Жрать же нечего, как тебе это удастся?». Глагол «fressen» («жрать (о животных)») сам по себе не обладает негативной коннотацией, однако контекстуальный анализ раскрывает его употребление по отношению к человеку, что свидетельствует о сравнении человека с животным. Таким образом, благодаря негативной коннотации в тексте появляется дополнительный элемент культурного пространства, передающий особенности сквернословия.

Особыми (в рамках изучения языка и культуры) элементами культурного пространства, моделируемыми в художественном тексте при помощи коннотаций, являются стереотипы. В широком смысле употребление слова «стереотип» в европейских языках связано с «однообразностью, однородностью, повторением, заранее заданным образцом, мышлением застывшими, схематичными формулами» [Dabrowska 1999, S. 53]. В лингвистическом научном контексте стереотипы могут быть рассмотрены как

знаки, являющиеся вербальной фиксацией «опредмеченных потребностей» социальной, этнической или национально-культурной группы [Рыжков 1988, с. 4]. Стереотип как единица коммуникации благодаря репрезентации социально определенных потребностей обуславливает процесс ориентации, адаптации и идентификации собственной личности, выработка определенных мотиваций [Lilli 1982, S. 7]. Среди отличительных особенностей стереотипа принято выделять его бессознательность, экспрессивность, закреплённость в общественном сознании, повторяемость, неизменность, редуцированность, оценочность, относительность [Bußmann 2002; Липпман 2004; Сорокина 2013].

В центре внимания лингвокультурологических исследований наиболее часто находятся стереотипы, сопровождаемые представлениями о своей или чужой культуре [Tschopp 2010, S. 75]. Исходя из культурной принадлежности, В.А. Маслова предлагает разделять стереотипы на [Маслова 2010]:

– автостереотипы, характеризующие свою культуру, например: «Wir hatten immer gute Zeichen und gute Worte und gute Bücher und gute Lieder, wir Protestanten, aber dann haben wir im Feld verloren, und alles war für nichts» [Kehlmann 2017, S. 242] – «У нас всегда были хорошие знамения, хорошие слова, хорошие книги и хорошие песни, мы, протестанты, но потом мы проиграли в поле, и все было напрасно»;

– гетеростереотипы, описывающие чужую культуру, например: «Er sang eine Spottballade über den armen dummen Winterkönig, den Pfälzer Kurfürsten, der gemeint hatte, er könne den Kaiser besiegen und von den Protestanten Prags Krone annehmen, doch sein Königtum war noch vor dem Schnee getaut» [Kehlmann 2017, S. 11] – «Он спел шутливую балладу о бедном, глупом «зимнем короле», курфюрсте Пфальца, который думал, что сможет победить императора и принять корону Праги от протестантов, но его королевская власть растаяла раньше снега».

Образуемое стереотипами столкновение культур, демонстрирующее проблему их взаимосвязи, является неотъемлемой частью культурного

пространства. Дихотомия «свой» vs. «чужой» как элемент культурного пространства в романе Д. Кельмана обладает стереотипным характером, поднимает актуальные для межкультурной коммуникации вопросы и дает нам примеры осложнений в этой сфере и указывает на возможные пути к их переосмыслению.

Не менее важным средством моделирования культурного пространства является модальность как функционально-семантическая категория. Под модальностью принято понимать соотнесенность содержания языкового знака с действительностью с точки зрения продуцента, а также разновидности субъективного квалификационного аспекта вербализованной информации [Панфилов 1977; Балакина 2011]. Компонент модальности способен выражать усиление, ослабление, дистанцирование, согласие, потенциальность и достоверность [Hugh 2016]. Ю.П. Нечай выделяет: модальные слова со значением проблематичной достоверности, выражающие максимальную неуверенность, сомнение, предположение, вероятность, и модальные слова со значением категорической достоверности, передающие уверенность, допускающую сомнения, среднюю степень уверенности и абсолютную уверенность [Нечай 1993].

Особый интерес для анализа данного семантического компонента на материале немецкого языка представляют глаголы, обретающие лингвокультурный потенциал благодаря модальности. Количество модальных глаголов, обладающих множеством различных значений, отмечает немецкий язык от прочих германских языков. В связи с многократными попытками рассмотреть большее количество глаголов немецкого языка в качестве модальных, предпринимаемыми такими исследователями грамматики, как Г. Хельбиг, Й. Буша [Helbig 1991], Х. Вайнрих [Weinrich 1993] и др., целесообразным представляется перечисление общепринятых классической грамматикой глаголов данной группы: «dürfen» («быть вправе»), «können» («мочь», «уметь»), «mögen» («любить», «чувствовать расположение»),

«müssen» («быть должным (под давлением обстоятельств)»), «sollen» («быть должным (по правилам)»), «wollen» («хотеть») [Kessel 2005].

Методом сплошной выборки в романе Д. Кельмана было отобрано 1468 примеров использования модальных глаголов, 363 из которых моделируют культурное пространство в тексте. Их лингвокультурный потенциал, как и в случае с коннотативным аспектом значения лексических единиц, обнаруживается при помощи контекстуального анализа:

1) «Claus aber kann nicht von der Mühle weg, weil es zu viel Arbeit gibt, also muss Agneta mit, und weil die nicht mit Heiner allein im Wald sein sollte, *da Knechte zu allem imstande sind*, kommt auch der Junge mit» [Kehlmann 2017, S. 33] – «Клаус, однако, не может покинуть мельницу, потому что там слишком много работы, поэтому Агнета должна пойти с ними, и поскольку она не должна оставаться наедине с Хайнером в лесу, так как слуги способны на все, мальчик тоже идет с ними»;

2) «Der Junge will sich losreißen, es gelingt nicht, Sepp holt aus und schlägt ihm die Faust ins Gesicht» [Kehlmann 2017, S. 33] – «Мальчик хочет оторваться, но не получается, Зепп замахивается и бьет его кулаком по лицу».

В первом фрагменте текста выявление элементов культурного пространства осуществляется благодаря частично культурно-маркированным лексическим единицам («Arbeit» – «работа», «Knechte» – «слуга», «работник», «Mühle» – «мельница»). Связь модального глагола и единиц, выявляющих культурно значимые объекты и явления, способствует дальнейшему моделированию отношений между данными элементами культурного пространства. Во втором примере не выявляются культурно-маркированные лексические единицы, которые выступают в качестве лингвистических актуализаторов и позволяют модальному глаголу влиять на моделирование культурного пространства. В связи с этим глагол «wollen» («хотеть») не реализует свой лингвокультурный потенциал. Таким образом, контекстуальный анализ доказывает значимость связи модального глагола с

культурно значимыми языковыми единицами, необходимой для моделирования культурного пространства.

Представляется целесообразным проиллюстрировать особенности функционирования модальных глаголов как единиц моделирования культурного пространства в художественном тексте следующими примерами их употребления:

1. «Einer muss beim Mehl bleiben. Das ist so viel wert wie die halbe Mühle» [Kehlmann 2017, S. 44] – «Кто-то должен остаться рядом с мукой. Она такая же ценная, как половина мельницы». В данном фрагменте частично культурно-маркированные лексические единицы «Mehl» («мука») и «wert» («ценный»), образующие лингвокультуемы, выявляют соответствующие элементы культурного пространства, т.е. муку и восприятие ценности. Взаимосвязь между обозначенными элементами устанавливается благодаря глаголу «müssen» («быть должным (в силу морального долга, под давлением обстоятельств)») [Москальская 1980b]. Денотативный аспект значения глагола формирует двухуровневую систему, предопределяющую обстоятельства и подчиненные им явления. В анализируемом отрывке модальный глагол раскрывает ценность муки как обстоятельство и необходимость остаться рядом с ней для сохранности как подчиненное данному обстоятельству явление. Позиционирование указанных элементов основывается на важности материальных благ, что является частью культурного пространства в анализируемом тексте.

2. «Was er gesagt hatte, war gemein; aber es war so gemein auch wieder nicht, dass es nicht immer noch ein Scherz sein konnte und ein derbes Frotzeln nach seiner Art. Dafür war er ja berühmt, er konnte es sich erlauben» [Kehlmann 2017, S. 18] – «То, что он сказал, было вульгарно; но все-таки это было не так вульгарно, что это не могло быть шуткой и своего рода грубым издевательством. Он был знаменит этим, он мог себе это позволить». Лексические единицы «berühmt» («знаменитый») и «Frotzeln» («высмеивание», «подтрунивание») выявляют популярность и высмеивание как социально обусловленные элементы

культурного пространства. Модальный глагол «können» («мочь, быть в состоянии», «мочь, сметь») обнаруживает взаимосвязь этих элементов. Благодаря денотативному аспекту значения данный глагол априори устанавливает взаимосвязь описываемого объекта или явления с процессом, их причастность друг к другу. Указанный пример демонстрирует способность модального глагола к установлению взаимосвязи между популярностью человека и его возможностями (в данном случае возможностью высмеивать людей). Глагол «können», таким образом, раскрывает детали популярности как элемента культурного пространства.

3. «Peter Stegers jüngster Sohn hat Else Brantnerin voriges Jahr eine Holzpfeife geschenkt, und weil sie die angenommen hat, sind die beiden jetzt verlobt, obwohl sie einander gar nicht mögen» [Kehlmann 2017, S. 70] – «Младший сын Петера Штегера подарил Эльзе Брантнерин в прошлом году деревянную свистульку, и поскольку она приняла ее, эти двое теперь помолвлены, хотя они совсем не нравятся друг другу». В данном фрагменте текста причастие «verlobt» («помолвлены») выявляет помолвку как традиционный этап заключения брака, являющийся элементом культурного пространства. Анализ контекста употребления данной частично культурно-маркированной лексики выявляет взаимосвязь глаголов «verlobt sein» («быть помолвленными») и «(nicht) mögen» («(не) любить») при помощи анафорической связи подлежащих «die beiden» («оба») и «sie» («они»). Из этого следует, что предложение передает информацию о том, что «они помолвлены и не любят...». Модальный глагол «mögen» («любить», «чувствовать расположение») указывает на связь двух объектов или явлений окружающей действительности [Москальская 1980b]. В данном предложении глагол «mögen» («любить», «чувствовать расположение») способствует моделированию взаимосвязи между лексическими единицами «sie» («они») и «einander» («друг друга»). Таким образом, предложение передает следующую информацию: «они помолвлены и не любят друг друга». Благодаря модальности в тексте воссоздается

возможность вступления в брак без взаимной симпатии, что является важным для моделирования культурного пространства.

Отмеченные случаи употребления модальных глаголов указывают на характер раскрываемых ими взаимосвязей различных объектов или явлений. При помощи лингвистического актуализатора, проявленного посредством культурно-маркированной лексики, и внутрелексемной модальности глагол причисляется к средствам моделирования культурного пространства, влияющим на особенности позиционирования его элементов.

Способностью к моделированию культурного пространства обладают и остальные категории модальных слов, под которыми понимаются языковые единицы выражения личной позиции участника коммуникации, субъективно оценивающие достоверность вербализированной информации (например, «natürlich» – «естественно», «sicher» – «конечно», «zweifellos» – «несомненно» и т.д.) [Нефедов 2008]. Рассмотрим пример моделирования культурного пространства модальным словом: «Der Teufel hat ja keine Macht in Gottes Welt» [Kehlmann 2017, S. 112] – «У дьявола же нет силы в мире божьем». Денотативный аспект значения лексем «Gott» («Бог») и «Teufel» («дьявол») выявляет в тексте элементы культурного пространства, связанные с традиционными христианскими представлениями о Боге и дьяволе. Анализ контекстного употребления данных лексем моделирует особенности их взаимодействия, с одной стороны, и уверенность в описанном противопоставлении Бога и дьявола, выраженную при помощи модального слова «ja» («же»). Таким образом, модальные слова могут участвовать в моделировании культурного пространства, раскрывая дополнительные характеристики его элементов.

Анализ указанных примеров подтверждает способность лексем, обладающих модальным компонентом, к моделированию культурного пространства в художественном тексте.

Выделение рассмотренных нами в рамках данного параграфа средств моделирования культурного пространства в художественном тексте, а именно

денотативного аспекта предложения, пресуппозиции, коннотации и модальности, свидетельствует о богатом семантическом, внутрилексемном потенциале языковых единиц. Несмотря на важность контекстуального анализа данных средств, природа культурной референции в них сосредоточена на компонентах и семантических категориях одной лексической единицы. Именно этот аспект отличает внутрилексемные средства моделирования культурного пространства от межлексемных.

2.4 Особенности взаимосвязи культурно значимых языковых единиц в процессе моделирования культурного пространства

Анализ лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте сопряжен не только с учетом семантических компонентов и вектором их референциальной относительности, но и с учетом особенностей взаимосвязи культурно-маркированных лексем как между собой, так и с другими языковыми единицами. Выделяемые в нашем исследовании межлексемные средства моделирования культурного пространства подразделяются на парадигматические и стилистические. В основе парадигматических средств лежат контекстуальные парадигматические отношения между лексическими единицами, в рамках которых мы выделяем синонимию, антонимию и гипонимию. К стилистическим средствам моделирования культурного пространства нами причисляются лексические средства художественной выразительности во всем их многообразии.

При исследовании взаимосвязи между элементами культурного пространства с учетом парадигматических и стилистических факторов нами был использован контекстуальный анализ культурно-маркированных лексем точно так же, как и при изучении внутрилексемных средств моделирования культурного пространства. Однако специфика межлексемных средств

моделирования, выделяемая нами исходя из анализа различных аспектов языковых единиц, способствует расширению возможностей лингвокультурологического анализа культурного пространства в художественном тексте. Выделение особенностей функционирования межлексемных средств моделирования культурного пространства требует их детального рассмотрения.

Культурное пространство художественного текста представлено различными вербализованными элементами, связанными на основе соотнесенности их сходства, смежности, взаимодополняемости или противопоставления. Данные проявления лингвистической оппозиции наиболее характерно для парадигматических отношений, обусловленных логической согласованностью [Шмелев 2003]. Парадигматическая система языка представляет собой «совокупность противопоставленных взаимодействий конкретных однотипных языковых единиц, находящихся на том или ином языковом уровне (лексическом, грамматическом, морфологическом, фонетическом и т.д.)» [Эльджеркиева 2017, с. 25]. К видам языковой оппозиции традиционно принято относить синонимию, антонимию, гипонимию, паронимию и омонимию [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 438; Жеребило 2010, с. 30]. В нашем исследовании актуальным представляется рассмотрение существующих в рамках контекстуального аспекта синонимии, антонимии и гипонимии. Лексемы, относящиеся к данным видам оппозиции вне контекста, безусловно иллюстрируют многообразие проявлений языка (в том числе и как элемента культурного пространства). Тем не менее их роль в моделировании культурного пространства в художественном тексте незначительна: общепринятые синонимы подчеркивают богатство лексического пласта национального языка, но их взаимосвязь не раскрывает черты элементов культурного пространства художественного текста; анализ антонимии и гипонимии, с одной стороны, способствует выстраиванию ряда суждений о потенциальных элементах культурного пространства художественного текста

при помощи рассмотренной нами ранее пресуппозиции. Однако инференциальный характер данных рассуждений размывает границы культурного пространства художественного текста, поскольку оно представляет собой выделенный и вербализованный автором фрагмент реального культурного пространства. Без привлечения, например, внеконтекстной гипонимии пресуппозиция позволяет воссоздать не всегда завершённые, однако явно присутствующие в культурном пространстве текста системы элементов, выстроенной автором с целью реализации его замысла. То есть пресуппозиционный компонент лексемы, например, «Kirchplatz» («церковная площадь») указывает на существование в рамках культурного пространства других видов площадей. Однако предположение о том, что к культурному пространству конкретного художественного текста, который является вербализацией фрагмента реального культурного пространства, относятся незакрепленные в контексте произведения согипонимы (например, «Postplatz» – «почтовая площадь», «Museumsplatz» – «музейная площадь») не имеет никаких подтверждений в тексте. В силу этого целесообразным в рамках изучения моделирования культурного пространства художественного текста представляется исследование контекстуальных проявлений синонимии, антонимии и гипонимии, связанных логически на основе представлений о социокультурных процессах.

Анализ романа Д. Кельмана «Tyll» показал, что наиболее часто употребляемым автором парадигматическим средством моделирования культурного пространства является контекстуально проявляемая гипонимизация. Посредством метода сплошной выборки в исследуемом тексте было отобрано 43 случая употребления контекстуальных согипонимов, моделирующих культурное пространство, 14 случаев употребления контекстуальных антонимов, 8 случаев – контекстуальных синонимов.

Контекстуальные гипонимы представляют собой видовые понятия, логически вычлняемые по отношению к родовому понятию, нерегулярно связанные лишь в рамках определенной, отраженной в тексте ситуации

[Новиков 2011]. В рамках анализа культурного пространства контекстуальные гипонимы являются наиболее часто употребляемым средством и определяют принадлежность элементов культурного пространства к некоторой подгруппе. Рассмотрим несколько примеров:

1. «Eine ganze Weile sei sein Geist ihnen hinterhergezogen, habe ihnen nachts im Wald nachgekichert, sei in ihren Träumen aufgetaucht und habe diesen oder jenen Handel angeboten» [Kehlmann, 2017, S. 252] – «Его призрак долго преследовал их, хихикал им вслед в ночном лесу, являлся им во сне и предлагал ту или иную сделку». Лингвокультурема «Geist» («дух», «призрак») при помощи денотативного аспекта значения частично культурно-маркированной лексемы выявляет призрак как элемент культурного пространства, связанный с суевериями. При этом изображенные действия на уровне пресуппозиции имплицитно формируют гипероним «действия призрака», гипонимами которого являются глаголы «hinterherziehen» («преследовать»), «nachkichern» («смеяться вслед»), «Handel anbieten» («предлагать сделку»). Анализируемые глаголы описывают представления о действиях призрака, что расширяет культурное пространство в романе. Расширение при этом происходит благодаря привлечению к описанию элементов культурного пространства внекультурных смыслов, передающих действия (преследование, высмеивание и пр.).

2. «Der ist nach England gereist, um Prinzessin Elisabeth zu heiraten, und da die Engländer Schausteller schätzen, hat er alles mitgebracht, was sein Land zu bieten hat: Bauchredner, Feuerschlucker, Kunstrülpser, Puppenspieler, Schaukämpfer, Handgeher, Bucklige, malerische Krüppel und eben auch Pirmin» [Kehlmann 2017, S. 275] – «Он поехал в Англию, чтобы жениться на принцессе Елизавете, и поскольку англичане ценят организаторов представлений, он привез с собой все, что может предложить его страна: чревовещателей, огнеглотателей, людей, веселящих зрителей своей необычной отрыжкой, кукловодов, кулачных бойцов, людей, ходящих на руках, горбунов, калек всех мастей, еще и Пирмина». Объекты действительности «(der) Bucklige»

(«горбун») и «Krüppel» («калека»), не связанные с культурой, благодаря гипонимизации становятся согипонимами по отношению к таким элементам, как «Vauchredner» («чревовещатель»), «Feuerschlucker» («огнеглотатель») и пр. Поскольку в качестве гиперонима данных явлений выступает слово «Schau» («шоу», «зрелище»), в анализируемом художественном тексте устанавливается взаимосвязь между калекками и зрелищными видами искусства, характеризующая культурные особенности Средневековья.

Контекстуальные синонимы, несмотря на относительно редкое употребление в тексте, также представляют собой значимое парадигматическое средство моделирования культурного пространства в художественном тексте. Контекстуальными принято называть те синонимы, анализ контекста которых выделяет лишь один объединяющий их денотат [Виллюман 1980, с. 180]. Рассмотрим влияние контекстуальных синонимов на моделирование культурного пространства: «Fremde sind hier selten. Manchmal kommt der Vogt aus der Kreishauptstadt, und hin und wieder kommen Händler. Aber diesen Fremden kennt er nicht» [Kehlmann 2017, S. 72] – «Чужаки здесь редкость. Иногда приезжает фогт из областной столицы, то и дело приезжают торговцы. Но этого незнакомца он не знает». В качестве контекстуальных синонимов в данном фрагменте текста рассматриваются лексемы «Fremde» («чужак»), «Vogt» («фогт», «наместник») и «Händler» («торговец»), объединенные одним контекстуальным денотатом – «чужой», «чужак». Анализ употребления контекстуальной синонимии в данном случае способствует выявлению редкого появления фогта, кочевого образа жизни торговцев и восприятия их деревенскими жителями как чужаков. Именно эти характеристики средневековой жизни способствуют моделированию культурного пространства, а контекстуальные синонимы рассматриваются нами как его элементы.

Контекстуальные антонимы, как и синонимы, единичны, отличаются от внеконтекстных яркой стилистической окраской и не обладают регулярной воспроизводимостью, будучи обусловленными авторским замыслом

[Эрцикова 2019]. Рассмотрим следующий фрагмент в качестве примера: «So war die Welt eingerichtet. Es gab ein paar wirkliche Menschen, und es gab den Rest: eine schattenhafte Armee, das Heer von Gestalten im Hintergrund, ein Volk von Ameisen, die über die Erde wimmelten und miteinander gemeinsam hatten, dass ihnen etwas fehlte. Sie wurden geboren und starben, waren wie die Flecken flatternden Lebens, aus denen ein Vogelschwarm bestand – verschwand einer, bemerkte man es kaum» [Kehlmann 2017, S. 193] – «Так был устроен мир. Было несколько настоящих людей, и были все остальные: призрачная армия, войско фигур на заднем плане, колония муравьев, роившихся по земле и имевших общее ощущение, что им чего-то не хватало. Они рождались и умирали, как частички трепещущей жизни, составляющие стаю птиц – когда одна исчезла, это едва ли было заметно». Анализируемый пример воссоздает представление о ценностном восприятии окружающего мира, отображая на имплицитном уровне пресуппозиции разделение людей на «wirkliche Menschen» («настоящие люди») и «unwirkliche Menschen» («ненастоящие люди»). «Ненастоящие люди» при этом представлены в тексте такими языковыми единицами, как «Rest» («остаток»), «schattenhafte Armee» («призрачная армия»), «Heer von Gestalten im Hintergrund» («войско фигур на заднем плане»), «Volk von Ameisen» («колония муравьев»), «Flecken flatternden Lebens» («частички трепещущей жизни»). Данные определения посредством денотативного аспекта значения лексем отдаляют описание человека от привычных представлений в сферу негативно коннотированных сравнений. Негативная коннотация создает эффект контекстуальной антонимии указанных лингвокультурем, что способствует отображению в тексте представлений о качествах «настоящего человека».

Таким образом, парадигматические отношения лексических единиц, проявляющиеся исключительно в рамках контекста, способствуют моделированию культурного пространства в художественном тексте. Объединение в подобных парадигмах происходит на уровне языковой логики и семантики.

Не менее важным объектом лингвокультурологического анализа культурного пространства, связанным с лексико-семантическими компонентами, является и стилистическая характеристика. Исследуемый нами художественный текст относится к стилю речи, который отличается обилием средств художественной выразительности. В основе их различия также лежит денотативное значение культурно-маркированных лексем, влияющих на моделирование культурного пространства в тексте. Несмотря на их относительно менее частое употребление (53 случая на сто страниц романа, всего в тексте – 261 случай), они обладают образным характером и отражают многообразие подвидов средств моделирования (например, метафора, сравнение, эпитет и пр.). К существенным отличительным особенностям лексических средств выразительности относятся экспрессивность и эстетичность. Исходя из этих двух факторов, лексические средства выразительности можно назвать текстотипологическими средствами моделирования культурного пространства, поскольку их наличие характерно именно для художественного текста.

Лексические средства художественной выразительности, образующие лингвокультуремы и принимающие участие в моделировании культурного пространства, разделены по видам: аллюзия, противопоставление, сравнение, ирония, эпитеты и пр. Частотность употребления выраженных тропами лингвокультурем свидетельствует о том, что наиболее распространенным в романе Д. Кельмана «Тул» лексическим средством художественной выразительности, моделирующим культурное пространство, является эпитет, что объясняется его емкостью и наличием описанных нами ранее коннотаций: «Am Rand des Platzes gibt es noch ein paar zwielichtige Gestalten. Das sind die unehrlichen Leute, Musikanten etwa mit Pfeife, Dudelsack und Geige» [Kehlmann 2017, S. 141] – «На краю площади есть несколько подозрительных персонажей. Это нечестные люди, музыканты с трубами, волынками и скрипками». В данном фрагменте текста культурное пространство моделируется при помощи негативной коннотативной маркированности

эпитетов «zweifelhaftig» («подозрительный») и «unehrlich» («нечестный»), описывающих стереотипизированное представление о музыканте, который как элемент культурного пространства выявлен при помощи частично культурно-маркированной лексики «Musikant» («музыкант»).

Аналогично, т.е. на основе связи лексических средств художественной выразительности и культурно-маркированной лексической единицы, культурное пространство моделируется посредством анализа других тропов. Рассмотрим несколько примеров:

1. «Der Krieg war bisher nicht zu uns gekommen» [Kehlmann 2017, S. 6] – «Война пока еще не добралась до нас». На основе олицетворения проводится параллель между войной и живым существом, что моделирует культурное пространство текста, наделяя войну как его элемент дополнительными чертами – представлением о ее неконтролируемости.

2. «Und all die edlen böhmischen Herren, deren Namen sie nie hatte aussprechen können, all die Wrschwitschky, Prtschkatrt und Tschrrkatrr, die ihr der für die tschechische Sprache zuständige Hofmeister bei jedem Empfang ins Ohr geflüstert hatte, ohne dass sie sie je hätte wiederholen können, würden den Anbruch des neuen Jahres nicht mehr erleben» [Kehlmann 2017, S. 203] – «И все эти благородные богемские господа, чьи имена она никогда не могла произнести, все Вршвички, Прчкарт и Чрркарттр, которых гофмейстер, ответственный за чешский язык, шептал ей на ухо на каждом приеме, и она никогда не могла их повторить, не дожили бы до начала нового года». При помощи окказионализмов («Wrschwitschky, Prtschkatrt und Tschrrkatrr») в данном предложении создается эффект иронии, связанный с высмеиванием как чешского языка, которому свойственно употребление большого числа согласных, так и характерных для чешской лингвокультуры имен. Таким образом, при помощи контекстуального анализа употребления иронии и денотативного значения лексических единиц (например, «die edlen böhmischen Herren» – «благородные богемские господа») в тексте моделируется гетеростереотипное восприятие культуры Богемии.

3. «Der Krieg kam ihm nicht wie etwas von Menschen Gemachtes vor, sondern wie Wind und Regen, wie das Meer, wie die hohen Klippen von Sizilien, die er als Kind gesehen hatte» [Kehlmann 2017, S. 155] – «Война не казалась ему чем-то рукотворным, а походила на ветер и дождь, на море, на высокие утесы Сицилии, которые он видел в детстве». Пользуясь сравнением, автор соотносит войну с различными явлениями и объектами природы («Wind» – «ветер», «Regen» – «дождь», «Meer» – «море», «Klippe» – «утес»). Подобное сравнение вновь отсылает нас к войне как элементу культурного пространства, важной деталью которой является ее восприятие как стихийного, неподвластного человеку процесса.

4. «Also war er zurückgekommen ins kalte Reich, in den Krieg und ins traurige Dasein eines Witwers» [Kehlmann 2017, S. 280] – «В общем, он вернулся назад в холодную империю, на войну, в трагичную жизнь вдовца». При помощи частично культурно-маркированных лексических единиц («das kalte Reich» («холодная империя»), «Krieg» («война»), «Dasein eines Witwers» («жизнь вдовца», «существование вдовца»)) складывается градация, в которой наиболее важен с точки зрения экспрессии именно последний составляющий элемент. Благодаря градации определяется позиционирование описанных элементов культурного пространства, в рамках которого потеря супруга и бытие вдовца представляется наиболее значимым для человеческого восприятия.

5. «Die Kleine schwieg, denn sie begriff nicht, wie es sein konnte, dass einer, der berühmt war, mit ihr sprach» [Kehlmann 2017, S. 8] – «Малышка молчала, потому что она не осознавала, как могло быть, что кто-то, кто знаменит, разговаривал с ней». Приведенный нами пример описывает встречу Тиля Уленшпигеля и маленькой девочки, живущей в деревне. Модальный глагол «können» («мочь», «уметь») в данном отрывке формирует категорию возможности/невозможности происходящего, что обуславливает гротескный характер ситуации. При помощи денотативного значения лексем, составляющих данное предложение, и модального глагола автор показывает,

что в представлении маленькой девочки коммуникация знаменитых и незнаменитых людей не представлялась возможной. Гротескная форма передачи информации моделирует отношение к популярности как явлению, далекому от повседневной городской средневековой жизни, и, соответственно, особенность ее восприятия простыми людьми в описываемую в романе эпоху.

Характерной чертой стилистических межлексемных средств моделирования культурного пространства является их иерархически выстроенная взаимосвязь с другими лексико-семантическими средствами. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент текста: «Kein Herzog und kein Fürst, ja nicht einmal Papa hätte ein Bürgerhaus in einer kleinen Stadt in solch einen Palast verwandelt. So etwas taten nur der König von Frankreich und der Kaiser» [Kehlmann 2017, S. 343] – «Ни герцог, ни принц, ни даже папа не превратили бы городской дом в маленьком городке в такой дворец. Так поступали только король Франции и император». Приведенный пример выявляет элементы культурного пространства «Herzog» («герцог»), «Fürst» («князь»), «Papa» («папа (римский)'), «König (von Frankreich)» («король (Франции)'), «Kaiser» («император», «кайзер») в качестве согипонимов, гиперонимом которых имплицитно выступает словосочетание «титулованная/высокопоставленная особа», что позволяет нам сформировать одноименное лингвокультурологическое поле. При этом модальность слова «ja» («же», «даже») выделяет папу (римского) как особый, исключительный на фоне предыдущих («герцог», «князь» и пр.) элемент культурного пространства, что создает эффект градации. Второе предложение, анафорически связанное с первым при помощи словосочетания «so etwas» («нечто подобное»), посредством лексемы-интенсификатора «nur» («только») делает возможным противопоставление рассматриваемых предложений. В таком случае «герцог», «князь» и «папа (римский)» представлены в качестве контекстных антонимов лексем «король (Франции)» и «император». Контекстуальный анализ позволяет выявить противопоставление данных

элементов культурного пространства, осуществляемое на основе признаков «обеспеченность» и «благополучие». Исходя из этого, в культурном пространстве анализируемого художественного текста моделируется иерархия, согласно которой более обеспеченными являются французский король и император Священной Римской империи германской нации, а менее состоятельными представляются папа римский, герцоги и князья. Следовательно, межлексемные лексико-семантические средства обладают тесной взаимосвязью и могут трактоваться с опорой как на стилистические, так и на парадигматические факторы.

Таким образом, лексические средства художественной выразительности подобно другим средствам моделирования культурного пространства обладают лингвокультурным потенциалом, для выявления которого необходима культурно-маркированная лексика как лингвистический актуализатор. Специфика межлексемных средств моделирования обусловлена парадигматическими и стилистическими особенностями взаимосвязи лексических единиц, которые выделяются в результате анализа семантических компонентов отобранных нами лексем.

2.5 Лексико-семантические средства как элементы культурного пространства

Разработанная в рамках нашего исследования классификация средств моделирования культурного пространства опирается в первую очередь на лингвистический аспект образования лингвокультурем. С целью описания их многоаспектной связи с культурным пространством в художественном тексте перечислим выделенные нами лексико-семантические средства:

- 1) единицы, способствующие выявлению элементов культурного пространства с опорой на анализ денотативного значения и культурной референции;

2) лексико-семантические средства, анализ которых обуславливает моделирование культурного пространства:

а) внутрилексемные: денотативный аспект значения предложения, пресуппозиция, коннотативное значение лексемы, модальность;

б) межлексемные: парадигматические (контекстная синонимия, антонимия и гипонимия) и стилистические (лексические средства художественной выразительности).

Этапы моделирования культурного пространства художественного текста, включающие анализ указанных лексико-семантических средств, представлены на рисунке 2.

Рисунок 2 – Этапы моделирования культурного пространства художественного текста

Анализ данных лексико-семантических средств позволил выявить особенности их участия в моделировании культурного пространства, то есть в выявлении, упорядочивании и описании его элементов. Глубинная связь языка и культуры поднимает проблему многоаспектности взаимосвязи элементов культурного пространства и языковых единиц, выявляющих и моделирующих его в художественном тексте. Для наиболее точного раскрытия данной многоаспектности вернемся к понятию основной единицы лингвокультурологического анализа – к лингвокультуре. Схематически мы можем обозначить лингвокультуру следующим образом:

Языковое значение + Культурное значение = Лингвокультура.

В рамках нашего исследования языковое значение лингвокультуры представлено лексико-семантическими средствами выявления и моделирования культурного пространства в художественном тексте, а культурное значение референциально связано с культурно значимыми элементами. Все рассмотренные нами примеры средств выявления и моделирования культурного пространства представляют собой лингвокультуры, состоящие из языкового и культурного значений.

Проблематика многоаспектности соотношения элементов культурного пространства и средств его выявления и моделирования возникает при учете тезиса о том, что язык, будучи многомерным явлением, не только репрезентирует культуру, отражая ее в своих единицах, но и сам является частью культуры. Именно этот тезис позволяет охарактеризовать язык как элемент культурного пространства. Поскольку язык не представляет собой совокупность слов и правил, его сложные, иерархически выстроенные явления, исходя из когнитивной, социальной, культурной и прочей деятельности человека, обладают уникальным характером. Вычленение языковых явлений, исследуемых в рамках как естественно-научных, так и социально-гуманитарных направлений науки, также требует определенного уровня развития культуры и науки. Феноменальность языка как части культуры, таким образом, позволяет рассматривать его сложные

составляющие в качестве подчиненных ему элементов культурного пространства.

При рассмотрении различных составляющих системы языка в качестве элементов культурного пространства нами выделены две группы внутриязыковых элементов культурного пространства: универсальные и национально обусловленные. К универсальным внутриязыковым элементам культурного пространства относятся элементы языковой структуры, общие для любого естественного языка, например, части речи, слова, буквы и т.д. Важно отметить, что речь идет не об их конкретных проявлениях (например, глагол «бегать», слово «мяч», буква «А» и пр.), а о данных явлениях как таковых (понятия о глаголе, слове, букве и пр.). Национально обусловленные внутриязыковые элементы культурного пространства представляют особенности конкретных языков: стилистические особенности немецкого языка, онимическое пространство русского языка, фразеологию английского языка и т.д.

С опорой на данную теорию описанные в рамках нашего исследования виды лексико-семантических средств моделирования культурного пространства следует считать его внутриязыковыми элементами, вербализующими другие элементы культурного пространства. Важным аспектом при этом является восприятие элементов культурного пространства, вызванное когнитивными процессами и обуславливающее трансфер от предметной сферы культуры к языковым единицам. Подобные когнитивно обусловленные взаимоотношения влияют на многоаспектность взаимосвязи элементов культурного пространства и лексико-семантических средств его моделирования в художественном тексте и позволяют по-новому рассмотреть образование лингвокультуры:

Культурно значимый объект/Культурно значимое явление

Восприятие культурно значимого объекта/явления

Языковая единица

Лингвокультурема

Из этой цепочки можно вывести более расширенное и подходящее для дальнейшего анализа определение лингвокультуремы, которую мы рассматриваем как языковую единицу, отображающую восприятие культурно значимого объекта или явления. Рассмотрим данное представление о составляющих лингвокультуремы при помощи следующего примера: «Das hätte der Kaiser laut der Goldenen Bulle gar nicht anordnen dürfen, aber wer hätte ihn hindern sollen, des Kaisers Feldherren gewannen jede Schlacht» [Kehlmann 2017, S. 214] – «Императору не было бы дозволено отдавать подобные распоряжения согласно Золотой булле, но кто должен был бы ему помешать, императорские полководцы победили в каждом сражении». В данном примере модальный глагол «dürfen» («мочь (с чьего-либо разрешения)», «сметь», «иметь разрешение») указывает на взаимосвязь выявленных культурно-маркированными лексемами элементов культурного пространства («Kaiser» – «император», «anordnen» – «приказывать», «отдавать распоряжения») и предопределяет систему, включающую «дающего право сделать что-либо» и «обладающего правом сделать что-либо». Контекстуальный анализ позволяет рассмотреть прецедентный текст «Goldene Bulle» («Золотая булла») как элемент культурного пространства, «дающий право» на действия кайзера. При этом Золотая булла ограничивает власть кайзера, который выступает в качестве «обладающего правом». Модальность как внутрилексемное лексико-семантическое средство моделирования культурного пространства в художественном тексте воссоздает особенности, связанные со сферой правления и законов.

Строение рассматриваемой нами лингвокультуры также может быть представлено с опорой на выведенную ранее схему:

*Император + Возможность отдавать распоряжения +
Золотая булла как средство правового регулирования*

↓

Император должен действовать согласно Золотой булле

↓

*Денотативное значение культурно-маркированных лексических единиц
(«Kaiser» («император»), «anordnen» («отдавать распоряжения»),
«Goldene Bulle» («Золотая булла»)) +
Модальный глагол («dürfen» – «иметь право»)*

=

Лингвокультура

*«Das hätte der Kaiser laut der Goldenen Bulle gar nicht anordnen dürfen»
(«Императору не было бы дозволено отдавать подобные распоряжения
согласно Золотой Булле, но кто должен был бы ему помешать,
императорские полководцы победили в каждом сражении»)*

Таким образом, прослеживается переход от предметной области культуры, выражаемой во внеязыковых (т.е. не связанной непосредственно с языком) элементах культурного пространства, к анализируемым нами языковым единицам и лингвокультуре, что обусловлено мыслительными процессами. Принимая во внимание данную структуру лингвокультуры с опорой на теорию культурного пространства, важно отметить актуализацию многоаспектности взаимосвязи элементов культурного пространства и лексико-семантических средств его моделирования в художественном тексте. Рассмотрим далее структуру анализируемой лингвокультуры с точки зрения участия элементов культурного пространства в ее формировании:

1-й внеязыковой элемент культурного пространства (император) +
2-й внеязыковой элемент культурного пространства (возможность
отдавать распоряжения) +

3-й внеязыковой элемент культурного пространства (Золотая булла)

↓

4-й внеязыковой (когнитивный) элемент культурного пространства
(представления о подчиненности действий императора Золотой булле)

↓

1-й внутриязыковой элемент культурного пространства (денотативное
значение) + 2-й внутриязыковой элемент культурного пространства
(модальный глагол)

=

3-й внутриязыковой элемент культурного пространства (лингвокультурема)

Важно отметить, что лингвокультурема, образованная при помощи различных элементов культурного пространства, служит реализации авторского замысла, требующего помимо передачи культурно значимой информации и других, не связанных с культурой смыслов. Это, в свою очередь, требует участия в формировании структуры художественного текста других языковых средств, например, сослагательного наклонения («*hätte nicht anordnen dürfen*» – «не мог бы отдавать распоряжения»), не принимающего участия в образовании лингвокультурем и моделировании культурного пространства.

Разработанная нами схема представляет лингвокультурему как внутриязыковой многокомпонентный элемент культурного пространства, состоящий из совокупности множества внутриязыковых и внеязыковых элементов культурного пространства. Строеие лингвокультуремы с опорой на теорию о культурном пространстве обладает синтагматико-парадигматическим характером:

– синтагматический аспект лингвокультуремы обусловлен определенной последовательностью, в рамках которой из внеязыкового

элемента культурного пространства (культурно значимые объекты, явления) образуется внеязыковой когнитивный элемент культурного пространства (представление), отражающийся во внутриязыковых элементах культурного пространства (лексико-семантические средства выявления и моделирования культурного пространства);

– парадигматический аспект обуславливает вариативность элементов культурного пространства в рамках определенных подгрупп: различные культурно значимые объекты и явления представляют парадигму внеязыковых элементов моделирования культурного пространства, возможные варианты их представления отражены в парадигме внеязыковых когнитивных элементов культурного пространства, а варианты средств моделирования культурного пространства выражены парадигмой внутриязыковых элементов культурного пространства.

Подобная структура определяет многоаспектность взаимосвязи элементов культурного пространства и лексико-семантических средств его моделирования в художественном тексте. Разложение лингвокультурем на различные элементы культурного пространства способствует более точному пониманию сущности связи языка и культуры в рамках рассматриваемого нами метода анализа.

2.6 Лингвокультурологические характеристики лексико-семантических средств моделирования культурного пространства

Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства, являясь составляющими элементами языка, обладают отличительными чертами и характеристиками, выделяющими их среди других единиц лингвокультурологического анализа. Анализ эмпирического материала позволил установить определенную последовательность как для исследования культурного пространства, так и для его моделирования.

Основополагающим является отбор средств выявления элементов культурного пространства – культурно значимых лексических единиц, выступающих в качестве актуализаторов лингвокультурного потенциала лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте.

Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства обладают следующими лингвокультурологическими особенностями, выделенными нами в результате анализа эмпирического материала:

- предельность образуемых лексико-семантическими средствами лингвокультурем;
- способность к привлечению внекультурных смыслов в процессе воссоздания культурного пространства;
- предопределение систематизации элементов культурного пространства;
- способность к выявлению приоритетности элементов культурного пространства для раскрытия авторского замысла;
- возможность имплицитного и эксплицитного выражения элементов культурного пространства;
- способность к отображению внутритекстовой динамики моделирования культурного пространства.

Важной семиотической характеристикой лингвокультуремы как знака является ее предельность, т.е. способность передавать ограниченное количество как языковых, так и культурных смыслов. Так как лингвокультуреме образуют внеязыковые, когнитивные и внутриязыковые элементы культурного пространства, ее значение ограничено значениями данных единиц. Предельность значений лингвокультуремы определяет и важный признак моделируемого в тексте культурного пространства – наличие границ. Эти границы характеризуются относительностью и определяются человеком, являющимся создателем, организатором и реципиентом культуры

[Быстрова 2013]. Более того, постоянное развитие культуры регулярно увеличивает количество ее объектов, расширяя культурное пространство. Иначе обстоит дело с культурным пространством художественного текста, которое вербализует фрагмент реального культурного пространства. Поскольку лингвокультуремы обладают содержательным пределом, то моделируемое с их помощью через лексико-семантические средства культурное пространство тоже имеет свои границы. Исходя из этого, культурное пространство художественного текста ограничено совокупностью его внутриязыковых и внеязыковых элементов, использованных автором в процессе создания текста.

Заслуживает внимания и такая особенность лексико-семантических средств, как способность к использованию в процессе моделирования культурного пространства в художественном тексте информации, не связанной с предметной областью культуры. Для раскрытия данного явления обратимся к примерам: «ohne Brot muss man sterben» («без хлеба умрешь») [Kehlmann 2017, S. 136], «alle Hexen fliegen» («все ведьмы летают») [Kehlmann 2017, S. 102]. Образованные денотативным значением предложения лингвокультуремы строятся на совокупности культурно значимой и культурно незначимой информации: «Brot» («хлеб») + «sterben» («умирать»), «Hexe» («ведьма») + «fliegen» («летать»). Первый пример раскрывает особенности хлеба как элемента культурного пространства, подчеркивая его важность для человеческой жизни. Второй пример иллюстрирует способность ведьмы летать, что является важным представлением об элементе культурного пространства.

Вербализированные элементы культурного пространства служат для описания объектов, не связанных с предметной областью культуры, например: «Ihr Körper sah wie ein Beutel aus, ihr Gesicht wie aus Leder, ihr Augenpaar wie winzige schwarze Knöpfe» [Kehlmann 2017, S. 7] – «Ее тело было похоже на мешок, ее лицо – на выделанную кожу, а глаза – на крошечные черные пуговицы». Данные случаи употребления сравнения, описывая объекты

действительности, не обладающие культурной значимостью, выявляют в тексте метафоричность как когнитивный и внутриязыковой элемент культурного пространства. Восприятие окружающей действительности посредством сравнения элементов культурного пространства и предметов, не обладающих культурной значимостью, является характерным для человека. Таким образом, лексико-семантические средства привлекают внекультурные смыслы к моделированию культурного пространства с целью расширения информации о его отличительных чертах и особенностях.

Значимой характеристикой лексико-семантических средств моделирования культурного пространства является их способность к предопределению особенностей систематизации его отдельных элементов. Так, в основе выделенных нами средств лежат определенные типы взаимоотношений, которыми данные средства наделяют моделируемые в тексте элементы культурного пространства: вертикальные и горизонтальные.

Иерархически выстроенные, «вертикальные» взаимоотношения между элементами культурного пространства выявляют доминирующие и подчиненные элементы, например, «Augen wie diese mochte es in den freien Städten des Reichs geben und an den Höfen der Großen, aber noch nie war einer, der solche Augen hatte, zu uns gekommen» [Kehlmann 2017, S. 8] – «Такие глаза можно было найти в свободных городах империи и при дворах великих особ, но никто с такими глазами никогда не приходил к нам». В данном примере возвышенное положение двора («Hof» – «двор») и свободных имперских городов («freie Städte des Reichs» – «свободные города империи») по отношению к деревне («wir» – «мы», выражающее деревенских жителей) достигается при помощи противопоставления контекстными антонимами. Анализ примера свидетельствует о том, что наряду со свободными городами и дворами великих особ, в которых общественная жизнь связана с большим количеством людей (в том числе людей с выделяющимися глазами); наряду с ними существуют несвободные города, в которых общественная жизнь менее насыщена. Это делает появление незнакомца с особенными глазами

редкостью, характерной в большей степени для свободных городов, что обуславливает установление вертикальных взаимоотношений между элементами культурного пространства в художественном тексте, где один элемент («Hof» – «двор», «freie Städte des Reichs» – «свободные города империи») позиционируется выше другого («wir» – «мы») на основе какого-либо признака (например, общественная жизнь).

Одноуровневая, «горизонтальная» взаимосвязь элементов культурного пространства обозначает сопричастность объектов культурного пространства друг к другу, не выделяя при этом иерархию между ними, например: «Wenn man kurz vor Mitternacht ein Quadrat aufmalt und dazu mit etwas Blut zwei doppelte Kreise auf dem Boden zieht und dreimal den dritten der verborgenen Namen des Allmächtigen anruft, dann erscheint eine Tür, und man kann sich davonmachen» [Kehlmann 2017, S. 121] – «Если незадолго до полуночи нарисовать квадрат и начертить два двойных круга на полу небольшим количеством крови и трижды назвать третье из скрытых имён Всевышнего, то появится дверь, и вы сможете уйти». Денотативное значение предложения связывает в одну лингвокультурему, моделирующую в тексте мистический ритуал, множество культурно-маркированных лексем, обозначающих элементы культурного пространства («Quadrat» – «квадрат», «aufmalen» – «рисовать», «Kreis» – «круг», «Allmächtig» – «Всевышний» и т.д.). Однако лексико-семантические средства не выделяют иерархических особенностей, влияющих на позиционирование данных элементов, что обуславливает одноуровневую взаимосвязь элементов культурного пространства.

Отметим, что данная классификация не затрагивает обособленные средства выявления культурного пространства. Их выделение в отдельную категорию связано с тем, что моделирование культурного пространства предполагает установление взаимосвязей между его элементами, раскрытие их особенностей, отличительных черт, природы взаимоотношений и т.д. Лексико-семантические средства выявления культурного пространства,

обусловленные денотативным значением культурно-маркированных лексем, не обладают такими функциями, а лишь предваряют процесс моделирования.

Стоит обратить внимание на то, что способность к предопределению систематизации элементов культурного пространства не закреплена за конкретными средствами его моделирования. Из этого следует, что в рамках различных лингвокультурем, образованных при помощи одного и того же средства моделирования, могут проявляться как вертикально, так и горизонтально обусловленные особенности взаимоотношений между элементами культурного пространства. Сравним:

1. «Kein Ende. Claus kann nicht weitersprechen, es beschäftigt ihn zu sehr. Wie soll Zeit aufhören!» [Kehlmann 2017, S. 31] – «Никакого конца. Клаус не может продолжать, это слишком его волнует. Как должно закончиться время!» Благодаря частично культурно-маркированным лексическим единицам «Zeit» («время») и «aufhören» («заканчиваться») в тексте выявляются элементы культурного пространства: время как система измерения и представление людей о конечности явлений. Модальный глагол «sollen», обуславливающий их взаимосвязь, моделирует особенную систему отношений между данными элементами культурного пространства. Данный глагол обозначает «быть должным, быть обязанным (по чьему-либо указанию, по закону, по правилам, по обычаю, по воле судьбы и т.д.)» [Москальская 1980b]. Значение глагола, таким образом, задает некоторое правило, исходя из которого время должно закончиться. Наличие в тексте представления о данном правиле на пресуппозиционном уровне более подробно представляет культурное пространство романа Д. Кельмана «Tyll». В результате контекстуального анализа устанавливается вертикальная система взаимоотношений между «законом времени» и представлением о его конечности, которые выступают в качестве элементов культурного пространства в анализируемом тексте.

2. «Plötzlich ist es auch Claus wie ein Fehler vorgekommen: Was tu ich hier, was habe ich mit den Mehlwolken zu schaffen, was mit den stumpfsinnigen Bauern, die einen immer betrügen wollen beim Bezahlen, was mit dem begriffsstutzigen

Gesinde, das nie macht, was man ihm aufträgt?» [Kehlmann 2017, S. 54] – «Вдруг Клаусу это показалось ошибкой: что я здесь делаю, что мне делать с тучами муки, что с тупыми фермерами, которые всегда хотят обмануть вас, когда вы платите, что с глупыми крестьянами, которые никогда не делают, что им велят?» Частично культурно-маркированные лексемы «Bauer» («крестьянин») и «betrügen» («обманывать») в тексте выявляют соответственные элементы культурного пространства. Модальный глагол «wollen» («хотеть», «стремиться») имплицитно подразумевает двусторонние взаимоотношения между объектами: «желающий» и «желаемое». Так, благодаря анализу модальности в тексте обнаруживается взаимосвязь указанных элементов культурного пространства и моделируется негативный социокультурный стереотип о крестьянах. Вследствие этого в тексте устанавливается одноуровневая система взаимоотношений между элементами культурного пространства (крестьянством как сословием и способностью человека к обману), не определяющая доминирующее положение одного из них.

Анализ данных примеров свидетельствует о том, что модальность как лексико-семантическое средство моделирования культурного пространства в художественном тексте способна создавать как вертикальные, так и горизонтальные системы взаимоотношений между его элементами.

Особо значимой лингвокультурологической характеристикой лексико-семантических средств моделирования культурного пространства художественного текста является способность к идентификации приоритетности элементов культурного пространства для раскрытия авторского замысла. Данный аспект может быть изучен с опорой на приведенные далее факторы:

1. Комплекс лингвокультурем, выраженных в одном фрагменте текста разнообразными лексико-семантическими средствами моделирования культурного пространства, выявляет особую культурную значимость его элементов для раскрытия описываемых событий, способствующих экспликации авторского замысла. Рассмотрим в качестве примера следующий

отрывок из текста: «Lieber soll Agneta tot sein, lieber in der tiefsten ewigen Hölle gefangen, als plötzlich als Geist aus den Büschen zu treten» [Kehlmann 2017, S. 48] – «Лучше пусть Агнета будет мертва, лучше будет заточена в глубочайшем вечном аду, чем внезапно появится из кустов в виде призрака». На этапе выявления элементов культурного пространства при помощи денотативного значения и культурной референции в данном примере следует выделить ряд лексических единиц: «lieber» («лучше» как выражение системы ценностей), «Hölle» («ад»), «fangen» («ловить», «пленить», «заточить»), «Geist» («призрак»). Данные лексемы выявляют в тексте соответствующие им элементы культурного пространства. При помощи различных лексико-семантических средств нами было смоделировано культурное пространство на основе описанных элементов. С одной стороны, эпитеты «(der) tiefste» («глубочайший») и «(der) ewige» («вечный») раскрывают черты ада как элемента культурного пространства. При этом важную роль играет и пресуппозиция, на уровне которой формируется информация о многоуровневой системе ада: наличие глубочайшего предполагает наличие и менее глубокого уровня, что вновь раскрывает особенности выявленного элемента культурного пространства. Анализируемая лингвокультура раскрывает особенности представления о строении ада и создает аллюзию на прецедентный текст «Божественная комедия», написанный Данте Алигьери. С другой стороны, наличие в примере сравнения («lieber..., als...» – «лучше..., чем...») свидетельствует об определенной равнозначности сравниваемых явлений в плане восприятия персонажем описываемой ситуации: Агнета (мать главного героя) мертва, Агнета в глубочайшем вечном аду, призрак Агнеты появляется из-за кустов. Создаваемый эффект градации выявляет отношение к смерти, с одной стороны, и свидетельствует о распространенных суевериях о призраках – с другой. Таким образом, благодаря комплексу лингвокультурем формируются различные культурно значимые смыслы, раскрывающие особенности авторского замысла.

2. Многократная вербализация одного элемента культурного пространства различными лексико-семантическими средствами моделирования на протяжении всего художественного текста также выражает ее значимость для авторского замысла. Например, культурно значимая лексическая единица «Stadt» («город») встречается в романе Д. Кельмана «Tyll» 50 раз. Данная лингвокультурема содержит в себе информацию, связанную с образом городской жизни, градостроительством, бытом, которые значительно отличаются от образа жизни в деревне. Частотность ее употребления придает лингвокультуреме суггестивный характер, позволяющей ей стать определенным культурно обусловленным фоном художественного текста. При этом различные примеры употребления лингвокультуремы «Stadt» в романе раскрывают ее дополнительные детали как элемента культурного пространства. Проиллюстрируем это примерами:

– «Ihr Dialekt klang nach dem Süden, nach den großen Städten Bayerns, und war nicht leicht zu verstehen» [Kehlmann 2017, S. 8] – «Ее диалект отдавал югом, большими городами Баварии, и его было нелегко понять». Связь эпитета «groß» («большой») и компонента пресуппозиции лексем «groß» («большой») и «Stadt» («город») в данном предложении моделирует наличие как больших, так и маленьких баварских городов в рамках культурного пространства анализируемого художественного текста.

– «Als die Stadt gefallen ist, haben wir alles genommen, alles verbrannt, alle getötet» [Kehlmann 2017, S. 327] – «Когда город пал, мы все забрали, все сожгли, всех убили». При помощи пресуппозиции, основанной на денотативном значении лексических единиц («fallen» – «падать», «Stadt» – «город», «nehmen» – «брать», «verbrennen» – «сжигать», «töten» – «убивать»), в данном предложении устанавливается взаимосвязь между падением города и его разграблением. Таким образом в тексте представлена важная культурно обусловленная черта города как элемента культурного пространства: город может быть разграблен в случае поражения в ходе военных действий. Взаимосвязь между ведением войны и городской жизнью, выраженная

языковыми средствами, обуславливает моделирование культурного пространства художественного текста.

– «Oder aber Pirmin wird betteln müssen, vor der Mauer von Nürnberg, Augsburg oder München, denn ins Innere der Städte lässt man Bettler nicht» [Kehlmann 2017, S. 273] – «Или Пирмину придется просить милостыню перед крепостной стеной в Нюрнберге, Аугсбурге или Мюнхене, потому что нищих не пускают в город». Денотативное значение данного предложения моделирует культурно значимую ситуацию, согласно которой нищих не пускали в крупные города, что является важным элементом культурного пространства.

Данные примеры отражают важные культурно значимые черты города как элемента культурного пространства, связанные с лингвокультурологическими полями «война», «социальные отношения», «политическое устройство». Однако моделирование различных особенностей одного и того же элемента культурного пространства в художественном тексте возможно также при помощи различных случаев вербализации одного и того же лексико-семантического средства:

1. «Man kann nicht einfach den Knecht mit dem Mehl losschicken, denn der könnte sich damit auf Nimmerwiedersehen davonmachen» [Kehlmann 2017, S. 40] – «Никто не может просто отослать с мукой слугу, потому что он может сбежать с ней и его больше никто не увидит». Выявляемые элементы культурного пространства («Knecht» – «слуга», «Mehl» – «мука», «losschicken» – «отсылать») связаны друг с другом «вертикально» при помощи модального глагола «können» («мочь»), что в совокупности с денотативным значением предложения обуславливает моделирование социокультурного стереотипа о слугах и воровстве.

2. «Einem Knecht darf man nie über den Weg trauen» [Kehlmann 2017, S. 40] – «Слуге никогда нельзя доверять». Элементы культурного пространства «Knecht» («слуга») и «trauen» («доверять») образуют лингвокультурему при помощи модальности глагола «dürfen» («быть

должным»), передавая тот же социокультурный стереотип о непорядочности слуг, но при помощи другого модального глагола.

Анализ примеров доказал, что различные как по виду (например, модальность, лексические средства художественной выразительности), так и по подвиду (модальные глаголы, выражающие желание, необходимость или возможность) лексико-семантические средства моделирования культурного пространства играют важную роль в отражении авторского замысла художественного текста.

Значимым для исследования культурного пространства в художественном тексте является многообразие возможных способов вербализации одного и того же культурно значимого элемента. Рассмотрим в качестве примера вербализацию прецедентных текстов как элементов культурного пространства. Анализ исследуемого материала показал, что прецедентные тексты, выраженные лингвокультурами, могут быть вербализованы имплицитно или эксплицитно. Эксплицитная вербализация прецедентных текстов связана с денотативным значением лексических единиц. Денотативное значение языковых единиц при этом обуславливает выявление прецедентных текстов как элементов культурного пространства в художественном тексте. Так, например, упомянутые названия «Simplicissimus», «Goldene Bulle» и «Musurgia universalis» выявляют наличие данных произведений литературы в культурном пространстве в анализируемом историческом романе. Особый интерес для дальнейшего исследования данных лингвокультурем связан с их контекстуальным анализом. Совокупность данных лингвокультурем и других лексико-семантических средств способствует моделированию культурного пространства в художественном тексте:

1. «In einem beliebten Roman fand er eine Beschreibung, die ihm gefiel, und wenn Menschen ihn drängten, die letzte Feldschlacht des großen deutschen Krieges zu schildern, so sagte er ihnen das, was er in Grimmelshausens Simplicissimus gelesen hatte. <...> Was der dicke Graf nicht wissen konnte, war aber, dass

Grimmelshausen die Schlacht von Wittstock zwar selbst erlebt, aber ebenfalls nicht hatte beschreiben können und stattdessen die Sätze eines von Martin Opitz übersetzten englischen Romans gestohlen hatte, dessen Autor nie im Leben bei einer Schlacht dabei gewesen war» [Kehlmann 2017, S. 180] – «В одном популярном романе он нашел описание, которое ему понравилось, и когда люди попросили его описать последнее полевое сражение великой германской войны, он рассказал им то, что прочитал в «Симплициссимусе» Гриммельсгаузена. <...> Однако толстый граф не мог знать, что Гриммельсгаузен сам пережил битву при Виттштоке, но не смог ее описать и вместо этого украл фразы из английского романа, переведенного Мартином Опицем, автор которого никогда в жизни не присутствовал ни на одном сражении». В качестве лингвокультуры, выявляющих соответственные элементы культурного пространства в данном фрагменте, можно выделить «Simplicissimus» («Симплициссимус»), «Grimmelshausen» («Гриммельсгаузен»), «die Schlacht von Wittstock» («битва при Виттштоке»), «Martin Opitz» («Мартин Опиц»), «übersetzten» («переводить»), «stehlen» («красть»), «Autor» («автор») и пр. Контекстуальный анализ комплексной лингвокультуры, выражающей прецедентный текст, с опорой на семантические и логические взаимосвязи между лексическими единицами позволяет выделить гиперо-гипонимические отношения в данном фрагменте текста. В качестве гиперонима при этом будут рассматриваться «предпосылки возникновения произведения («Симплициссимус»)». Гипонимами по отношению к данной лингвокультуре будут являться такие словосочетания, как «Grimmelshausen erlebt die Schlacht von Wittstock» («Гриммельсгаузен пережил битву при Виттштоке»), «Grimmelshausen hatte sie nicht beschreiben können» («Гриммельсгаузен не смог ее описать»), «Grimmelshausen hatte die Sätze eines von Martin Opitz übersetzten englischen Romans gestohlen» («Гриммельсгаузен украл фразы из романа, переведенного Мартином Опицем»). Таким образом, благодаря гипонимизации устанавливается взаимосвязь между прецедентным текстом и различными событиями, способствующими его появлению. Данная

взаимосвязь обуславливает моделирование культурного пространства в художественном тексте.

2. «Ich darf voraussetzen, dass die Herren mein Buch *Musurgia universalis* studiert haben? <...> Es ist ein wichtiges Werk. Nicht mein wichtigstes, aber sehr wichtig zweifellos» [Kehlmann 2017, S. 285] – «Я могу предположить, что господа изучали мою книгу «Всеобщая музургия»? <...> Это важная работа. Не самая важная, но, несомненно, очень важная». В данном примере благодаря денотативному значению лексических единиц «Buch» («книга»), «*Musurgia universalis*» («Всеобщая музургия») и «Werk» («работа»), в анализируемом тексте выявляются соответствующие элементы культурного пространства. Эти лингвокультуемы являются контекстуальными синонимами, поскольку все они имеют один и тот же контекстуальный денотат – прецедентный текст «Всеобщая музургия» Афанасия Кирхера. Контекстуальный анализ этих синонимов позволяет выявить эпитеты как средство моделирования культурного пространства в художественном тексте. Прилагательные «wichtiges» («важная») и «nicht (mein) wichtigstes» «не самая (моя) важная» в роли эпитетов обуславливают наличие других произведений данного автора: пресуппозиция в романе передает позиционирование этого прецедентного текста среди других произведений автора (менее важных и более важных), что устанавливает особые отношения между ними и моделирует культурное пространство в романе «Tyll». Особое положение этого прецедентного текста среди других усиливается интенсификацией наречия «sehr» (очень) и модального слова «zweifellos» («несомненно»).

Таким образом, эксплицитная вербализация прецедентных текстов позволяет выявить лингвокультуемы, которые могут сочетаться с различными языковыми средствами и моделировать культурное пространство в литературном тексте.

Имплицитная форма вербализации прецедентных текстов создает лингвокультуемы на уровне словосочетаний, предложений и более крупных фрагментов текста. Такие лингвокультуемы обычно имеют сложную

структуру, в которой стилистические и парадигматические языковые средства играют важную роль в моделировании культурного пространства в художественном тексте.

К стилистическим средствам, вербализующим прецедентные тексты и моделирующим культурное пространство в художественном тексте, относятся лексические средства художественной выразительности. Наиболее распространенным из них является аллюзия (23 случая), например: «Sogar zu uns kamen Flugschriften. <...> Sie handelten vom Schiff der Narren...» [Kehlmann 2017, S. 7] – «Даже к нам приходили листовки. <...> В них речь шла о корабле дураков...». В тексте частично культурно-маркированные лексемы «корабль» и «дураки» раскрывают соответствующие элементы культурного пространства – корабль как вид водного транспорта и оценку мыслительных способностей человека. Однако сочетание этих лексических единиц создает аллюзию на актуальное для описываемой эпохи произведение – прецедентный текст «Narrenschiff» («Корабль дураков») Себастьяна Брандта, что расширяет культурное пространство романа.

Аллюзии, вербализующие прецедентные тексты как элементы культурного пространства, могут являться отсылками и к другим прецедентным феноменам, например: «Dann führten die King's Men ein Theaterstück auf, das der Prinzipal eigens für den Anlass geschrieben hatte. Es handelte von einem Schottenkönig, den ein Schurke tötet, ein Mann mit schwarzer Seele, angetrieben von Hexen, die lügen, indem sie die Wahrheit sagen. Ein schwarzes Stück war es, voller Feuer und Blut und Teufelskraft, und als es zu Ende war, wusste sie, dass sie es nie wieder sehen wollte, obgleich es vielleicht das beste Stück ihres Lebens gewesen war» [Kehlmann 2017, S. 201] – «Затем «King's Men» исполнили пьесу, которую их руководитель написал специально для этого случая. Речь шла о шотландском короле, которого убил злодей, человек с черной душой, ведомый ведьмами, которые лгут, говоря правду. Это была черная пьеса, полная огня, крови и дьявольской силы, и когда пьеса закончилась, она поняла, что больше никогда не захочет ее смотреть, хотя,

возможно, это была лучшая пьеса в ее жизни». Денотативное значение лексических единиц, составляющих данный фрагмент текста («Theaterstück» – «пьеса», «Schottenkönig» – «шотландский король», «angetrieben von Hexen» – «ведомый ведьмами» и пр.), создает аллюзию на прецедентный текст «Макбет» – трагедию Уильяма Шекспира. Эта аллюзия усиливается упоминанием театральной труппы «King's Men», к которой принадлежал великий английский поэт и драматург. Таким образом, аллюзия на прецедентный текст усиливается другим прецедентным феноменом, культурно связанным с этим текстом.

Другие стилистические средства моделирования культурного пространства демонстрируют схожие с аллюзиями особенности вербализации прецедентных текстов как культурно значимых элементов в художественном тексте, например: «Zeit vergeht, und als mehr Zeit vergangen ist und sie schon nicht mehr die Luft anhalten können und vorsichtig wieder Atemzüge machen, ist es immer noch so dunkel, als hätte Gott alles Licht der Welt ausgelöscht» [Kehlmann 2017, S. 318] – «Время идет, и когда проходит еще больше времени, и они уже не могут больше задерживать дыхание и осторожно делают еще один вдох, все так же темно, как если бы Бог погасил весь свет в мире». В этом примере Бог представлен как элемент культурного пространства через денотативное значение лексемы. Сравнение, в котором используется эта лексема, описывает возможности Бога, что устанавливает связь с Библией как прецедентным текстом. Через сравнение вербализуется прецедентный текст и расширяется культурное пространство романа.

Таким образом, стилистические средства моделирования культурного пространства в художественном тексте имплицитно вербализуют прецедентные тексты и раскрывают характер отношений между культурно значимыми элементами. Аналогично процесс вербализации элементов культурного пространства осуществляется при помощи парадигматических средств моделирования культурного пространства. Рассмотрим особенности имплицитного выражения прецедентных текстов на примере контекстуальных

гипонимов. В рамках анализа культурного пространства контекстуальные гипонимы определяют принадлежность элементов культурного пространства к определенной подгруппе, которая может выражать прецедентный текст:

1. «Morpheus, freundlicher Gott der Ruhe, Friedenschenker, Freudenstifter, seliger Hüter des nächtlichen Vergessens, in dieser Nacht, da ich dich nötiger brauchte denn je, warst du für mich da, bis ich erwachte – verjüngt, glücklich, beinahe gesegnet» [Kehlmann, 2017, S. 168] – «Морфей, дружелюбный бог покоя, дарящий мир, созидатель радости, благословенный хранитель ночного забвения, в эту ночь, когда я нуждался в тебе как никогда, ты был рядом со мной, пока я не проснулся – помолодевший, счастливый, почти блаженный». В данном примере лексема «Morpheus» («Морфей») функционирует как гипоним, гиперонимом которого является греческий миф о Морфее как прецедентный феномен.

2. «Sie handelten vom <...> Doktor Faust» [Kehlmann 2017, S. 7] – «В них речь шла о <...> докторе Фаусте». Образ доктора Фауста, выраженный лексическими единицами, функционирует как гипоним. Народные легенды о докторе Фаусте в данном контексте выступают в качестве гиперонима.

3. «Zweimal getauft, sagt Agneta wieder» [Kehlmann 2017, S. 37] – «Дважды крещенный, снова говорит Агнета». Прецедентное высказывание «дважды крещенный», принадлежащее персонажу Агнеты, происходит из сказания о Тиле Уленшпигеле. При этом сказания рассматриваются нами как прецедентный феномен.

Эти примеры не только выявляют различные прецедентные феномены в тексте, но и расширяют культурное пространство, имплицитно вербализуя прецедентные тексты посредством гипонимизации.

Из этого следует, что прецедентные тексты могут быть имплицитно или эксплицитно вербализованы как элементы культурного пространства в художественном тексте. Если имплицитная вербализация прецедентных текстов выявляет элементы культурного пространства художественного текста, то эксплицитная вербализация обуславливает его моделирование.

Особенности черт элементов культурного пространства, однако, могут варьироваться в зависимости от культурной специфики того или иного элемента либо авторского замысла. Рассмотрим явление внутритекстовой динамики моделирования элементов культурного пространства на примере вербализации образа короля Фридриха V, именуемого также «Зимним королем»:

1) «Er sang eine Spottballade über den armen dummen Winterkönig, den Pfälzer Kurfürsten, der gemeint hatte, er könne den Kaiser besiegen» [Kehlmann 2017, S. 11] – «Он пел насмешливую балладу о бедном глупом зимнем короле, курфюрсте Пфальца, который думал, что сможет победить императора»;

2) «Für Winterkönige und Kaiser gibt es Rosenwasser und Wein, aber einfache Menschen trinken Milch und Dünnbier, von ihrem ersten Tag an bis zum Letzten» [Kehlmann 2017, S. 69] – «Для зимних королей и императоров есть розовая вода и вино, но простые люди пьют молоко и жидкое пиво с первого до последнего дня»;

3) «Hinter ihr spricht der Erzähler von der Flucht des Winterkönigs aus der brennenden Stadt – nun fällt er Europas protestantischen Fürsten zur Last, zieht mit seinem albernen Hofstaat durchs Land, trägt noch Purpur, als wäre er einer der Großen, aber die Kinder lachen über ihn, und die weisen Männer vergießen Tränen, weil sie in ihm die Hinfälligkeit aller Größe sehen» [Kehlmann 2017, S. 145] – «За ее спиной рассказчик повествует о побеге Зимнего короля из горящего города – теперь он является обузой для европейских протестантских принцев, бродит по стране со своим несуразным двором, все еще носит пурпур, как если бы он был одной из великих особ, но дети смеются над ним, а мудрецы проливают слезы, потому что видят в нем хрупкость всякого величия»;

4) «...Aber die Spanier waren skeptisch geblieben, und auf einmal war nur mehr der deutsche Kurprinz Friedrich mit der großen Zukunft übrig gewesen» [Kehlmann 2017, S. 193] – «...но испанцы остались скептически настроены, и внезапно остался только немецкий курфюрст принц Фридрих с великим будущим».

При помощи разнообразных лексико-семантических средств в данном тексте передается ряд культурных особенностей эпохи, связанных с личностью Фридриха V. Зимний король как историческая личность и элемент культурного пространства в данных отрывках изображается:

– бедным («arm») и глупым («dumm») при помощи коннотативного значения эпитетов (в примере 1);

– возвышенной особой, не простым человеком с помощью анализа противопоставления («einfache Menschen» («простые люди») – «Winterkönige und Kaiser» («зимние короли и император»)) (в примере 2);

– обузой, что передается благодаря денотативному значению лексемы «Last» («обуза») (в примере 3);

– человеком с большим потенциалом, что выявляется при помощи анализа эпитета с положительной коннотацией «groß» («великий») и частично культурно-маркированной лексемы «Zukunft» («будущее») (в примере 4).

Анализ особенностей моделирования культурного пространства в данных примерах показывает наличие как положительных коннотаций (примеры 2 и 4), связанных с положительными чертами элемента культурного пространства, так и отрицательных (примеры 1 и 3), определяющих его негативные стороны. Наличие диаметрально противоположных по восприятию характеристик культурно значимого объекта, которые обусловлены авторским замыслом и реальными культурно-историческими факторами, создает внутритекстовую динамику моделирования культурного пространства.

Более распространенным для моделирования культурного пространства является статичное изображение элементов культурного пространства, неподверженное внутритекстовым изменениям. Так, например, главный персонаж Тиль Уленшпигель, связанный как с прецедентным именем, так и с рядом посвященных ему прецедентных текстов, в разных фрагментах текста описывается эпитетами «berühmt» («известный»), «lächelnd» («улыбающийся»), «frei» («свободный»), «gesprächig» («разговорчивый»),

«fresch» («наглый»), «laut» («громкий»). Данные эпитеты моделируют сложившийся в литературной, культурной и исторической традиции образ Тиля Уленшпигеля как элемента культурного пространства, неизменный на протяжении всего текста.

Таким образом, приведенные нами лингвокультурологические характеристики лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте свидетельствуют об их специфике, раскрывая их особое значение для анализа его разноуровневых языковых единиц (семантических, лексических, текстовых) и для проявляющейся в тексте культуры.

Выводы к главе 2

Система лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте образует важную основу для анализа культурно значимой информации, имплицированной в составляющих художественный текст единицах. Исследование лексико-семантических средств позволило не только раскрыть их роль в передаче культурно значимой информации посредством отображения культурного пространства, но и установить этапы моделирования культурного пространства как метода лингвокультурологического анализа.

Важным этапом моделирования культурного пространства является отбор лексических единиц, выявляющих его элементы в тексте. Отбор языкового материала осуществляется на основе полной и частичной культурной референции, обуславливающей выделение культурно-маркированных и частично культурно-маркированных языковых единиц. Обладая самостоятельностью, они играют основополагающую роль в ходе дальнейшего моделирования культурного пространства. При анализе денотативного значения отобранных лексем особого внимания требуют образуемые ими лингвокультурологические поля, позволяющие выявить в тексте те или иные предметные области культуры, а также прецедентные лингвокультурные феномены.

Выделение лексико-семантических средств базируется на контекстуальном анализе культурно-маркированных и частично культурно-маркированных единиц. Исходя из анализа лингвистических особенностей моделирования культурного пространства, отобранные нами лексико-семантические средства, образующие лингвокультуремы, подразделяются нами на внутрилексемные и межлексемные. В качестве внутрилексемных средств нами выделены денотативный аспект предложения, пресуппозиция, коннотативное значение лексемы и модальность. К межлексемным средствам моделирования культурного пространства отнесены парадигматические,

включающие контекстную синонимию, антонимию и гипонимию, и стилистические, т.е. лексические средства художественной выразительности.

Обособление данных средств моделирования культурного пространства требует контекстуального анализа, определяющего особенности участия отобранных лексико-семантических средств в процессе отображения культурного пространства в художественном тексте.

Лексико-семантические средства моделирования, образуя лингвокультураемы, обладают важной способностью систематизировать элементы культурного пространства, образуя вертикальную или горизонтальную взаимосвязь между лингвокультураемами. Более того, сама лингвокультураема рассмотрена нами как совокупность внеязыковых, когнитивных и внутриязыковых элементов культурного пространства. Лингвокультурный предел лингвокультураемы, таким образом, ограничен смысловым, культурным и языковым содержанием данных элементов, что ограничивает и моделируемое в тексте культурное пространство. Особые взаимосвязи лингвокультурем выявляют наиболее приоритетные для реализации авторского замысла элементы культурного пространства и способны отражать подчиненную ей внутритекстовую динамику моделирования. При этом одни и те же элементы могут быть вербализованы как эксплицитно, так и имплицитно.

Результатом моделирования культурного пространства является система культурно значимых знаний, отражающих область реального культурного пространства, важную для раскрытия авторского замысла в произведении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурное пространство как совокупность культурно значимых объектов и явлений тесно связано с языком и его единицами. Различные лексико-семантические средства, представляя сложные внутриязыковые элементы культурного пространства, выявляют, связывают и группируют многообразные вербализованные составляющие реального культурного пространства в художественном тексте. В совокупности с денотативным аспектом значения культурно-маркированных лексических единиц лексико-семантические средства моделирования культурного пространства образуют единицы лингвокультурологического анализа – лингвокультуремы.

Модель культурного пространства романа Д. Кельмана «Тулл», представляет собой релевантный для авторского замысла фрагмент реального культурного пространства, созданного посредством многообразия комбинаций культурных и языковых смыслов. Эти смыслы представлены вербализованными культурно значимыми объектами и языковыми средствами как внеязыковыми и внутриязыковыми элементами культурного пространства. Процесс моделирования культурного пространства в романе базируется на основе анализа лексико-семантических средств, образующих лингвокультуремы и включает три этапа: выявление элементов культурного пространства в тексте; установление взаимосвязи между элементами культурного пространства в тексте; описание культурно значимых особенностей данных элементов. Поэтапный анализ эмпирического материала позволил разделить причастные к моделированию культурного пространства лексико-семантические средства на единицы выявления культурно значимых элементов и средства моделирования.

Важным вектором для раскрытия культурно значимой информации является денотативный аспект значения лексем, определяющий степень их культурной маркированности и обуславливающий процесс культурной референции. Благодаря денотативному значению единицы выявления

культурно значимых элементов способны самостоятельно (т.е. без взаимосвязи с другими языковыми средствами) принимать участие в моделировании культурного пространства. Их исключительная роль в данном процессе подтверждается и статусом лингвистического актуализатора, при помощи которого в контексте раскрывается лингвокультурный потенциал лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте. Совокупность денотативных компонентов лексических единиц создает в тексте ядро культурного пространства, дополняемое впоследствии различными характеристиками за счет примыкающих к данному ядру лексико-семантических средств моделирования.

Разделение лексико-семантических средств на внутрилексемные и межлексемные обозначает природу лингвистического явления, находящегося в основе образуемой им лингвокультуремы. К внутрилексемным средствам моделирования среди отобранных в ходе анализа романа Д. Кельмана «Тулл» нами были отнесены денотативный аспект предложения, пресуппозиция, коннотативное значение лексемы, модальность. Межлексемные средства моделирования культурного пространства разделены нами на парадигматические, к которым относятся контекстная синонимия, антонимия и гипонимия, и стилистические, включающие все многообразие лексических средств художественной выразительности.

Этапы моделирования культурного пространства соотносятся с определенными лингвистическими особенностями, свойственными каждому из них в отдельности. Денотативный аспект значения лексических единиц выявления культурно значимых элементов, обусловленный прямой культурной референцией, формирует эксплицитный уровень моделирования. Внутрилексемные и межлексемные средства, в свою очередь, образуют имплицитный уровень моделирования культурного пространства.

Подобно разделению процесса моделирования культурного пространства на этапы и группированию лексико-семантических средств,

обуславливающих данный процесс, неоднородно и само культурное пространство художественного текста. Поскольку лингвокультурема имеет определенный предел своего лингвокультурного значения, их совокупность формирует границы культурного пространства, очерчивая фрагмент изображаемого автором реального культурного пространства. Кроме того, различные средства моделирования предопределяют позиционирование составляющих элементов культурного пространства, обуславливая их равноправные (горизонтальные) или иерархически выстроенные (вертикальные) взаимоотношения.

Лексико-семантические средства моделирования культурного пространства образуют языковую составляющую лингвокультуремы, при этом они обладают рядом лингвистических и лингвокультурологических характеристик, главной из которых является подчиненность авторскому замыслу. Благодаря этому, многообразие лексико-семантических средств моделирования позволяет идентифицировать наиболее приоритетные для повествования элементы с опорой на: 1) выявление комплекса лингвокультурем в определенном фрагменте текста; 2) анализ многократной вербализации элемента культурного пространства различными средствами на протяжении всего текста.

Особая связь между культурным пространством и языковыми средствами его передачи обеспечивается многоаспектностью лексико-семантических средств, которые, в силу принадлежности языка к культуре также являются элементами культурного пространства. При этом лингвокультурема рассматривается нами как средство вербализации внеязыкового элемента культурного пространства, выраженное при помощи внутриязыкового элемента культурного пространства.

Таким образом, моделирование культурного пространства, опирающееся на анализ составляющих художественный текст единиц и их компонентов, представляет собой сложный процесс, требующий учета ряда факторов. Использование термина «культурное пространство» при

исследовании передаваемой художественным текстом культурно значимой информации позволяет осуществить лингвокультурологический анализ. Привлечение метода моделирования способствует выделению вербализованного фрагмента реального культурного пространства, релевантного как для исследования авторского замысла и коммуникативной задачи художественного текста, так и для изучения культуры и ее аспектов, находящих отражение в языке.

Предложенный в ходе исследования лингвокультурологический анализ лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в перспективе может быть использован при изучении аспектов связи языка и культуры на материале других текстов. Разработанная в рамках нашего исследования классификация лексико-семантических средств моделирования культурного пространства в художественном тексте может быть расширена с опорой на теорию грамматики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Е.Н. К вопросу о лексико-семантических объединениях слов в современном языкознании [Электронный ресурс] / Е.Н. Абрамова // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2011. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-leksiko-semanticheskikh-obedineniyah-slov-v-sovremennom-yazykoznanii> (дата обращения: 13.07.2021).
2. Аверьянова, И.Е. К определению понятия культурно-окрашенной лексики / И.Е. Аверьянова // Языковая норма и вариативность. – 1981. – С. 10–19.
3. Алефиренко, Н.Ф. Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.
4. Алимуратов, О.А. Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций / О.А. Алимуратов. – Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011a. – 316 с.
5. Алимуратов, О.А. Семантический анализ лексического корпуса: некоторые уточнения процедуры [Электронный ресурс] / О.А. Алимуратов, О.В. Чурсин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011b. – №13. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskii-analiz-leksicheskogo-korpusa-nekotorye-utochneniya-protsedury> (дата обращения: 13.07.2021).
6. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян // Языки русской культуры. Избранные труды. – М.: Школа, 1995a. – Т. 2. – 767 с.
7. Апресян, Ю.Д. К построению языка для описания синтаксических свойств речи / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973. – С. 279–325.
8. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995b. – № 1. – С. 42–53.

9. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд; науч. ред. П.Е. Бухаркин. – 4-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 448 с.
10. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
11. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
13. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2018. – 576 с.
14. Балакина, А.А. Модальные глаголы немецкого языка: от этимологии к прагматике [Электронный ресурс] / А.А. Балакина // Язык и культура. – 2011. – №4 (16). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnye-glagoly-nemetskogo-yazyka-ot-etimologii-k-pragmatike> (дата обращения: 07.07.2021).
15. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
16. Баранов, А.Н. Что нас убеждает? Речевое воздействие и общественное сознание / А.Н. Баранов. – М.: Знание, 1990. – 64 с.
17. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975а. – С. 504.
18. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975b. – С. 234–407.
19. Беликов, С.В. Прецедентные слова как способ компрессии информации в художественном тексте / С.В. Беликов // Университетские чтения – 2016: материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2016. – С. 16–21.

20. Белоусов, К.И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности [Электронный ресурс] / К.И. Белоусов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – №11 (117). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelnaya-lingvistika-i-problemy-modelirovaniya-yazykovoy-realnosti> (дата обращения: 13.01.2021).
21. Бельчиков, Ю.А. К определению понятия «культура» / Ю.А. Бельчиков // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 346–350.
22. Белянин, В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 226 с.
23. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Уральский ун-т, 2000. – 532 с.
24. Библер, В.С. Культура. Диалог культур / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 33–35.
25. Богуславская, В.В. Моделирование текста: лингво-социокультурная концепция: Анализ журналистских текстов / В.В. Богуславская. – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.
26. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Общее языкознание. Избранные труды / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Юрайт, 2017. – 343 с.
27. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 123 с.
28. Болотнова, Н.С. Коммуникативная лингвистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта, 2009. – 384 с.
29. Болотнова, Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и коммуникативный анализ единиц лексического уровня / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. – 312 с.
30. Брандес, М.П. Стилистика немецкого языка / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с.

31. Букин, А.Г. Культурное пространство и пространства культур: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.Г. Букин. – Чита, 2006. – 22 с.
32. Бутенко, Е.Ю. Базовые единицы лингвокультурологии [Электронный ресурс] / Е.Ю. Бутенко // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2008. – №26. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-edinitsy-lingvokulturologii> (дата обращения: 15.05.2020).
33. Буянова, Л.Ю. Континуальность семантики художественного текста как отражение когнитивной базы автора / Буянова Л.Ю. // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы VI Междунар. науч. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. – С. 15–17.
34. Буянова, Л.Ю. Семиотика художественного текста: культурогенность, когнитивность, эстетичность / Л.Ю. Буянова // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения: материалы XII межвуз. науч.-практ. конф. молодых ученых. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – С. 21–24.
35. Быстрова, А.Н. Модель и границы культурного пространства [Электронный ресурс] / А.Н. Быстрова // Идеи и идеалы. – 2013. – №2 (16). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-i-granitsy-kulturnogo-prostranstva> (дата обращения: 09.07.2020).
36. Быстрова, А.Н. Структура культурного пространства: дис. ... д-ра филос. наук / А.Н. Быстрова. Томск, 2004. – 407 с.
37. Веденина, Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова / Л.Г. Веденина // Иностранные языки в школе. – 1997. – №3. – С. 72–76.
38. Верещагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.
39. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

40. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 405 с.
41. Вилюман, В.Г. Английская синонимика (введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов) / В.Г. Вилюман. – М.: Высшая школа, 1980. – 180 с.
42. Винокур, Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика / Г.О. Винокур. – М.: Наука, 1990. – 452 с.
43. Волков, А.А. Курс русской риторики / А.А. Волков. – М.: Изд-во храма Св. мц. Татианы, 2001. – 480 с.
44. Воркачев, С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 76–83.
45. Воркачев, С.Г. *Singularia tantum*: идеологема «народ» в русской лингвокультуре: монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2013. – 254 с.
46. Воробьев, В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии / В.В. Воробьев. – М.: ИРЯП, 1994. – 75 с.
47. Воробьев, В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во УМУ РУДН, 1996а. – 170 с.
48. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: Теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
49. Воробьев, В.В. О статусе лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ (Братислава 1999): доклады и сообщения российских ученых. – М.: Междунар. ассоц. преподавателей рус. яз. и лит., 1999. – С. 96–117.
50. Воробьев, В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Воробьев. – М., 1996б. – 395 с.

51. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
52. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: URSS, 2007. – 148 с.
53. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
54. Германия: лингвострановедческий словарь / Н.В. Муравлёва, Е.Н. Муравлёва, Т.Ю. Назарова и др. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 991 с.
55. Гиниятова, Е.В. Реклама в коммуникативном процессе / Е.В. Гиниятова. – Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2009. – 77 с.
56. Глухов, В.П. Основы психолингвистики / В.П. Глухов. – М.: Высшая школа, 2005. – 351 с.
57. Горбатовский, А.С. Коннотативный аспект национально-культурных стереотипов в художественном тексте / А.С. Горбатовский // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 29–37.
58. Горбатовский, А.С. Национально-культурные стереотипы как средство моделирования дихотомии «свой – чужой» в художественном тексте / А.С. Горбатовский // Германистика в современном научном пространстве: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – С. 46–52.
59. Горбатовский, А.С. К вопросу о месте концепта «культурное пространство» в лингвокультурологических исследованиях / А.С. Горбатовский, М.А. Олейник // Филология в контексте коммуникации и современной культуры: материалы Междунар. филол. конгресса. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – Т. 1. – С. 28–35.
60. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2008. – 320 с.
61. Городецкий, Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 564 с.

62. Горшков, А.И. Лекции по русской стилистике / А.И. Горшков. – М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2000. – 269 с.
63. Гудкова, И.Н. Культурное пространство Республики Бурятия как полиэтнического региона / И.Н. Гудкова, Е.Т. Цыinguнова // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – №4. – С. 61–67.
64. Гулыга, Е.В. Сложноподчиненное предложение и денотативный аспект / Е.В. Гулыга // Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика: сб. науч. тр. – Подольск: Периодика, 1977. Вып. 112. – С. 51–60.
65. Гуревич, П.С. Философия культуры / П.С. Гуревич. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 286 с.
66. Давыдова, С.А. Культурно-маркированная лексика как отражение национальной самобытности культуры [Электронный ресурс] / С.А. Давыдова, А.И. Литвинчук. // Международный научный журнал. 2017. Сер. №5 (11): Филология. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/182745> (дата обращения: 01.05.2020).
67. Девкин, В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
68. Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисова. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
69. Диброва, Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / Е.И. Диброва: в 3 ч. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – Ч. 1. – 416 с.
70. Диброва, Е.И. Художественный текст: структура, содержание, смысл: избранные работы / Е.И. Диброва. – М.: ТВТ Дивизион, 2008. – Т. 1. – 430 с.
71. Домашнев, А.И. Интерпретация художественного текста. / А.И. Домашнева – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.
72. Дорофеева, И.В. Моделирование в лингвистике / И.В. Дорофеева // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы

XIV Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 т. – Т. 3: Гуманитарные и социальные науки, образование. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2017. – С. 238–244.

73. Дорофеева, И.В. Общенаучный метод моделирования и специфика его применения в лингвистике [Электронный ресурс] / И.В. Дорофеева // Вестник Московской международной академии. – 2015. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschenauchnyy-metod-modelirovaniya-i-spetsifika-ego-primeneniya-v-lingvistike> (дата обращения: 14.05.2021).

74. Ейгер, Г.В. К построению типологии текстов / Г.В. Ейгер, В.Л. Юхт // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. – Ч. 1. – С. 103–109.

75. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

76. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: Изд-во МИРС, 2009. – 291 с.

77. Иванова, С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дис. ... д-ра. филол. наук / С.В. Иванова. – Уфа, 2003. – 335 с.

78. Ивлева, А.Ю. Культурное пространство художественного текста: от символа-предела к символу-образу: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А.Ю. Ивлева. – Саранск, 2009. – 38 с.

79. Ивлева, А.Ю. Смыслопорождение культурного пространства художественного текста [Электронный ресурс] / А.Ю. Ивлева // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/smysloporozhdenie-kulturnogo-prostranstva-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 06.01.2020).

80. Ионин, Л.Г. Социология культуры / Л.Г. Ионин. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.

81. Исаева, Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук / Л.А. Исаева. – Краснодар, 1996. – 310 с.
82. Каменская, О.Л. Текст и коммуникация / О.Л. Каменская. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.
83. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
84. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987 – 264 с.
85. Кармин, А.С. Культурология. Культура социальных отношений / А.С. Кармин. – СПб.: Лань, 2000. – 128 с.
86. Кармин, А.С. Культурология / А.С. Кармин. – М.: Питер, 2010. – 240 с.
87. Карнап, Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – М.: ИИЛ, 1959. – 382 с.
88. Катермина, В.В. Номинация человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) / В.В. Катермина. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 224 с.
89. Кертман, Л.Е. История культуры стран Европы и Америки 1870-1917 / Л.Е. Кертман. – М.: Высшая школа, 1987. – 304 с.
90. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
91. Клюев, Е.В. Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция / Е.В. Клюев. – М.: ПРИОР, 2001. – 272 с.
92. Клюева, Е.А. Культурное пространство как научная категория [Электронный ресурс] / Е.А. Клюева // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2015. – №4 (37). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-kak-nauchnaya-kategoriya> (дата обращения: 07.03.2020).

93. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
94. Ковшова, М.Л. Культурная информация в семантике языковых знаков / М.Л. Ковшова // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 27–36.
95. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 453 с.
96. Колесов, В.В. Жизнь происходит от слова... / В.В. Колесов – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
97. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
98. Колыхалова, О.А. Язык и культура [Электронный ресурс] / О.А. Колыхалова // Преподаватель XXI век. – 2012. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-kultura-3> (дата обращения: 15.05.2020).
99. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2017а. – 192 с.
100. Комлев, Н.Г. Слово в речи: Денотативные аспекты / Н.Г. Комлев. – М.: Изд-во ЛКИ, 2017б. – 216 с.
101. Костомаров, В.Г. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Иностранные языки в школе. – 2000. – №5. – С. 3–6.
102. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография / Н.А. Красавский; науч. ред. В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с. – ISBN 978-5-94244-018-3.
103. Красных, В.В. Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов / В.В. Красных // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России: материалы I конгресса РОПРЯЛ. – СПб.: МИРС, 2008. – С. 333–344.

104. Красных, В.В. Многогранник бытия homo loquens: «язык – сознание – культура – коммуникация – сообщество» / В.В. Красных // Жизнь языка в культуре и социуме – 2: материалы конф. – М.: Эйдос, 2011. – С. 14–16.
105. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
106. Красных, В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2016. – 493 с.
107. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
108. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Сост. Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев. – М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка, 1998. – 54 с.
109. Кротов, Г.В. Культурное пространство детства [Электронный ресурс] / Г.В. Кротов // Наука и современность. – 2010. – №1-1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-detstva> (дата обращения: 16.05.2020).
110. Кубрякова, Е.С. Текст – проблемы понимания и интерпретации / Е.С. Кубрякова // Семантика целого текста. – М.: Наука, 1987. – С. 93–94.
111. Кузнецова, А.В. Прецедентность художественного дискурса в сказке Е.Л. Шварца «дракон» / А.В. Кузнецова // Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века: материалы Всероссийской научной конференции, Майкоп, 21–23 октября 2021 года / Адыгейский государственный университет. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2021. – С. 37–41.
112. Кукушкина, Е.И. Познание, язык, культура. Некоторые гносеологические и социологические аспекты проблемы / Е.И. Кукушкина. – М.: МГУ, 1984. – 263 с.

113. Куликова, Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты: монография / Л.В. Куликова. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
114. Лазарева, О.А. Описание русской лексики: ментальность, лингвокультурология, идеография [Электронный ресурс] / О.А. Лазарева // Вестник ННГУ. – 2011. – №6-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opisanie-russkoy-leksiki-mentalnost-lingvokulturologiya-ideografiya> (дата обращения: 20.05.2020).
115. Лату, М.Н. Моделирование праиндоевропейской картины мира: структура и динамика когнитивных связей / М.Н. Лату. – Пятигорск: СНЕГ, 2013. – 128 с.
116. Левченко, М.Н. Немецкие реалии и их функциональный потенциал в текстах разных стилей / М.Н. Левченко, Н.В. Маркарян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 8. – С. 184-191.
117. Леонтьев, А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды / А.А. Леонтьев. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2001. – 448 с.
118. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.
119. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
120. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
121. Лихачев, Д.С. Культура как целостная среда / Д.С. Лихачев // Новый мир. – 1994. – № 8. – С. 3–8.
122. Лосев, А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А.Ф. Лосев. – М.: УРСС, 2010. – 296 с.

123. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 704 с.
124. Лотман, Ю.М. Избранные статьи / Ю.М. Лотман: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – 472 с.
125. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с.
126. Лучинская, Е.Н. Проблема интерпретации текстов постмодерна / Е.Н. Лучинская // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2019. – С. 238–241.
127. Лучинская, Е.Н. Язык культуры в дискурсе постмодерна [Электронный ресурс] / Е.Н. Лучинская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kultury-v-diskurse-postmoderna> (дата обращения: 05.02.2021).
128. Лучинская, Е.Н. Прецедентные феномены в общественно-политическом дискурсе [Электронный ресурс] / Е.Н. Лучинская, Б.С. Кабаньян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №6-2 (72). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-v-obschestvenno-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 06.12.2020).
129. Любичанковский, А.В. Культурное пространство региона в оценке современной российской историографии / А.В. Любичанковский, В.А. Любичанковский // Вестник ОГУ. – 2011. – № 7 (126). – С. 124–129.
130. Мамонтов, А.С. Язык и культура: Основы сопоставительного лингвострановедения: дис. ... д-ра филол. наук / А.С. Мамонтов – М., 2000. – 326 с.
131. Манаенко, Г.Н. Соотношение единиц информации и единиц языка [Электронный ресурс] / Г.Н. Манаенко // Актуальные проблемы филологии и

педагогической лингвистики. – 2017а. – №1 (25). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-edinits-informatsii-i-edinits-yazyka> (дата обращения: 19.07.2021).

132. Манаенко, Г.Н. Языковая природа факта и конструирование социальной реальности / Г.Н. Манаенко // Русский язык в поликультурном мире: материалы I Междунар. симпозиума. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2017б. – С. 304–310.

133. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ / Э.М. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

134. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

135. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2010. – 202 с.

136. Мельчук, И.А. Курс общей морфологии / И.А. Мельчук. – М.: Изд. Группа «Прогресс», 1997. – Т. 1. – 416 с.

137. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль: пер. с фр. – М.: Прогресс, 1973. – 507 с.

138. Москальская, О.И. Большой немецко-русский словарь / О.И. Москальская: в 2 т. Т. 1: А – К / О.И. Москальская, Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева. – М.: Русский язык, 1980а. – 760 с.

139. Москальская, О.И. Большой немецко-русский словарь / О.И. Москальская: в 2 т. Т. 2: L – Z / О.И. Москальская, Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева. – М.: Русский язык, 1980б.– 656 с.

140. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

141. Москальская, О.И. История немецкого языка / О.И. Москальская. – Л.: Просвещение, 1959. – 390 с.

142. Нефедов, С.Т. Грамматика модальных компонентов: диахронический аспект (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук / С.Т. Нефедов. – СПб., 2008. – 447 с.

143. Нефедов, С.Т. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива [Электронный ресурс] / С.Т. Нефедов, В.Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. – Филология. – 2020. – №63. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontekst-v-lingvisticheskom-analize-pragmaticheskaya-i-diskursivno-analiticheskaya-perspektiva> (дата обращения: 19.07.2021).

144. Нечай, Ю.П. Языковые средства выражения модальных отношений в предложении (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.П. Нечай. – Волгоград, 1993. – 15 с.

145. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.

146. Новиков, А.И. Семантика текста и её формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 214 с.

147. Новиков, А.И. Текст как объект исследования лингвопсихологии / А.И. Новиков // Методология современной психолингвистики. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 91–99.

148. Новиков, Л.А. Эскиз семантического поля / Л.А. Новиков // Вестник РУДН. – Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eskiz-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 04.08.2021).

149. Новиков, Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия / Л.А. Новиков // Русский язык в школе. – 1966. – № 4. – С. 79–87.

150. Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов: пер. с англ./ сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – 424 с.

151. Олейник, М.А. Текст и культурное пространство: аспекты взаимодействия / М.А. Олейник // Образование – Наука – Творчество. – 2004. – № 3(4). – С. 98–101.

152. Осокин, Ю.В. Система культуры / Ю.В. Осокин // Культурология: энциклопедия: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 2. – С. 479–483.
153. Падучева, Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
154. Панфилов, В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилов // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
155. Пешкова, Н.П. Из опыта экспериментальных исследований понимания речи в русле психолингвистики текста А.И. Новикова / Н.П. Пешкова // Вопросы психолингвистики. – 2014. – 2 (20). – С. 113–122.
156. Подтихова, Е.А. Денотативное пространство текста в аспекте межсемиотической трансформации: проблема фрагментирования [Электронный ресурс] / Е.А. Подтихова // Вестник ОГУ. – 2013. – №11 (160). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/denotativnoe-prostranstvo-teksta-v-aspekte-mezhsemioticheskoy-transformatsii-problema-fragmentirovaniya> (дата обращения: 20.07.2021).
157. Постовалова, В.И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции Вильгельма Фон Гумбольдта / В.И. Постовалова. – М.: URSS, 2014. – 256 с.
158. Привалова, И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Привалова. – М., 2006. – 50 с.
159. Рабдиль, Т.Б. ИмPLICITная культурно-значимая информация в естественном языке / Т.Б. Рабдиль // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – С. 18–26.
160. Ремхе, И.Н. Статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка / И.Н. Ремхе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – Вып. 8. – С. 94–98.

161. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Рольф: Айрис-пресс, 2000. – 448 с.
162. Розин, В.М. Визуальная культура и восприятие: как человек видит и понимает мир / В.М. Розин. – М.: URSS, 2008. – 269 с.
163. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захарченко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – Вып. 1. – 318 с.
164. Рыжков, В.А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности / В.А. Рыжков // Языковое сознание: стереотипы и творчество. – М.: ИЯЗ, 1988. – С. 4–16.
165. Сараф, М.Я. Динамика культурного пространства [Электронный ресурс] / М.Я. Сараф // Пространство и Время. – 2014. – №4 (18). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-kulturnogo-prostranstva> (дата обращения: 17.01.2020).
166. Сараф, М.Я. Культурное пространство и пространство культуры: цивилизационная гетерохронность [Электронный ресурс] / М.Я. Сараф // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2017. – №12-3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-i-prostranstvo-kultury-tsvivilizatsionnaya-geterohronnost> (дата обращения 10.01.2020)
167. Сараф, М.Я. Культурные слои в едином культурном пространстве [Электронный ресурс] / М.Я. Сараф, С.М. Сараф // Вестник МГУКИ. – 2019. – №4 (90). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-sloi-v-edinom-kulturnom-prostranstve> (дата обращения: 16.05.2020).
168. Свирида, И.И. Пространство и культура: аспекты изучения / И.И. Свирида // Славяноведение. – 2003. – №4. – С. 19–21.
169. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
170. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

171. Симбирцева, Н.А. Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели) / Н.А. Симбирцева. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017. – 273 с.
172. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 341 с.
173. Сорокин, Ю.А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю.А. Сорокин // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: Институт Языкознания РАН, 1993. – С. 98–117.
174. Сорокина, Н.В. Релятивистский подход к проблеме национальных стереотипов в педагогическом контексте [Электронный ресурс] / Н.В. Сорокина // Вестник ЗабГУ. – 2013. – №8. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/relyativistskiy-podhod-k-probleme-natsionalnyh-stereotipov-v-pedagogicheskom-kontekste> (дата обращения: 24.08.2021).
175. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
176. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – 824 с.
177. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания: учеб. пособие / Ю.С. Степанов. – 4-е. изд. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 272 с.
178. Тарасова, М.В. Культура как система: основные тенденции исследования [Электронный ресурс] / М.В. Тарасова // Вестник ОГУ. – 2011. – №7 (126). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-sistema-osnovnyye-tendentsii-issledovaniya> (дата обращения: 11.01.2021).
179. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
180. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

181. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
182. Темникова, О.А. Культурное пространство: типология концептуальных представлений [Электронный ресурс] / О.А. Темникова // Вестник Курганского государственного университета. – 2016. – №1 (40). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-tipologiya-kontseptualnyh-predstavleniy> (дата обращения: 16.05.2020).
183. Тимофеев, Л.И. Основы теории литературы / Л.И. Тимофеев. – М.: Просвещение, 1976. – 548 с.
184. Томахин, Г.Д. Реалии-американизмы / Г.Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.
185. Тураева, З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика) / З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
186. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян, А.В. Зиньковская. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. – 333 с.
187. Ушакова, Т.Н. Рождение слова: проблемы психологии речи и психолингвистики / Т.Н. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – 524 с.
188. Филлипов, К.А. Лингвистика текста / К.А. Филлипов. – СПб.: СПУ, 2003. – 336 с.
189. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
190. Флоренский, П.А. Строение слова / П.А. Флоренский // Контекст-1972. – М.: Наука, 1973. – 376 с.
191. Хомский, Н. Синтаксические структуры = Syntactic Structures / Н. Хомский // Новое в лингвистике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – Вып. 2. – С. 412–527.

192. Хохлина, М.Л. Лингвокультурный потенциал фразеологических единиц с «чужим» антропонимическим компонентом [Электронный ресурс] / М.Л. Хохлина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №349. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-potentsial-frazeologicheskikh-edinit-s-chuzhim-antropnimicheskim-komponentom> (дата обращения: 08.07.2021).
193. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В.Е. Чернявская. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. – 201 с.
194. Шаклеин, В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В.М. Шаклеин. – М.: Общество любителей русского слова, 1997. – 184 с.
195. Шеина, И.М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.М. Шеина. – М., 2009 – 53 с.
196. Шмелев, Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 244 с.
197. Штофф, В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – М.; Л.: Наука, 1966. – 304 с.
198. Эльджеркиева, Ф.М. Парадигматические отношения в лексической системе современного русского языка (на материале цветообозначений в текстах сетевых изданий): дис. ... канд. филол. наук / Ф.М. Эльджеркиева. – Магас, 2017. – 165 с.
199. Эрцикова, Г.А. Неполные и контекстуальные антонимы в произведениях Н.В. Игнатьева [Электронный ресурс] / Г.А. Эрцикова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepolnye-i-kontekstualnye-antonimy-v-proizvedeniyah-n-v-ignatieva> (дата обращения: 26.07.2021).
200. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–231.

201. Якобсон, Р.О. Работы по поэтике: переводы / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

202. Яковлева, А.Ф. Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре: основные методологические подходы (обзор круглого стола) [Электронный ресурс] / А.Ф. Яковлева, Л.Л. Шестакова // Общество. Коммуникация. Образование. – 2019. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stratifikatsiya-leksiki-sovremennogo-russkogo-yazyka-i-ee-otrazhenie-v-tolkovom-slovare-osnovnye-metodologicheskie-podhody-obzor> (дата обращения: 26.08.2021).

203. Янь, К. Художественный текст, культура, сознание: психолингвокультурологический подход [Электронный ресурс] / К. Янь // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №4 (30). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyy-tekst-kultura-soznanie-psiholingvokulturologicheskiy-podhod> (дата обращения: 18.05.2020).

204. Яшина, М.Г. Методика исследования культурно-маркированной лексики [Электронный ресурс] / М.Г. Яшина // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-issledovaniya-kulturno-markirovannoy-leksiki> (дата обращения: 20.05.2020).

205. Adamzik, K. Textlinguistik. Eine Einförende Darstellung / K. Adamzik. – Tübingen: Niemeyer, 2004. – 176 S.

206. Altmayer, C. Sprache/Kultur – Kultur/Sprache. Annäherungen an einen komplexen Zusammenhang aus der Sicht der Kulturstudien im Fach Deutsch als Fremd- und Zweitsprache / C. Altmayer // Linguistik und Kulturwissenschaft. Zu ihrem Verhältnis aus der Perspektive des Faches Deutsch als Fremd- und Zweitsprache und anderer Disziplinen. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. – S. 17–36.

207. Brinker, K. Textlinguistik / K. Brinker. – Heidelberg: Groos, 1993. – 124 S.

208. Bühler, K. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache / K. Bühler. – Stuttgart: UTB, 1999. – 468 S.
209. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Dritte, aktualisierte und erweiterte Auflage / H. Bußmann. – Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2002. – 783 S.
210. Cornejo, R. Konzepte der Interkulturalität in der Germanistik weltweit / R. Cornejo, G.L. Schiewer, M. Weinberg. – Wetzlar: Majuskel Medienproduktion GmbH, 2020. – 422 S.
211. Dabrowska, J. Stereotype und ihr sprachlicher Ausdruck im Polenbild der deutschen Presse: eine textlinguistische Untersuchung / J. Dabrowska. – Tübingen: Narr, 1999. – 341 S.
212. Duden – Duden online. URL: <https://www.duden.de/> (Abrufdatum: 21.06.2021).
213. Engel, C. Geschichte des sowjetischen und russischen Films / C. Engel. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 1999. – 382 S.
214. Fend, H. Geschichte moderner Bildungssysteme: Der Sonderweg im europäischen Kulturraum / H. Fend. – Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwissenschaften, 2006. – 265 S.
215. Goodenough, W. Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology / W. Goodenough. – New York; Evenston; London: Harper & Row, 1964. – 764 p.
216. Grosch, H. Methoden interkulturellen Lehrens und Lernens / H. Grosch, A. Groß, W.R. Leenen. – Saarbrücken, 2000. – 48 S.
217. Günthner, S. Einleitung: Linguistik und Kulturanalyse. Ansichten eines symbiotischen Verhältnisses / S. Günthner, A. Linke // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. – 34. – 1/2. – Mannheim: IDS, 2006. – S. 1–27.
218. Helbig, G. Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Leipzig; Berlin; München: Langenscheidt Verlag Enzyklopädie, 1991. – 736 S.
219. Hofstede, G. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management / G. Hofstede. – München: Beck, 1997. – 420 S.

220. Holthoff, J. Kulturraum Europa: der Beitrag des Art. 151 EG-Vertrag zur Bewältigung kultureller Herausforderungen der Gegenwart / J. Holthoff. – Baden-Baden: Nomos, 2008. – 256 S.
221. Hudson, R.A. Sociolinguistics / R.A. Hudson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. – 279 p.
222. Hug, M. Modalität im Deutschen und deren grammatische und semantische Realisierung. Didaktische und methodische Anregungen / M. Hug // Германистика в современном научном пространстве: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – С. 65–73.
223. Humboldt, H.W. Wilhelm von Humboldts Werke / H.W. Humboldt. – Bd. 4. – Berlin: B. Behr, 1905. – 441 S.
224. Kessel, K. Basiswissen Deutsche Gegenwartssprache / K. Kessel, S. Reimann. – Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2005. – 276 S.
225. Kuße, H. Kulturwissenschaftliche Linguistik: Eine Einführung / H. Kuße. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. – 319 S.
226. Lilli, W. Grundlagen der Stereotypisierung / W. Lilli. – Göttingen; Toronto; Zürich: Verlag für Psychologie Hogrefe, 1982. – 142 S.
227. Linke, A. Kommunikation, Kultur und Vergesellschaftung: Überlegungen zu einer Kulturgeschichte der Kommunikation / A. Linke // Sprache – Kognition – Kultur. Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung. – Berlin: de Gruyter, 2008. – S. 24–50.
228. Longman Dictionary of English Language and Culture / D. Summers, P. Stock. – L: Longman Group UK Ltd, 1992. – 1528 p.
229. Mast, M. Kulturelle als Spiegel des Denkens. Das Sprechen über Beruf und Alltag in deutschen und spanischen Medientexten / M. Mast. – Berlin: Springer, 2020. – 489 S.
230. Oechslin, W. Architekturtheorie im deutschsprachigen Kulturraum 1486–1648 / W. Oechslin, T. Büchi, M. Pozsgai. – Basel: Colmena, 2018. – 744 S.

231. Oksaar, E. Kulturemtheorie. Ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung: Berichte aus den Sitzungen der Joachim Jungius-Gesellschaft der Wissenschaften e.V., Hamburg, Jahrg. 6, Heft 3. / E. Oksaar. – Hamburg; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. – 72 S.
232. Poyatos, F. Anthropological perspectives in nonverbal communication studies / F. Poyatos // *Man and Life*. – 7. – 1-2. – Calcutta: Institute of Social Research and Applied Anthropology, 1981. – P. 27–45.
233. Poyatos, F. Analysis of a Culture Through Its Culturemes: Theory and Method / F. Poyatos // *Language and man. Anthropological issues*. – The Hague; Chicago: Mouton (World anthropology), 1976. – S. 313–323.
234. Pullum, G.K. The evolution of model-theoretic frameworks in linguistics / G.K. Pullum // *Model-Theoretic Syntax at 10-Proceedings of the MTS@10 workshop, Language and Information*. – Dublin: Trinity College Dublin, 2007. – P. 1–10.
235. Putz, M. Kulturraum Lager. Politische Haft und dissidentisches Selbstverständnis in der Sowjetunion nach Stalin. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte / M. Putz. – Bd. 86. – Wiesbaden: Harrassowitz-Verlag, 2019. – 348 S.
236. Schickhaus, T.A. Interkulturelle Literaturwissenschaft und Wissenssoziologie / T.A. Schickhaus. – Bielefeld: transcript Verlag, 2017. – 324 S.
237. Senft, G. Völkerkunde und Linguistik – Ein Plädoyer für interdisziplinäre Kooperation / G. Senft // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. – 34. – 1/2. – Mannheim: IDS, 2006. – S. 87–104.
238. Tschopp, S.S. Nationale Stereotype in literarischem Gewand: Das Bild des Spaniers / S.S. Tschopp // *Frühneuzeitliche Stereotype. Zur Produktivität und Restriktivität sozialer Vorstellungsmuster: V. Jahrestagung der Internationalen Andreas Gryphius Gesellschaft Wroclaw. Jahrbuch für Internationale Germanistik*. – Reihe A. – Band 99. – Bern: Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2010. – S. 67–93.
239. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. – 1111 S.

240. Wengeler, M. «Früher haben Politiker Krisen herbeigeredet, jetzt ist die Krise da». Linguistik als Kulturwissenschaft am Beispiel der Erforschung sprachlicher Konstruktionen von Wirtschaftskrisen / M. Wengeler // Linguistik und Kulturwissenschaft. Zu ihrem Verhältnis aus der Perspektive des Faches Deutsch als Fremd- und Zweitsprache und anderer Disziplinen. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015. – S. 87–104.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

241. Kehlmann, D. Tyll / D. Kehlmann. – Reinbek: Rowohlt, 2017. – 380 S.